Общая тетрадь

Рига 2022

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:
А.Н. Архангельский
С.А. Васильев
А.В. Макаркин
М. Мертес (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*
Литературный редактор *А. Заматаева*
Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 1 (84) 2022

К читателю

К 30-летию Школы гражданского просвещения
Юрий Сенокосов, Лена Немировская 5

Тема номера

Заявление в знак солидарности с Украиной 8

«Путин прямо ответил, что не доверяет никому и никогда»
Альваро Хиль-Роблес 11

Война на Украине – Каин и Авель
Рене Нюберг 15

Изобретение мира
Андрей В. Колесников 20

Опыт истории

Человек в мире
Анатолий Михайлов 24

«Я бы больше хотел говорить о ценностях»
Кшиштоф Занусси 33

Заключительное слово на семинаре
Эрнест Выцишкевич 41

Искусственный интеллект

Новая этика: информационные технологии и верховенство права
Анна Кулешова, Олег Грешнев 44

Социология

Где обрести надежду
Алексей Левинсон 64

Книги

Русская беда
Андрей Захаров 89

Контрапункт
Дмитрий Травин 93

Nota bene

Освальд Шпенглер: величие и немощь пророка
Люсьен Февр 99

К 30-летию Школы гражданского просвещения

Основатели Школы гражданского просвещения Юрий Сенокосов, Лена Немировская

24 февраля 2022 года Россия вторглась в Украину, что для многих стало полной неожиданностью. Хотя ожидание войны, по словам Андрея В. Колесникова, и было несколько месяцев постоянной эмоцией, но рядом с ней жила все же надежда на рациональность.

Вопрос: как реагировать в таком случае на слова, которые мы слышали о президенте России, что «он болен»?

Первый угрожающий симптом этой болезни относится, на мой взгляд, к 2005 году, когда во время выступления с посланием Федеральному собранию РФ В. Путин назвал «распад СССР крупнейшей геополитической катастрофой XX века». Не Первую мировую войну и не захват власти большевиками в России, потому что тогда он оскорбил бы (а он этого явно боялся) чувства россиян, 70 лет упорно строивших коммунизм и фактически простивших чекистам террор. И не Вторую мировую войну, которую снова начали Германия и СССР, победивший на этот раз. Однако Путин не считает эту победу общей победой в Мировой войне, а относится к ней как к особой победе — в Отечественной войне, что лишь подтверждает названный симптом, полностью проявивший себя после вторжения России в Украину.

Обратимся к истории, чтобы понять происхождение этой «болезни».

Но вначале об эксперименте в лаборатории лауреата Нобелевской премии физиолога Ивана Павлова над собакой, о котором написал известный философ Э. В. Ильенков (1924–1979).

«Когда-то в лаборатории И. П. Павлова производили над собакой <…> эксперимент, — рассказывает он. — У нее старательно формировали и отрабатывали положительный слюноотделительный рефлекс на окружность и отрицательный на изображение эллипсиса. Собака прекрасно различала эти две “разные” фигуры. Затем круг начинали поворачивать в ее поле зрения так, что он постепенно “превращался” в эллипсис. Собака начинала беспокоиться и в какой-то точке срывалась в истерическое состояние. Два строго отработанных условно-рефлекторных механизма, прямо противоположных по своему действию, включались разом и сталкивались в конфликте, в “ошибке”, в антиномии. Для собаки это было непереносимо: момент превращения “А” в “не? А” — момент, в котором “отождествляются противоположности”, — как раз и есть тот момент, в отношении к которому остро и четко выявляется принципиальное отличие человеческого мышления от отражательной деятельности животного. Животное (а также ум, лишенный подлинной “логической культуры”) в этом пункте срывается в истерику, начинает метаться и попадает в плен к случайным обстоятельствам. Для подлинно-культурного в логическом отношении ума появление противоречия — это сигнал появления проблемы, неразрешимой с помощью строго заштампованных интеллектуальных действий».

Я привел эту цитату, так как она подтверждает известную пословицу о трех видах ума: человеческом, животном и военном. При этом человеческий ум, как известно, приручил животный, а военный, давая клятву человеческому, жил и продолжает жить, преодолевая по-своему — не только героизмом и мужеством, но и террором — первобытный страх смерти.

«Умом Россию не понять...» — сказал русский поэт в XIX веке. Но это в прошлом. В последние годы мы часто слышим другое: «Россия — особая страна. У нее особый путь».

Действительно, особый, начиная с событий большевистского переворота в 1917 году. Именно тогда во время захвата власти у большевиков окончательно сформировался безусловный положительный рефлекс на слово «пролетариат» и отрицательный на слово «буржуазия». То есть «сработал» военный, чекистский ум. И после этого, осваивая азы марксистско-ленинской теории классовой борьбы на практике, чекисты начали и при Сталине продолжали массовый террор против народа. Не обращая внимания на «принципиальное отличие человеческого мышления от отражательной деятельности животного». Чему, естественно, получив власть, следовал и Путин, заразивший свое окружение манией возрождения политической советской системы и опричнины. Закрывая «Мемориал» и объявляя о борьбе с экстремизмом и терроризмом в России и нацистами в Украине.

Между тем история человечества убедительно показала возможность и преимущество другого человеческого пути преодоления страха: с помощью философии, религии, искусства, науки, права. И благодаря этому на биологическом уровне для поддержания здорового образа жизни человека в детском возрасте ему делается прививка, а в пожилом предлагается витаминная добавка. А что касается межчеловеческого общения, то здесь для поддержания

Маттье Бурель (Matthieu Bourel). Фотографирует Кремль.

устойчивого общественного процесса сегодня необходимо не только воспитание и образование, но и просвещение.

То есть образование и просвещение одновременно как «прививка» в начальной и средней школе, чтобы «содействовать уважению человеческих прав и свобод», как об этом сказано в Уставе и в Статье 26 Всеобщей декларации прав человека ООН. Но нужна и «витаминная добавка» просвещения к профессии во время учебы в вузах, чтобы оставаться человеком в условиях глобального кризиса.

Человек сегодня существо планетарного масштаба, которое хочет все иметь, всем владеть, управлять, все подавлять, используя все научные открытия и технические достижения.

Можно ли изменить эту ситуацию? Каковы наши альтернативы — как в мировом масштабе, так и на уровне отдельных стран? Как вывести мир из милитаристского определения безопасности? Каковы наилучшие методы для стимулирования развития перехода от культуры войны, насилия, подозрительности, пропаганды и образа врага к культуре невойны, сотрудничества, взаимопомощи, мира и ненасилия? Можем ли мы, задавая эти вопросы, ответить на них? Ведь для этого и существует наша Школа.

НЕТ ВОЙНЕ!

ОБЩЕСТВУ ГРАЖДАН — ГРАЖДАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ!

Международная организация «Демократия без границ» (Democracy Without Borders)

*Заявление в знак солидарности с Украиной**

27 февраля 2022 г.

«Демократия без границ» осуждает агрессивную войну, которую российский режим и его пособники развязали и ведут против Украины. Мы заявляем о своей солидарности с украинским народом и его правительством, которые столкнулись с этим незаконным вторжением. Мы солидарны со всеми людьми, выступающими за мир, демократию и свободу, со всеми теми, кто подвергается насилию со стороны российского режима и его сил: будь то в Украине, Грузии или самой России.

Эта агрессивная война, которая является вопиющим нарушением Устава ООН, направлена не только против народа Украины и фундаментальных принципов справедливого международного порядка — она направлена против принципов демократии, свободы и прав человека, которые начали процветать в Украине. Полномасштабное вторжение России в Украину усиливает скрытую и открытую глобальную войну автократических режимов против демократии, и сегодня демократические силы обязаны дать ей решительный отпор.

Мы призываем правительства всех стран содействовать изоляции на международном уровне, как российского режима, так и его пособников, оказать Украине помощь в осуществлении ее права на самооборону и принять самые решительные меры для оказания финансового, экономического и политического давления на агрессоров с целью немедленного прекращения военных действий.

---

* *www.democracywithoutborders.org/*
https://cdn.democracywithoutborders.org/files/UkraineStatementRus.pdf

Карл Фредрик Рэйтерсворд (Carl Fredrik Reuterswärd). Нет насилию. 1984

Мы приветствуем уже принятые меры, такие как поставка оружия, закрытие воздушного пространства для российских авианосцев или отключение России от платежной системы SWIFT.

Мы считаем злоупотреблением российское вето против резолюции Совета Безопасности, так как налицо явный конфликт интересов. Мы призываем государства-члены ООН запросить юридическое заключение Международного суда о том, насколько использование права вето в таких критических обстоятельствах совместимо с духом и целями Устава ООН.

Мы приветствуем тот факт, что Совет Безопасности ссылается на субсидиарную ответственность Генеральной Ассамблеи в соответствии с принципом «Единство во имя мира». Согласно нашей юридической интерпретации Устава ООН, путем принятия резолюции большинством в две трети голосов Генеральная Ассамблея может преодолеть вето, наложенное на Совет Безопасности.

Мы призываем Генеральную Ассамблею, созванную по принципу «Единство во имя мира», установить факт агрессивной войны и санкционировать решительные ответные меры всего международного сообщества.

Российское правительство под руководством Владимира Путина вместе с олигархами является исключительным примером клептократического управления. Санкции должны быть применены ко всем членам этой сети политической и экономической власти в России, которые поддерживают нападение на Украину.

Ответственные за эту агрессивную войну, в частности Владимир Путин, должны понести индивидуальную уголовную ответственность. Мы подчеркиваем, что Международный уголовный суд обладает юрисдикцией в отношении преследования военных преступлений, преступлений против человечности и геноцида на территории Украины с 2014 года, и призываем прокурора собрать доказательства и начать расследование, если есть основания полагать, что такие преступления совершаются.

Мы призываем все страны, которые еще не сделали этого, присоединиться к Международному уголовному суду и признать его юрисдикцию. Именно сейчас они должны продемонстрировать свою приверженность международному правосудию. Мы сожалеем, что юрисдикция суда в отношении агрессивной войны была реализована очень ограниченным образом, и призываем все государства-члены пересмотреть этот механизм.

Мы считаем, что необходима серьезная реформа ООН, которая позволит всемирной организации действительно поддерживать международный мир и безопасность, а также решать глобальные проблемы, такие как изменение климата или пандемии.

Мы твердо уверены в необходимости пересмотра Устава ООН, включая полную отмену права вето, и считаем, что первые важные изменения могут быть сделаны уже сейчас.

Мы призываем Генеральную Ассамблею ООН учредить Парламентскую Ассамблею, используя статью 22 Устава ООН. Эта Парламентская Ассамблея ООН поможет укрепить демократический характер ООН и привлечь избранных представителей, гражданское общество и граждан к обсуждению и принятию решений в ООН официальным путем. Эта новая ассамблея может стать двигателем дальнейших реформ.

Мы осуждаем агрессивную войну, военные преступления, преступления против человечности, геноцид и нарушения основных прав человека во всех случаях, независимо от того, кем и где они совершаются. Все виновные должны быть привлечены к ответственности и предстать перед судом.

Перевод с английского Инны Берёзкиной

«Путин прямо ответил, что не доверяет никому и никогда»*

Альваро Хиль-Роблес, омбудсмен Испании (1987–1993), первый комиссар по правам человека Совета Европы (1999–2006)

Я приступил к исполнению своих обязанностей комиссара по правам человека Совета Европы осенью 1999 года, в самом начале второй чеченской войны. Война началась с вооруженного столкновения группы чеченцев во главе с фанатиком Шамилем Басаевым, которые вторглись в соседнюю республику Дагестан и провозгласили конечной целью создание Кавказского халифата.

Это безумие не только помешало усилиям более умеренных чеченцев построить мирную Чеченскую Республику, но и позволило российской армии жестоко и кроваво отомстить за унижение в первой войне, проигранной при Борисе Ельцине. Новоявленный президент Российской Федерации Владимир Путин позиционировал себя тогда как жесткий и непримиримый правитель, возвращающий поруганную национальную честь. Уже тогда началось его становление как президента, которого мы видим сегодня — президента войны, презирающего слабых правителей Запада и верящего в силу как единственное средство достижения своих целей.

Именно с этим новоявленным президентом Путиным мне пришлось иметь дело в те военные и послевоенные годы. Было несколько долгих бесед, из которых мне стало понятно, что, несмотря на холодность, с которой он слушал мои рассказы о зверствах российской армии на чеченской земле и необходимости положить конец этому варварству, восстановив справедливость в отношении преступлений против беззащитного населения, он был способен на некоторые жесты, соответствующие моменту, даже если это было сделано, исходя исключительно из тактических соображений.

Помню, как по возвращении из одного из таких визитов в Чеченскую Республику он принял меня за знаменитым длинным столом, но на этот раз

** https://elpais.com/internacional/2022-03-09/cuando-putin-me-respondio-que-el-nunca-se-fiaba-de-nadie.html*

лицом к лицу и в отдельной комнате, без микрофонов и записывающих устройств. Я сказал ему, что он должен положить конец варварствам, которые его армия совершает в Чечне, подавляя любой инцидент немедленной беспорядочной бомбардировкой населения, каждая из которых только множит жертвы и провоцирует еще больше ненависти.

Еще в 1999 году началось становление Путина как президента войны, презирающего слабых правителей Запада и верящего в силу как единственное средство достижения своих целей

Он внимательно выслушал меня и ответил, что у него нет другой армии, но он твердо намерен в течение двух месяцев вывести ее с передовой и передать ответственность за общую безопасность людям Рамзана Кадырова. Зная о жестокости и грубости этих чеченских подразделений, преданных России, я спросил его, действительно ли можно довериться им в том, что будет положен конец злоупотреблениям, и он прямо ответил, что не доверяет никому и никогда.

Он сдержал свое слово, и беспорядочные бомбардировки прекратились, но власть Кадырова в Чечне, как и его диктатура, укрепилась. Сегодня он готов использовать чеченские войска в попытке запугать украинцев уже известной жестокостью и насилием.

Тот президент Путин 20-летней давности еще был способен слушать и сохранять пространство для диалога. И его окружали люди иного склада, например, тогдашний министр иностранных дел Игорь Иванов, бывший посол в Испании, умелый и тонкий переговорщик, уважительно относившийся к собеседникам и никогда не прибегавший к дворовому языку. Или Владимир Лукин, бывший посол в США при Ельцине и уполномоченный по правам человека, с которым я так хорошо работал и который так много мне помогал. Сдержанные люди, которые сохраняли прямые связи с Кремлем. Сегодня это уже в прошлом. Президент, похоже, окружен исключительно подхалимами, которые говорят ему то, что он хочет услышать, военными ястребами и олигархами, обогатившимися за его счет.

Должен признать, что со мной он был очень корректен по форме и строг по существу (он так и не удовлетворил мою просьбу об отмене смертной казни, хотя и сохранил мораторий), но он позволил произойти неформальным мирным переговорам в Страсбурге, а также создал пост омбудсмена «военного времени» для расследования исчезновений людей и нарушений прав человека. Он согласился начать поиск пропавших без вести с обеих сторон, идентифицировать и передать их семьям, и все это проходило при поддержке Европейского союза. (Эта операция была отменена генеральным секретарем Совета Европы вскоре после окончания моего мандата.)

Он согласился и с несколькими другими моими рекомендациями. Однако на протяжении всех этих продолжительных разговоров я понимал:

напротив меня человек, сильно уязвленный Западом и «непониманием России», по крайней мере, его видения России, глубоко укоренившегося националистического мышления и тоски по сильной и уважаемой в мире стране, как это было в советские времена. И уж точно человек, далекий от того, чтобы разделять демократические ценности, характерные для Европы и представленные Советом Европы, членом которого пока еще является Российская Федерация. (Что довольно противоречиво, учитывая последнее совместное заявление с Китаем, дающее представление о других ценностях, центром которых не являются гуманизм, уважение человеческого достоинства, свободы, верховенства права и прав человека, характеризующие нашу модель европейского демократического общества.)

Похоже, президент окружен исключительно подхалимами, которые говорят ему то, что он хочет услышать

Но президента, которого я знал и с которым вел переговоры, больше не существует. Те, кто вокруг него стремился к миру и укреплению минимальной демократии, были смещены.

Со временем мы стали свидетелями неприкрытого авторитарного дрейфа, преследования любых несогласных как в политической, так и в гражданской жизни, особенно тех, которые сотрудничали с западными институтами или получали от них финансирование. До последнего стоял, не позволяя себя уничтожить, вошедший в историю «Мемориал». Еще до него на пути тоталитарной машины встала Московская школа политических исследований, с которой я всегда сотрудничал и которая проделала огромную работу по просвещению тысяч молодых людей и продвижению ценностей демократии при поддержке Совета Европы и Европейского союза.

Президента, которого я знал и с которым вел переговоры, больше не существует

Правосудие здесь — институциональный аппарат, независимость которого бросается в глаза своим отсутствием. Парламент — игрушка в руках единственной партии. Официальные СМИ доминируют, немногие остававшиеся независимые медиа заблокированы, а журналисты подвергаются уголовному преследованию по закону, показательно принятому за 24 часа подневольной Думой.

Радио «Эхо Москвы», на которое я так часто приходил, чтобы поговорить о ситуации с правами человека в России, и особенно в Чечне, только что было закрыто. Это был последний свободный голос внутри страны. Как и в советскую эпоху, которой восхищается президент, инакомыслие не допускается, а официальная правда является единственной, насаждаемой изо всех источников народу. Говоря прямо, Россия сегодня скатывается к классической диктатуре.

Но и здесь Путин ошибается. Сегодня существует параллельный мир информационных каналов, который невозможно взять под контроль.

И как бы он ни пытался опьянить свой народ, правда о военной агрессии против Украины, об этой империалистической войне, нарушающей международный порядок, все равно будет открыта. И это не единственное попрание закона, которое мы наблюдаем в последнее время.

С другой стороны, сложившаяся ситуация наконец заставила Европейский союз сделать гигантский шаг вперед, предприняв все меры против агрессии, направленной на европейскую страну. И общественное мнение, и политические силы едины в убеждении, что необходимо укреплять общую внешнюю и оборонную политику.

Мы не должны совершать ошибку и судить обо всем российском народе по безумным поступкам и взглядам его нынешнего президента

Но мы не должны совершать ошибку и судить обо всем российском народе по безумным поступкам и взглядам его нынешнего президента, который на деле как раз не является сумасшедшим. Вовсе нет. Все, что он делает и как он это делает, отражает его истинное понимание власти. Поддержка российского народа сейчас не в пример ниже по сравнению с аннексией Крыма. Никаких стихийных демонстраций в поддержку войны нет. Напротив, значительная часть граждан проявляет мужество, выходя на антивоенные протесты, где уже более 14 тысяч человек были арестованы. Это и есть живое свидетельство сопротивления диктатуре.

Наконец, давайте не забывать, что, несмотря на весь ужас, мы должны приложить усилия, чтобы оставить открытой возможность переговоров для прекращения этой войны; и я по-прежнему считаю, что Запад должен быть открыт к использованию Совета Европы как платформы для переговоров. Нам нужно сохранить пространство диалога, пока Россия отстранена, но еще не исключена, каким бы трудным этот диалог ни был. Это было сделано во время чеченской войны, и сегодня мы обязаны повторить эту попытку. Мы в долгу перед жертвами этого варварства, в том числе перед самими россиянами, перед молодыми солдатами, которые умирают и которых, как напомнила нам Светлана Алексиевич, скоро начнут передавать матерям в цинковых гробах.

Перевод с испанского Инны Берёзкиной

Война в Украине – Каин и Авель

11 марта 2022 г.

Рене Нюберг, посол (Финляндия)

Мы наблюдаем классический пример безумия «маленькой победоносной войны», которая в рассматриваемом случае *не маленькая* и *не победоносная*. Последствия этой войны, на настоящее время не вполне поддающиеся предсказанию, окажутся исторически важными.

Позволю себе сослаться на профессора Принстонского университета Стивена Коткина, который в своей фундаментальной биографии Сталина описывает имевшую место во время войны беседу между Сталиным и посетившим Москву британским министром иностранных дел Энтони Иденом. Сталин отметил, что Гитлер — гений, но что он не знает, где остановиться. Иден ответил: «А кто знает?» На это Сталин сказал: «Я знаю».

Поистине Сталин знал. Когда в феврале 1940 года Сталин осознал, что существует реальная опасность вмешательства Великобритании и Франции в Зимнюю войну против Финляндии, он согласился на мирные переговоры.

Пусть параллели с безъядерным миром вряд ли уместны при исследовании современных конфликтов, Зимняя война, к удивлению многих финнов, оказалась на редкость актуальна в контексте войны в Украине. Сталин отрицал право Финляндии на существование, недооценил политическую решимость финнов и неверно оценил боевой дух и тактическое мастерство финской армии — тяжелые ошибки, которые Путин повторил в Украине.

Но позвольте вернуться к Сталину и его способности остановиться в обстоятельствах, когда он мог проиграть. Наверное, лучший пример — это блокада Берлина в 1947–1948 гг. Осознав, что американцы и англичане прорвали блокаду эффектным «Берлинским воздушным мостом» («Люфтбрюке»), он снял

блокаду. То же относится и к его преемнику Никите Хрущеву, которому пришлось дважды отступать в Берлине. Наиболее актуальным примером является, конечно, кубинский ракетный кризис 1962 г., который поставил мир на грань ядерной войны. Советский руководитель недооценил молодого американского президента, и два года спустя Политбюро ЦК КПСС отправило его на пенсию. Я еще вернусь к политбюро, вернее, к отсутствию института, сопоставимого по полномочиям с политбюро в нынешней России.

Очевидно, что Владимир Путин совершил тяжелые ошибки. Во-первых, в Украине, но также и в отношении реакции Запада.

Недооценку реакции Запада можно объяснить с учетом внутриполитической ситуации в ведущих западных странах. Речь идет о трудностях президента Байдена в достижении своих политических целей. Не следует забывать о катастрофическом уходе американских военных из Афганистана. В Германии избран новый канцлер, которому еще предстоит доказать свою политическую состоятельность. Президенту Франции предстоят выборы. Скандалы сотрясают кабинет британского премьер-министра.

Российская пропаганда изобрела пренебрежительное выражение — «коллективный Запад». Однако находка оказалась гениальной. Пропагандисты нашли правильное слово, описывающее Запад, причем неожиданным образом Запад действительно оказался единодушным и решительным. Умение и решимость американской администрации во взаимодействии с союзниками и партнерами сформировали «коллективный Запад». Американская администрация, рискнув, обнародовала подробную разведывательную информацию о вторжении, которая оказалась точной, как мы теперь знаем. Это потрясло российское руководство, которое тут же принялось все отрицать и даже насмехаться над слухами о «мифической российской угрозе».

Но подлинной катастрофой, конечно же, обернулся неверный анализ ситуации в Украине. Становится все более очевидным, что анализа как такового и не было. Отправить на войну целую российскую армию без надлежащей оценки противника — это преступление. И главнокомандующий дорого за это заплатит.

Что произошло? Есть свидетельства в пользу того, что российское разведывательное сообщество, включая научные круги, пренебрегло так называемыми «украинскими исследованиями», или «украинологией». В России сильны традиции в области синологии и арабистики и, конечно, в изучении западных стран, но России, очевидно, не удалось развить ничего сопоставимого в исследованиях общества бывших советских республик, независимость которых к настоящему времени насчитывает тридцать лет. Британский ученый Джон Лаф в недавней книге «Российская проблема Германии» лаконично отмечает, что Москва признает независимость бывших советских республик, но не их суверенитет, за

Тони Кеньон (Tony Kenyon). Каин и Авель.

исключением государств Прибалтики, которые состоят как в ЕС, так и в НАТО. Тем не менее даже это не объясняет и не оправдывает преступное пренебрежение в отношении Украины.

Мы знаем, что политики и государственные деятели *творят*, но не *пишут* историю. Летописи — удел историков и предмет академических споров. Речь, конечно, идет и о нарративе, предшествовавшем вторжению России в Украину. Упорные попытки Путина как историка-дилетанта доказать, что украинской нации не существует и что русские и украинцы, а также, конечно, белорусы образуют единый народ, только отягчают совершаемое преступление. То, что говорит президент Путин, лишь доказывает, что это гражданская война в самом трагическом смысле слова. По мнению предстоятеля Украинской православной церкви, до последнего времени остававшейся в составе Московской патриархии, это случай Каина и Авеля.

Президент Зеленский, ежедневно высмеиваемый российскими пропагандистами как невротик и наркоман, являет собой еще один пример чудовищных просчетов России. Здесь вновь напрашивается сравнение

с советско-финской войной. Советское руководство не только ставило под сомнение право Финляндии на независимое существование, но и именовало финское правительство, в частности, маршала Маннергейма и президента Рюти, правящей кликой. Российская пропаганда по сей день не признает, что идет война, и продолжает называть украинское правительство «киевским режимом» или «хунтой».

Я нередко смотрю российские теленовости и привычен к кадрам постоянных военных маневров с колоннами танков, атакующими истребителями и потоком новых систем вооружения, поставляемых армии. Особенно запоминаются, конечно, заявления о модернизации российских ядерных сил. Но сегодня в грязи украинских равнин застряла вовсе не могучая армия мотивированных солдат под командованием знающих, компетентных офицеров. Позвольте вновь вернуться к Зимней войне 1939–1940 гг. Значимость той кампании, того, если угодно, финского примечания к мировой истории состоит в том, что война открыла глаза Сталину и ввела в заблуждение Гитлера.

Даже если главнокомандующий в конце концов отдаст приказ обратить украинские города в руины, подобно Алеппо в Сирии или Грозному в 1995 году, военная катастрофа останется фактом и полетят головы.

Помимо политических и военных ошибок, допущенных Кремлем, следует отметить экономические и технологические просчеты, грозящие разрушением российской экономики. Россию несколько раз предупреждали, что санкции будут беспрецедентными. Санкции против российского Центробанка поразили сердце финансовой системы. К чести российской экономики и несмотря на ее растущее огосударствление, в финансовых и экономических ведомствах заседают не шарлатаны. Напротив, и министерством финансов, и Центральным банком управляют профессионалы с западным образованием. Председатель Центробанка, сидя в конце длинного стола напротив президента Путина, с мрачным, непроницаемым выражением лица выслушала новость о том, что страна вступает в войну. Эльвира Набиуллина была одета в черное и не надела ни одну из своих характерных брошей, посредством которых она, согласно выработанному личному стилю, передает «настроения Центрального банка». «Экономический блок», весьма вероятно, оставался в неведении относительно военных планов и был обманут самым бессовестным образом.

Изоляция России и ее собственные шаги по самоизоляции рано или поздно заведут страну в тупик и, возможно, вызовут дефолт. Позвольте отметить и четвертую ошибку в решении Путина о вторжении в Украину, а именно, пренебрежение технологическими последствиями. Россия — довольно передовое и во многих отраслях современное общество. Инновационные цифровые технологии используются и распространены повсеместно. Лучшим примером служит российский банковский сектор и его крупнейший участник Сбербанк, который во многом

зависит от американских технологий. Россия — это не Советский Союз; это открытое общество, зависящее от внешней торговли и современных технологий. Отсутствие западных запчастей и комплектующих уже поставило в сложнейшее положение весь российский коммерческий авиапарк, состоящий в значительной степени из самолетов производства Boeing и Airbus. Даже культовый советский производитель автомобилей «Лада», корнями уходящий в итальянский Fiat 1970-х гг., собирается закрыть производство из-за нехватки комплектующих. Экономика просто не может пережить закрытые границы. Растущая инфляция и товарный дефицит станут потрясением для российского общества.

Остаются классические русские вопросы: «Что делать?» и «Кто виноват?».

Относительно того, что делать, сомнений быть не может. Остановить войну и начать переговоры с «киевским режимом», так как Украина не капитулирует. Для этого, вероятно, потребуется посредник. Самовосприятие России и ее статус ядерной сверхдержавы не допускают иных равных партнеров, кроме Соединенных Штатов. И все же кто, кроме Вашингтона, мог бы убедить Кремль в необходимости мирного соглашения? Мне представляется, что единственный глава государства, к советам которого Путин не может не прислушаться, — это Си Цзиньпин. Могут ли в посреднических усилиях принять участие и европейские лидеры? Этого я не знаю.

А вот и принципиальный вопрос: кто виноват? Никогда бы не подумал, что буду скучать по политбюро. Ведь сегодня в России нет политической организации, которая могла бы призвать к ответственности президента и главнокомандующего.

Перевод с английского Марка Дадяна

Андрей В. Колесников, журналист

*Изобретение мира**

О том, как полвека назад СССР и США преподали друг другу урок разрядки

Война, говорил сэр Генри Мейн, знаменитый британский юрист XIX века, «стара, как само человечество, мир — это новейшее изобретение». Британский военный историк, сэр Майкл Говард, в книге «Изобретение мира», увидевшей свет больше 20 лет тому назад, писал о наступлении «постгероической эпохи»: война уже не объединяет нации, перестает быть средством самоидентификации для них, национальный флаг — это своего рода «логотип фирмы». Для западных урбанизированных обществ свойственно нежелание нести тяжелые потери. Страшные войны XX века, делал вывод Говард, были следствием идеологии национальных государств.

В то время, когда историк писал свою книгу, еще действовало анестезирующее действие конца истории по Фрэнсису Фукуяме, торжество либерального порядка, и Ховард всего лишь находил подтверждение завершения исторической эволюции в конце истории войн. За год до 11 сентября и за определенное число лет до того, как идеологии национальных государств вернулись. Вместе с войной.

Нации словно разучились находить выход из критических ситуаций, возникавших вокруг споров по поводу собственных «принципов», а когда речь идет о них, как писал Генри Киссинджер в книге 1957 года «Ядерное оружие и внешняя политика», дипломатия бессильна: «…дипломатия бывала наиболее действенной в тех случаях, когда разногласия не касались вопросов, которые спорящими относились к разряду жизненно важных». Впрочем, в то время понимание неприемлемого ущерба с обеих сторон удерживало две сверхдержавы от перехода от холодной войны

** ГАЗЕТА.RU. 1 марта 2022 г.*

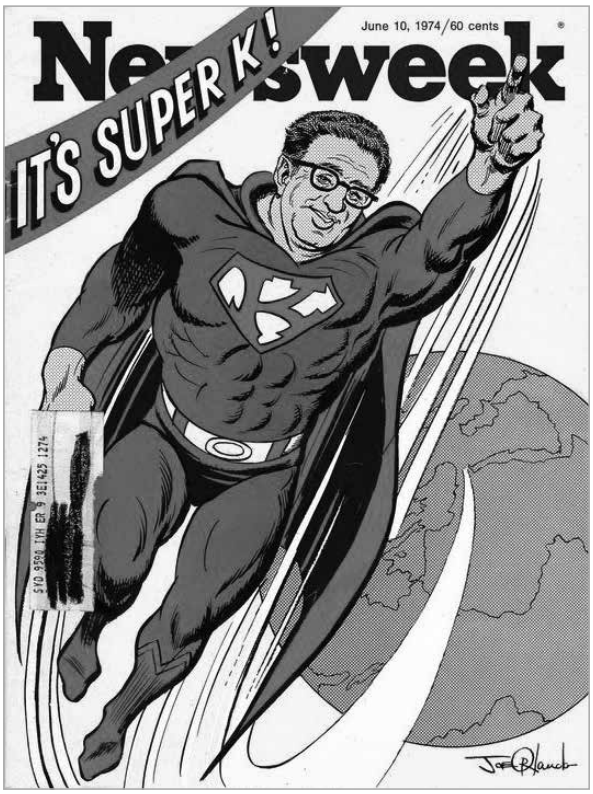
к горячей. Удержало и в 1962-м во время Карибского кризиса. Сейчас эти по-своему даже уютные правила классической холодной войны не работают.

Наличие этих правил даже в годы противостояния двух систем приводило лидеров государств к неожиданным догадкам: а вдруг вероятный противник по ту сторону океана достаточно прагматичен, чтобы начать строить отношения без оглядки на фундаментальные основы систем?

14 февраля 1969 года Генри Киссинджер, новый советник по национальной безопасности нового президента Ричарда Никсона, впервые был приглашен в советское посольство на прием в честь директора Института США и Канады Георгия Арбатова. В какой-то момент советник по национальной безопасности, лавировавший в «обычной вашингтонской коктейльной толпе», был приглашен на второй этаж в личные покои посла Анатолия Добрынина, которые, как заметил в своих мемуарах Киссинджер, «были обставлены мебелью с той центральноевропейской чрезмерностью, которую я помнил по своей молодости в Германии». Мужчины обсудили упущенные возможности наладить отношения в 1959 и 1963-м и в принципе сошлись в том, что сейчас пришел час для возобновления таких попыток. «Не все ошибки были на совести американской стороны», — улыбнулся Добрынин. А Киссинджер обещал организовать ему встречу с новым президентом. Как можно скорее…

Выбор между ядерной войной и «ничегонеделанием» как-то поднадоел администрации, а Киссинджеру казалось, что Советы предпочли бы экономическое развитие своим «приключениям за границей». В 1970 году Никсон презентовал от своего имени документ «Внешняя политика Соединенных Штатов в 1970-х. Новая стратегия для мира». Это был блистательный документ во всех смыслах, включая литературный, где было сказано, что мир — «это больше, чем просто отсутствие войны». Это такое состояние — причем устойчивое — международных отношений, когда устраняются причины войны. Даже с коммунистами предлагалось строить отношения в «бизнесовой манере». Наступила, писала никсоновская команда, «эра переговоров» — как раз для того, чтобы избежать войны. Марксизм, как и любые «-измы», устарел и не соответствует новым индустриальным реалиям. Значит, и с СССР можно поговорить на основе прагматизма.

Пока Киссинджер и Добрынин формировали «специальный канал» связи между СССР и США, по своему треку работал Алексей Косыгин, устанавливавший особые отношения Советского Союза с Канадой, которая в то время была не в блестящих отношениях с США. Во всяком случае, Никсон называл Пьера Эллиота Трюдо не иначе как «эта задница». В мае Трюдо посетил СССР, предъявив миру свое новое приобретение — молодую 22-летнюю красавицу жену Маргарет, будущую мать нынешнего премьера Канады Джастина Трюдо. Маргарет немедленно



Супер «К» Генри Киссинджер. Обложка журнала Newsweek. 10 июня 1974 г.

стала младшей подружкой дочери советского премьер-министра Людмилы Гвишиани-Косыгиной, которая замещала в ходе папиных встреч должность первой леди. В октябре уже Косыгин приехал в Канаду, где состоялась буквально вакханалия дружбы, несмотря на нападение на Алексея Николаевича венгерского эмигранта. Пострадала только пуговица Косыгина. В Ванкувере после матча НХЛ «Ванкувер Кэнакс» — «Монреаль Канадиенс» капитан монреальцев Анри Ришар, брат великого Мориса «Ракеты» Ришара, показывал Косыгину, как надо держать клюшку. После чего, кстати, была решена судьба Суперсерии СССР — Канада (1972), проделавшей гигантскую дыру в железном занавесе.

Непомерное эго Киссинджера требовало большой сделки. Причем не только с Советами

Но ладно провинция Альберта, одна из зерновых житниц СССР. «Специальный канал» за это время практически подготовил саммит Брежнев — Никсон. Важный с точки зрения ядерных ограничений. Но, казалось бы, невозможный по той причине, что две страны вели прокси-войну во Вьетнаме.

Непомерное эго Киссинджера требовало большой сделки. Причем не только с Советами. В апреле Никсон встречался с Мао, Киссинджер

околдовывал председателя своими рассуждениями о том, что он читал работы диктатора еще в Гарварде. Мао попался на удочку — он думал, что американцы будут с ним дружить против СССР. А замысел был в построении треугольника: заигрывать и с Китаем, и с Советским Союзом.

Обострение во Вьетнаме едва не сорвало саммит, но для киссинджеровского эго большая сделка с Советами была уже делом чести, и он отправился сразу после Китая в тайную поездку в СССР для встречи с Брежневым. С генсеком он валандался четыре дня, сходил с ним на охоту на кабанов, сыграл в пинг-понг с охранником из «девятки», понял, что русские не хотят увязывать вьетнамские дела с серьезными разговорами по ядерным вопросам. Как и китайцы, не считали важным обсуждать с американцами Тайвань, ибо эта история, по их мнению, вообще была на десятилетия вперед (что оказалось правдой). Словом, саммит не сорвался, поскольку, как заметил Киссинджер, «ради икры я готов на все». После чего про него Добрынин сказал, что это единственный человек, который способен есть русскую икру китайскими палочками.

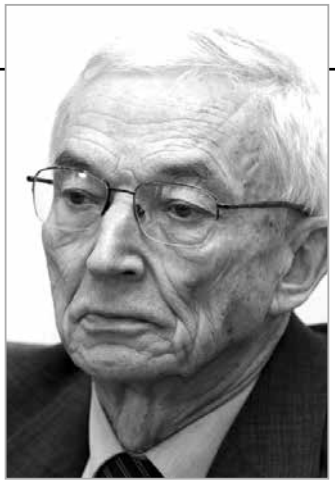
Так было и в 1960-е, когда шанс на детант был упущен в том числе потому, что Кеннеди убили, а Хрущев пал жертвой дворцового заговора

Но главное: Никсон хотел мира. Брежнев, переживший Вторую мировую, его хотел не меньше. Ради этого они закрыли глаза на Вьетнам, «доктрину Брежнева», еврейскую эмиграцию, Солженицына, Сахарова, «большое зерновое ограбление» (когда СССР в 1972-м скупил по дешевке у нескольких продавцов почти все зерно Соединенных Штатов), а потом и Уотергейт. Ради этого они встретились 50 лет назад, начали разрядку с договора ОСВ-1 и повстречались успешно еще два раза (что не означало, будто не было подводных камней и сложностей в переговорах, детали которых разрушают обыденные представления о Брежневе как о бесхитростном, придурковатом старце). Никсону, впрочем, пришлось заплатить за мир: в 1972-м — «Кадиллаком» (10 тысяч долларов в тех еще ценах), в 1973-м — «Линкольн Континенталем» (та же сумма), а в 1974-м Леонид Ильич получил в подарок от заокеанского друга «Автомобиль года» «Шевроле Монте-Карло» (5578 долларов).

А потом… Потом были Уотергейт и импичмент. Инсульт у Брежнева, превративший его в ходячий анекдот, закончившийся свертыванием разрядки и вторжением в Афганистан, которое стало началом конца СССР. Так было и в 1960-е, когда шанс на детант был упущен в том числе потому, что Кеннеди убили, а Хрущев пал жертвой дворцового заговора.

Личности все-таки играют огромную роль в истории. Мир — продукт не просто переговоров и вежливых улыбок, хотя и их тоже. Его не бывает без доброй воли (со стороны *emotio*) и прагматизма (со стороны *ratio*). И еще нужно очень не хотеть воевать. Американцы полвека назад говорили, что Брежнев «одержим миром»…

Человек в мире*



Анатолий Михайлов, доктор философских наук, член Европейской академии наук, искусств и литературы

Несколько неожиданным для меня оказалось то, что мне пришлось выступать в качестве последнего докладчика на вашем семинаре. Как правило, в этом случае принято соотносить свое выступление со всем происходившим и подводить итоги того, что происходило прежде. Мне очень затруднительно это сделать по причине неучастия в работе семинара. Но любая драматургия такого рода события, как организация семинара, предполагает, что все-таки последний выступающий должен обозначить некие перспективы того, что соотносится с ближайшим будущим. Как правило, наше отношение к будущему неизбежным образом связано с определенными надеждами. Ибо каждый из нас живет надеждой. Принцип надежды — это глубинная фундаментальная составляющая каждого из нас, поскольку мы живем и стремимся себя сохранить в этой жизни.

Вместе с тем я отдаю себе отчет в том, что проявлять оптимизм и тешить себя и других необоснованными надеждами в наше тревожное время было бы крайне безответственно. Прошло немногим более тридцати лет после событий, которые, как казалось тогда, в начале 90-х гг. XX века, должны были радикально изменить положение дел к лучшему как в Европе, так и в мире в целом. Стоит ли лишний раз говорить сегодня о том, что наши прежние представления и надежды не находят своего подтверждения в событиях нынешней действительности? По-видимому, в этом нет нужды. Мы живем в очередной раз в достаточно тяжелые времена. И похоже на то, что в ближайшем будущем продолжать уповать на позитивные изменения, к большому сожалению, так и не приходится. Продолжение описания всего происходящего в современном мире, его больных и насущных проблем могло бы отнять у нас слишком много времени. Это и та болезнь, которая нас всех настигла,

** Выступление на семинаре в Вильнюсе 31 октября 2022 г.*

и глобальное потепление, и энергетический кризис, и многое-многое другое. Это и резкое обострение в сфере международных отношений, усугубление этнических и религиозных конфликтов, а также рост авторитаризма, популизма и радикализма. Возникает вопрос: в какой степени можно, находясь в этой ситуации и по-настоящему осознавая происходящее вокруг нас, продолжать все это комментировать — а возможности для этого более чем достаточные, ибо пища очень богатая, — не понимая, каким образом из нее выходить? При этом я отнюдь не предполагаю, что существуют какие-либо рецепты. Увы, их нет в качестве готовых для использования. В связи с этим возникает вопрос: в состоянии ли мы ответить на те вызовы, которые по своим масштабам, по-видимому, соизмеримы с потрясениями, ранее переживаемыми западной цивилизацией на протяжении ее истории всего лишь несколько раз, при этом всегда с крайне серьезными для нее последствиями?

Приходится с сожалением признать, что эмоциональный накал полемики по поводу происходящего в мире по-прежнему мало соотносится с прозрениями и предостережениями, высказанными в прошлом, XX веке. Еще в меньшей мере мы сталкиваемся с готовностью проявления критического отношения к своим прежним собственным иллюзиям и чувству ответственности, слишком часто заглушаемым полемическим задором обличения других и уверенностью в правомерности своей собственной точки зрения.

Передо мной сборник статей выдающегося писателя и мыслителя XX века Элиаса Канетти, автора всемирно известных произведений «Ослепление» и «Масса и власть», с примечательным названием *Das Gewissen der Worte*[1], что в буквальном переводе с немецкого означает «Совесть слов». В этом сборнике мое внимание привлек текст под названием *Der Beruf des Dichters*. Он представляет собой публикацию знаменитой мюнхенской речи, с которой

Вопрос: в состоянии ли мы ответить на те вызовы, которые по своим масштабам, по-видимому, соизмеримы с потрясениями, ранее переживаемыми западной цивилизацией на протяжении ее истории всего лишь несколько раз

Канетти выступил в 1976 году. Мы знаем, что в немецком языке слово *Beruf* означает не только «профессию», но и «призвание». Как известно, статья Макса Вебера *Wissenschaft als Beruf* в переводе на русский совмещает оба этих значения — «Наука как призвание и профессия». Но в данном случае ключевой акцент делается на евангельском смысле слова *Beruf*, проистекающего из *berufen*, что означает быть призванным к выполнению высшего, божественного долга, возложенного на человека.

В этом докладе Канетти вспоминает о том, что ему по чистой случайности попались на глаза строки одного автора, которого он даже не называет по имени, поскольку это имя никому ничего не говорит. Этот неизвестный автор за неделю до начала Второй мировой войны, 23 августа 1939 года, написал: «Но все кончено. Будь я и в самом деле поэт, я должен был суметь

помешать войне»[2]. Цитируя это высказывание, Канетти пишет, что первое его впечатление от такого высказывания было сродни недоумению. В нем звучало впечатление оторванности от реальности и самонадеянность человека, чрезмерные притязания которого, казалось бы, находятся в вопиющем противоречии с происходящим вокруг. На каком основании на творчество поэта возлагается столь непомерная ответственность, которая, казалось бы, является непосильной для любого человека? Однако, отмечает Канетти, эта фраза долгое время не оставляла его, и лишь по истечении некоторого времени ему стало понятно, о чем идет речь.

Как известно, творчество самого Канетти посвящено анализу истоков и причин, приведших к кровавым событиям в Европе — двум мировым войнам. Всем известно, что такого рода социальным катастрофам всегда предшествует мощная риторика, при помощи которой пропаганда готовит массы к тому, чтобы потом они могли стать тем пушечным мясом, которое с готовностью и даже энтузиазмом позволит себя втянуть в катастрофические события, как это и происходило в XX веке.

На первый взгляд может показаться странным, что внимание такого мыслителя, как Канетти, с его крайне острым чувством тревоги по поводу социальных потрясений, происходивших в Европе, привлекло высказывание неизвестного автора, который возлагает на самого себя непомерную ответственность за неспособность предупредить надвигающееся социальное бедствие.

Более того, отмечает Канетти, это притязание, казалось бы, «находится в вопиющем противоречии с тем, что поэту в лучшем случае вообще не по силам»[3]. Подобное высказывание обладает соблазном риска приобщения к патетике громких слов, столь деградировавшей в течение последнего времени, подобно девальвации и самого понятия «поэт».

Тем не менее, пишет Канетти, эта фраза поразила его своим удивительным чувством ответственности, которое ее автор возлагает на себя самого, а не на подлинных виновников происходящего. «Именно это содержащееся здесь иррациональное притязание на личную ответственность, — отмечает Канетти, — заставляет меня задуматься и располагает к себе. Следует, однако, в связи с этим добавить, что именно посредством слов, сознательно и все снова недобросовестно и злонамеренно употреблявшихся слов, была создана ситуация, в которой война стала неизбежна. Если словом можно натворить такое, то отчего нельзя словом же и помешать этому? И что ж удивительного, если тот, кто более других имеет дело со словами, ожидает от их действия также больше, чем другие»[4].

Следует признать, что подобные надежды на могущество поэтического слова и возможность его воздействия на происходящее вне рамок традиционного восприятия роли поэта как человека, далекого от событий реального мира и сосредоточенного исключительно на своем личном духовном мире, становятся постепенно доминирующими начиная со второй половины XIX века, когда в традиции европейского мышления стала осознаваться опасность абстрактного характера мышления, обращенного к человеку и обществу.

В связи с этим следует упомянуть пророчество немецкого мыслителя Вильгельма Виндельбанда, который

в 1878 году в своем докладе «Фридрих Гёльдерлин и его судьба», прочитанном во Фрейбургском академическом сообществе, пытался предупредить немецкую нацию по поводу того, что забвение поэзии гениального немецкого поэта Фридриха Гёльдерлина «служит печальным симптомом того, что нашей духовной жизни грозит опасность отдалиться от источников, из которых она черпает свое глубочайшее внутреннее содержание»[5].

Отмечая своеобразие творчества Гёльдерлина, Виндельбанд отмечает, что в его стихотворениях «создается впечатление, будто поэт не может найти нужного слова для мысли, которую он хочет выразить, и в конце концов прибегает к слову, не соответствующему этой мысли»[6]. Попытки объяснить это поэтическое состояние болезнью автора при всех, казалось бы, убедительных свидетельствах его биографии были бы явным упрощением проблемы понимания того, что *для выражения полноты конкретного бытия человека в мире* нам *всегда* недостает необходимых слов. Творчество поэта характеризуется тем, что течение мыслей в нем происходит совершенно отличным образом от того, к чему привык наш обыденный рассудок. Виндельбанд приводит в связи с этим в качестве сходного примера усилия Гегеля, который шел похожим путем при создании своего философского языка. «Гегель также вызвал общее удивление непривычными словами и фразами; в его работах есть страницы, читая которые тот, кто незнаком с его манерой выражения, подумает, и не может не подумать, что это не глубокомыслие, а безумие»[7].

Тем самым необходимо признать, что в языке существуют возможности выражения, которые существенно отличаются от нашего традиционного его восприятия как инструмента трансляции фиксированного смысла мысли, наподобие того как это происходит в естествознании. Более того, в процессе использования языка всегда существует опасность искажения его подлинной сути.

Уже Готфрид Лейбниц в главе «О злоупотреблении словами» своей книги «Новые опыты о человеческом разумении» (1696) обращает внимание на то, что нашему языку присуще естественное несовершенство, которое заключается в «употреблении слов, с которыми не связывают никакой ясной идеи»[8].

Усваивая слова в детстве, пишет Лейбниц, люди «продолжают поступать так же всю жизнь». В итоге их рассуждения очень часто, особенно в вопросах нравственности, представляют собой не что иное, как пустой звук: «Люди берут слова, которые они встречают в употреблении у своих соседей, чтобы не казаться незнакомыми с тем, что эти слова обозначают, и доверчиво пользуются ими, не придавая им никакого определенного смысла; и если они редко бывают правы в таких рассуждениях, то столь же редко удается убедить их в их неправоте, и желать вывести их из заблуждения — это все равно что отнимать жилище у бродяги»[9].

Это проявляется особенно характерным образом в риторическом искусстве, в котором искусственные и образные применения слов «способны только внушать ложные идеи, возбуждать страсти и вводить рассудок в заблуждение, так что они представляют собой обман». «Объясняется это тем, — полагает Лейбниц, — что люди мало

интересуются истиной и очень любят обманывать и быть обманутыми»[10].

Привычка пользоваться известными словами в предположении, что им соответствуют определенные четкие идеи, приводит к тому, что «люди находят очень странным, когда у них спрашивают значение употребляемых ими слов, даже если это абсолютно необходимо». Так, например, утверждает Лейбниц, «найдется мало людей, которые не сочли бы за оскорбление, если бы у них спросили, что они понимают под словом “жизнь”»[11].

То, что воспринималось некогда в качестве серьезной опасности утраты смысла нашей речи, превратилось в реальную угрозу и представляет собой вызов для самого существования нашей цивилизации

Применительно к нашему времени эта проблема приобрела существенно бóльшую остроту. Протоиерей Сергий Булгаков в своей все еще недостаточно оцененной книге «Философия имени» отказывается от сведения слова к понятию и обращает в связи с этим внимание на «онтологическую природу самого слова»[12], которое, по его мнению, должно перестать восприниматься в качестве готового инструмента для обиходного использования, но представляет собой «способность логоса как мысли и речи»[13], поскольку именно *такого* рода слово и делает человека человеком.

«Наша речь в словах своих, в первоэлементах речи, — пишет Булгаков, — несет уже в себе источник заблуждения, удаления от истины, но и содержит причастность к ней. Вместе с тем слово в наибольшей мере поддается растлению, блудословию, празднословию. Способность речи — в наших руках, и как нельзя более легко ее из орудия мысли, влияния, силы превратить лишь в орудие общения, для которого отсутствует объективное основание. Тогда получается психологическое вырождение речи как болтовни, разговора, сплетничества, ругательства, словом, всякого психологического трения между людьми»[14].

Со времен Лейбница и середины прошлого века, когда была издана Булгаковым его книга, многое изменилось, притом, к сожалению, далеко не в лучшую сторону. В результате произошло экспоненциальное умножение количества причастных к печатному и публичному использованию слов без подлинного понимания ответственности по отношению к слову, о котором говорил Канетти.

В итоге то, что воспринималось некогда в качестве серьезной опасности утраты смысла нашей речи, превратилось в реальную угрозу не только для коммуникации между людьми, но представляет собой вызов для самого существования нашей цивилизации.

Именно об этом пытался предостеречь европейскую культуру французский поэт и мыслитель Поль Валери, который в 1919 году опубликовал по следам недавно закончившейся Первой мировой войны полный драматизма документ под названием «Кризис духа»:

«Мы, цивилизации, — мы знаем теперь, что мы смертны. Мы слыхали рассказы о лицах, бесследно исчезнувших, об империях, пошедших ко дну со всем своим человечеством и техникой,

опустившихся в непроницаемую глубь столетий, со своими божествами и законами, со своими академиками и науками, чистыми и прикладными, со своими грамматиками, своими словарями, своими классиками, своими романтиками и символистами, своими критиками и критиками критиков. <…> Мы различали сквозь толщу истории призраки огромных судов, осевших под грузом богатств и ума. <…> Но эти крушения, в сущности, нас не задевали. *Элам, Ниневия, Вавилон* были прекрасно-смутными именами, и полный распад их миров был для нас столь же мало значим, как и самое их существование. Но *Франция, Англия, Россия*… Это тоже можно бы счесть прекрасными именами. <…> И вот ныне мы видим, что бездна истории достаточно вместительна для всех. Мы чувствуем, что цивилизация наделена такой же хрупкостью, как жизнь. <…> Необычайный трепет пробежал по мозгу Европы. Всеми своими мыслительными узлами она почувствовала, что уже не узнает себя более, что уже перестала на себя походить, что ей грозит потеря самосознания — того самосознания, которое было приобретено веками выстраданных злосчастий, тысячами людей первейшей значимости, обстоятельствами географическими, этническими, историческими, — каковых не исчислить»[15]. Валери приходит к выводу, что ответы на вызовы европейского духа, на эти кризисные явления, были до сих пор неадекватны. И он продолжает: «И в том же умственном разброде, под давлением того же страха цивилизованная Европа увидела быстрое возрождение бесчисленных обликов своей мысли — догм, философий, противоречивых идеалов, трех сотен способов объяснить мир, тысячи и одного оттенка христианства, двух дюжин позитивизмов. Весь спектр интеллектуального света раскинулся своими несовместимыми цветами, озаряя странным и противоречивым лучом агонию европейской души»[16]. Даже сейчас, читая эти строки, написанные

Мы чувствуем, что цивилизация наделена такой же хрупкостью, как жизнь

более чем 100 лет назад, трудно удержаться от определенного эмоционального состояния ощущения того, каким образом *поэт* Валери находит должные слова для того, чтобы *донести* свою тревогу до будущих поколений. Возникает вопрос: почему же мы — те, кому это было адресовано, — так и не сумели сделать должных выводов?

Нельзя не признать, что мы имеем дело с мощным давлением определенной традиции, которая, особенно на протяжении последних веков, постепенно уверилась в непреложности того знания, которое, будучи примененным к исследованию и покорению природы, создало иллюзию своего неограниченного могущества, в том числе и по отношению к человеку и обществу. Содержание и характер такого знания предопределены фундаментальной установкой обособления автономного человеческого существования по отношению к миру как внеположенной по отношению к нему предметности. Само это существование при всех попытках обозначить свое своеобразие в качестве субъекта, Я, олицетворения разума или духа и т.п. воспринимало себя в качестве определенной данности или субстанции, по отношению к которой

Оноре Домье. Гаргантюа. 1831

применимы категории и понятия, сама природа которых покоится на отвлечении от индивидуального и конкретного, каковыми в конечном счете всегда является жизнь каждого из нас. В этом случае мы неизбежно сталкиваемся с характером знания, не выражающим самое существенное и сокровенное в нашей жизни. Такое знание при всей его впечатляющей убедительности не улавливает уникальность и неповторимость человеческого существования в мире, утрачивает свой жизненный характер.

Суть обозначенной проблемы хорошо выражена в очень интересной дискуссии двух выдающихся русских мыслителей — Вячеслава Иванова и Михаила Гершензона, известной как «Переписка из двух углов».

Вот что пишет в связи с этим Гершензон: «Я знаю слишком много, и этот груз меня тяготит. Это знание не я добыл в живом опыте; оно общее и чужое, от пращуров и предков; оно соблазном доказательности проникло в мой ум и наполнило его. И потому, что оно общее, сверхлично-доказанное, его бесспорность леденит мою душу. Несметные знания, как миллионы неразрываемых нитей, опутали меня кругом, все безликие, все непреложные, неизбежные до ужаса. И на что они мне? Огромное большинство их мне вовсе не нужно. В любви и страдании мне их не надо, не ими я в роковых ошибках и нечаянных достижениях медленно постигаю мое назначение, и в смертный час я, конечно, не вспомню о них. Но, как мусор, они засоряют мой ум, они

тут во всякий миг моей жизни и пыльной завесой стоят между мною и моей радостью, моей болью, каждым моим помыслом. От этого несметного безличного знания, от усвоенных памятью бесчисленных умозрений, истин, гипотез, правил мышления и нравственных законов, от всего этого груза накопленных умственных богатств, которыми каждый из нас нагружен, — то изнеможение, какое снедает нас»[17].

По существу, мы сталкиваемся вновь с возрождением софистики, социальная опасность которой осознавалась уже в античном мире и которая использует логику в качестве инструмента для оправдания злонамеренных целей. Именно этим объясняется внешне парадоксальная критика логики Ханной Арендт, которая утверждает, что «посредством логики дух наук разрушает способность мышления»[18].

«Символическая логика, — пишет в связи с этим Джордж Стайнер, — метаматематические идиомы самого различного характера, усилия, предпринимаемые для политико-морального очищения языка человека (ср. Краус и Оруэлл), свидетельствуют о создании новояза, но в данном случае с претензией на то, чтобы он выступал в позитивном, обладающем истиной ключе. В наше время утрата чувства слова, его традиционного обещания быть носителем смысла становится поистине драматической. Электронное кодирование информации, ее хранение и распространение, лексика интернета и сетевого пространства, позволение отдельным индивидам или группам создавать и распространять свои собственные неологизмы, племенной жаргон и криптограммы наносят непоправимый урон теологической и трансцендентально укорененной *doxa* нашей универсальной речи и ее познавательной достоверности... Лавинообразное количество информации превышает возможности ее рационального постижения. Но в результате оказывается, что *сказано* меньше, чем когда-либо ранее»[19].

Масштабы всего происходящего свидетельствуют о том, что мы являемся очевидцами формирования своего рода «сетевого сознания», существующего лишь вне собственной ответственности по отношению к своему состоянию и способного существовать только посредством подключения к «сети». Полагать, что такое сознание окажется чувствительным не только к поэтическому слову таких поэтов, как, например, Ф. Тютчев, Р. М. Рильке, С. Георге или П. Целан, но и к постижению глубинных смыслов самой традиции, без которой немыслимо существование цивилизации, становится все менее реальным.

Таким образом, у нас нет недостатка в том, что мы называем «знанием», на которое мы по-прежнему возлагаем надежды, но такое «знание» оказывается неспособным выразить уникальность и неповторимость человеческого существования в мире.

Именно поэтому Х. Арендт вслед за М. Хайдеггером обращает внимание на известную для философии «невозможность определить существо человека». Она отмечает, что «все такие определения сводятся всегда к определениям и истолкованиям того, что такое человек, какие свойства могут быть ему присущи в сравнении с другими живыми существами; тогда как *differentia specifica* бытия-человеком заключается как раз в том, что человек есть Некто и определить бытие этого Некто мы не

можем». Таким образом, «неизбывная уникальность вопроса *кто-ты-есть*, с такой осязаемостью проявляющаяся в слове и поступке, не поддается никаким попыткам однозначно уловить ее в дефиниции. Как только мы пытаемся сказать, *кто* есть Некто, мы начинаем описывать свойства, общие у этого Некто с другими и ему в его неповторимости как раз не принадлежащие. Оказывается, что язык, когда мы хотим использовать его как средство для описания кто, отказывает и зависает в что, так что мы в итоге самое большее обрисовываем характерные типы, т.е. что угодно, только не личности, и собственно личное прячется за этими типами так решительно, что невольно начинаешь считать все характеры масками, которые мы надеваем, чтобы уменьшить риск последнего прояснения в бытии друг с другом». Этот «провал языка перед живым существом лица, явственно обнаруживающим себя на всем протяжении речи и действия, решительно сказывается на всей области дел человеческих, где мы все-таки движемся прежде всего как поступающие и говорящие создания»[20].

Вызов, с которым мы сталкиваемся в данном случае, имеет для нас экзистенциальное значение: каким образом мы в состоянии обрести язык осмысления реальности существования человека в мире в его онтологическом состоянии, предшествующем его обособлению от этого мира, которым характеризуется традиционная теоретическая установка? Именно поэтому характерной особенностью усилий по трансформации нашего мышления является обращение к бытийным основаниям языка[21].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Canetti, Elias*. Das Gewissen der Worte. Essays. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1981.

[2] *Канетти Э.* Человек нашего столетия. М.: Прогресс, 1990. С. 131.

[3] Там же. С. 132.

[4] Там же. С. 132.

[5] *Виндельбанд В.* Избранное. Дух и история. М.: Юрист, 1995. С. 126.

[6] Там же. С.130.

[7] Там же. С. 130–131.

[8] *Лейбниц Г. В.* Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1983. Т. 2. С. 346.

[9] Там же. С. 347.

[10] Там же. С. 357.

[11] Там же. С. 355.

[12] *Булгаков С.* Философия имени. Париж: Ymca-Press, 1953. С. 25.

[13] Там же. С. 33.

[14] Там же. С. 129.

[15] *Валери П.* Об искусстве. М.: Искусство, 1976. С. 105–106.

[16] Там же. С. 107.

[17] *Иванов В. и Гершензон М. О.* Переписка из двух углов. СПб.: Алконост, 1921. С. 16.

[18] *Arendt, Hannah.* Denktagebuch. Erster Band: 1950–1973. München — Zürich, 2003. S. 261.

[19] *Steiner, George.* The Poetry of Thought: From Hellenism to Celan. New York: A New Directions Book, 2011. P. 195.

[20] *Арендт Х.* Vita Activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С. 237–238.

[21] См. в связи с этим: *Mikhailov, Anatoli.* Being and Language. In: The Language of Humanities. Between Word and Image. Vilnius: Ciklonas, 2020. P. 143–163.

«Я бы больше хотел говорить о ценностях»*

Кшиштоф Занусси, польский кинорежиссер, сценарист, продюсер

Я приготовил свое выступление на английском, но вижу, что это не имеет смысла: зачем мучить переводчиков? Может быть, я найду слова с вашей помощью и попробую импровизировать на русском.

Спасибо за приглашение. Я радуюсь, что уже не первый раз с вами встречаюсь. Забыл, когда мы с вами виделись последний раз… В «Мемориале»! Да, в «Мемориале».

Знаете, всегда возникает вопрос: зачем приглашать художника, зачем нужны артисты там, где обсуждают политические проблемы? Артисты в политике (как нас учит история) ничего ведь полезного сделать не могут. Есть в этом потеря и для творчества: если художник занимается политикой, его творчество от этого страдает. Поэтому я бы больше хотел говорить о ценностях. Название нашей сегодняшней встречи совпадает с похожей встречей, которую мы провели в Гданьске в годовщину основания нашего движения «Солидарность» с участием тогдашнего первого министра господина Бузека и гостей из России. С нами тогда был господин Сергей Ковалёв и епископ из Праги. Мы издали документ о свободе и ответственности. Мы тогда уже чувствовали, что существует опасность того, что когда свобода приходит даром, когда она доступна всем, люди не думают или забывают, что это огромная ценность. Что очень легко испортить систему, благодаря которой мы имеем свободу. В польском языке есть подходящий синоним: мы говорим «ответственность» (по-польски «odpowiedzialność»), что предполагает караул, полицейского, судью, милиционера. А есть другое слово, «powinność» («обязанность»), когда только совесть решает, правильно ли я поступаю, полицейский за этим не стоит. И это важно, чтобы мы чувствовали полную ответственность и не «испортили» свободу, когда мы ее добились.

** Выступление на семинаре в Варшаве 6 ноября 2021 г.*

Это для начала, потому что дальше я собираюсь говорить о другом. Прежде всего, о кризисе человечества, когда невольно напрашивается вопрос: зачем в это время нужны художники и артисты? Воспользуюсь для ответа на него такой метафорой. Мы играем такую же роль, как канарейка в шахтах в XIX веке. В шахте всегда есть опасность, что появится газ, и когда он появляется, канарейка уже не поет — значит, опасно. Если искусство начинает молчать — значит, с человечеством что-то не так.

Существует опасность того, что когда свобода приходит даром, когда она доступна всем, люди не думают или забывают, что это огромная ценность

Сравнивая XXI век с XX веком, кажется, будто он развлекается попсой. А то высокое искусство, которое тянет человечество вперед, — оно не процветает. Мы ведь видим, что мир собою недоволен. В XIX веке люди знали, чего хотят. Сегодня мы добились гигантских достижений, а как будто не знаем. И очень часто теряем время и пробуем что-то делать, чтобы сохранить то, что уже имеем, чего добились. И забываем, что нам нужно нечто, что в Америке называлось *american dream* и притягивало нищих из Европы и всего мира, потому что там была надежда на лучшую жизнь. И она находила свое подтверждение. Это был миф, который существовал. Но сегодня это уже так не работает. А моему сердцу, конечно, ближе *european dream, rêve européen*, но где она, эта европейская мечта?.. Мы думаем, самое главное — это общее добро, благо *(common good)*. Но не умеем определить точно, что это, где оно.

Если искусство начинает молчать — значит, с человечеством что-то не так

Например, мы хотим безопасности, чтобы не было безработицы. А насколько страх перед безработицей нужен для того, чтобы человек вел себя ответственно, — открытый вопрос. Мне это напоминает мои съемки, которые я проводил в зоопарке не так давно. Местные ветеринары мне объяснили, *что* нужно животным, которые там находятся. Их не надо кормить, особенно таких больших, как тигры и медведи. Если нет никаких препятствий, помех и пища им достается даром, они болеют. А если тигру повесить мясо высоко на дереве и он прыгает 10 минут, пока не допрыгнет, тогда тигр уже спит спокойно. Значит, для него это полезно — «поработать». А белому медведю надо рыбу дать во льду. Когда есть лед и он долго бьет лапой, чтобы ее добыть, то потом он стоит спокойно и не делает нервозных движений, типичных для белых медведей. Вопрос: а для человека? Если все обеспечено и безопасно — хорошо это для нас? Может, нехорошо? Значит, общее добро, общее благо — не такая простая вещь, как нам казалось или кажется. Мы видим, что над многими ценностями, о которых мы говорили в прошлом веке не задумываясь — над ними сейчас надо снова задуматься.

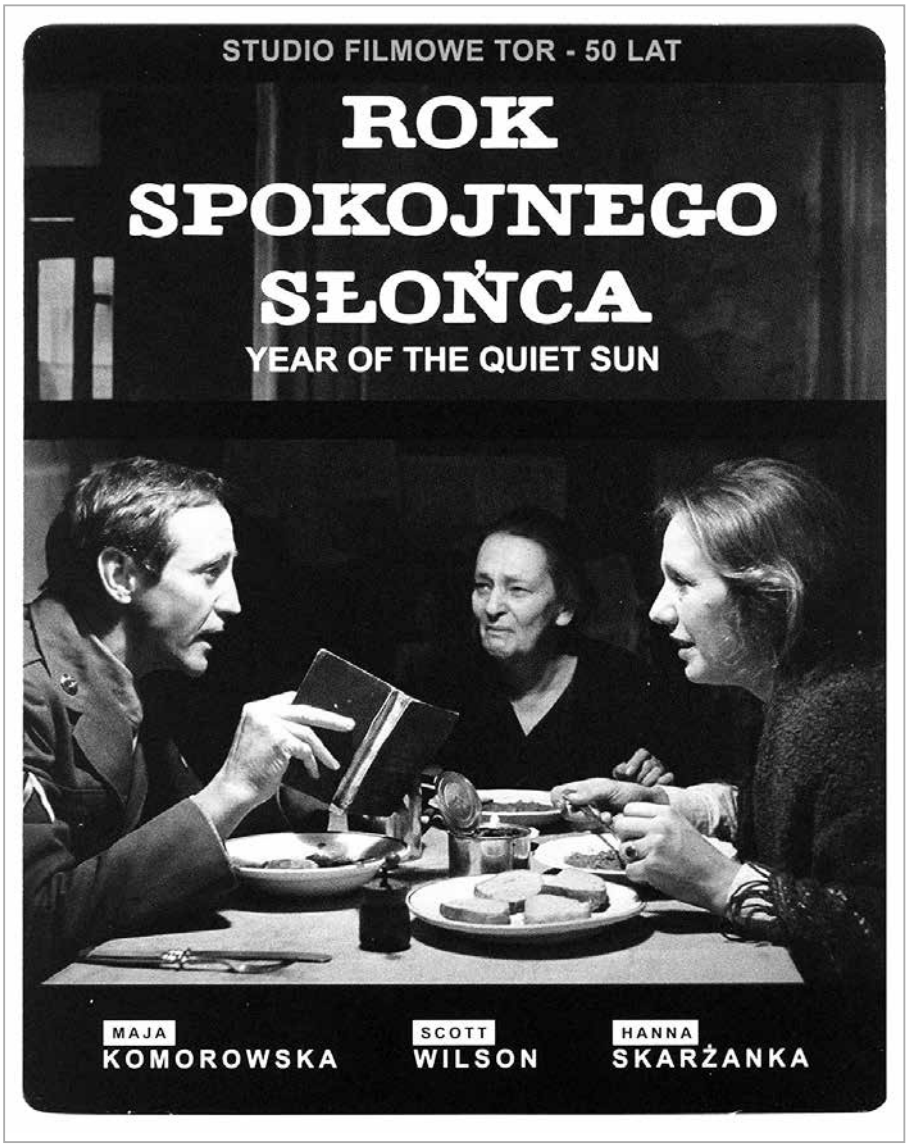
Скажем, банки. За последние почти 1000 лет (я не историк, поэтому говорю приблизительно), с момента, когда в Европе — самой развитой части мира — появились банки, люди начали богатеть. Пока их не было, внук не был богаче деда и не надо было давать никому деньги в долг. А если была надежда, что внук станет богаче своего деда и отца, то ему можно дать кредит. И мы, и все человечество это приняли уже как природный, естественный процесс, а на самом деле существует вопрос: может ли человечество без конца богатеть? Имеет ли вообще это смысл? Может быть, надо остановиться? Зачем мне две машины, если есть одна? Зачем три комнаты, если их надо убирать — и двух хватит. Зачем мне столько одежды, сколько сейчас люди привыкли иметь? Зачем столько есть, а потом ходить на физические занятия, чтобы потерять калории? Я с раздражением смотрю на все эти учреждения, где тренируются люди, потому что вижу, сколько энергии там теряется. Они хотя бы электричество там производили! Значит, мы в каком-то тупике, не там, где мы бы хотели находиться. Мы не только богатеем, но и растем в физическом смысле. Наши деды были почти на 10 сантиметров ниже нас. Хорошо это или нехорошо? Земля может быть в два раза тяжелее, если мы будем в два раза выше. И может быть, не надо летать на другие планеты, нам Марс ведь не нужен, хватит Земли, если будем ниже ростом, как были когда-то наши предки. Это, конечно, шутка. Но вопрос: чего мы хотим? И что считаем добром? Это огромный вопрос.

Мы думаем, самое главное — это общее добро, благо. Но не умеем определить точно, что это, где оно

И здесь мне хочется рассказать еще об одном приключении из моей жизни, которое переносит этот вопрос в духовное измерение. Потому что мы богатеем, и я также надеюсь (в этом смысле я оптимист), что хотя это измерить невозможно (нет такой меры), насколько человечество развивается в духовном смысле, но все-таки поведение людей в развитых странах, кажется, выглядит лучше, чем выглядело в прошлом. Только и мотивации стали другими. В XIX веке в Великобритании последний раз казнили девушку, которая что-то украла на рынке. Сегодня люди не крадут на рынке, потому что ленивые, это все-таки неудобно, зачем красть? Там есть только клептоманы, которые крадут, потому что им нужно напряжение. Так что моральное развитие — это очень деликатный вопрос. Но есть чувство, что все-таки люди стали менее зверски относиться к себе, даже в трудные моменты, — я в это верю, это моя надежда, я этого доказать не могу, но мне кажется, я верю, что наше общество в сравнении с диким человеком, который жил в яме, пережило прогресс. Но понятие прогресса, к чему мы стремимся, чего мы хотим как человечество — это неясно.

Существует вопрос: может ли человечество без конца богатеть? Имеет ли вообще это смысл?

Расскажу о своем впечатлении. Я был… не знаю, может быть, это ошибка, что меня пригласили на World Economic Forum, куда в принципе не приглашают артистов, потому что они там бесполезны. Но один раз я в этом участвовал. Я был приглашен выступить вместе с каким-то очень важным японцем, и мы говорили о морали в бизнесе, о морали в общественной жизни. (Это у меня появлялось несколько раз в моих картинах. И, кажется, всегда появляется. Возможно, по этой причине меня и пригласили.) Когда мне пришлось что-то сказать, я обратился к своему опыту в то время. Я тогда в Италии в театре ставил пьесу Шекспира *Julius Caesar*, и там была проблема с переводом на итальянский. Потому что если сказать так, как у Шекспира по-английски «he is a *man of honor*» в речи Кассия против Марка Антония в переводе на итальянский, то публика хохочет, потому что это значит «мафиозо». И тогда я вместе со своим переводчиком решил сделать новый перевод так, как люди сегодня бы сказали, что он — порядочный человек. А мой отец, который по происхождению итальянец, очень разозлился и сказал: «Что ты сделал с Шекспиром?! Порядочным должен быть тот, который продает мне сапоги в магазине. Это уровень, где достаточно быть порядочным. А от политика, от общественного деятеля я ожидаю, чтобы он был человеком чести, значит, *man of honor*». И подумайте, кто был последним политиком, который употреблял слово «честь»? Генерал де Голль. Черчилль. А потом… Берлускони один раз сказал, но… Об этом у меня был припасен дополнительный пример, я даже помню фамилию директора немецкого Бундесбанка (вы знаете, *Bundesbank* — это национальный банк, а не *Deutsche bank*, это совсем другое), господин Шлезингер. Он объявил в интервью где-то в пятницу, что никаких изменений в процентах не будет, а в понедельник они были. Значит, он соврал. Соврал для чего? Для общего блага, чтобы защитить дойчемарку. Чтобы спекулянты, подозревающие, что будут изменения кредитной политики, сделали движения. Тогда я сказал: «Как я могу доверять политику или общественному деятелю, если он врет, даже с хорошей целью?» И к моему удивлению, тот важный японец возразил, что он меня не понимает и считает, что президент Бундесбанка поступил как надо, это была его обязанность, долг, и добавил: «Но я понимаю, что он покончил с собой». Я говорю: «Но я об этом не слышал!» — Ну как капитан, у которого в контракте указано, что если его корабль идет ко дну, он может и жизнью заплатить за свою работу, за свой пост, это его ответственность. Оказывается, они в Японии это еще понимают и для них слово «честь» тоже имеет довольно сильный смысл. А что стало с нами в Европе? Люди только смеются, но никто не понимает, что человек, который соврал... как потом ему жить? Японец спрашивал: «Как потом его дети ходят в школу? Сын того, который врет, — это же позорно». Значит, что-то в нашей системе перестало работать.



Плакат к фильму Кшиштофа Занусси «Год спокойного солнца. 1985

Я пойду на шаг дальше в направлении, которое вам, может быть, будет интересным. Это мое чувство, что Европа развила идеи, которые сейчас доступны всему миру. Они развивались на основе традиций, которые имеют религиозный характер, — это иудеохристианство. И из этого возникло чувство, что «единица» (индивидуум, личность) — это целый космос, что она важна. Что свобода, честь — это все атрибуты, которые принадлежат этой единице, любому человеку, что нам нужна свобода и нам должна быть дана свобода, даже если мы ее не заслужили.

Но мы видим сегодня и слышим, что появилась мысль: «Россия — это Евразия». И когда мне довелось поставить вопрос на одном интересном заседании: «Что это значит? Отходит ли Россия от иудеохристианских корней, если смотрит в направлении Азии?» — я услышал в ответ, что среди людей, занимающихся воспитанием, есть огромные открытия в направлении Конфуция и мышления, которое связано с Китаем, где образ общества совсем другой. Там «единица» не нужна, она просто не имеет значения. Там они больше должны строить свое общество как пчелы. И что таким образом надо видеть общество.

Тогда я поставил серьезный вопрос: «Ну а что с творчеством? Пчелы ничего не творят». Мы знаем, что Китай на многие века остановился в развитии, потому что необходимость подчинения власти была так сильна, что никто не смел «насыпáть порох в трубку», чтобы стрелять, пока не отдан приказ. А в Европе мы это делали. Но все-таки развитие творческой мысли как будто бы более связано со строем общества, где единица играет важную роль. И наоборот, там, где единица считается лишь частью огромного коллектива, этого творчества не хватает.

И тогда я услышал ответ (ради этого ответа я и рассказываю эту длинную историю, хотя это вы, конечно, знаете). Ответ был такой, что будущее мира — это трансгуманизм*. Что надо построить что-то лучшее, чем человек, — нового человека. Подготовить его генетически и связать с искусственным интеллектом. А потом он будет жить по другим законам, в других городах. И будет человек и супермен (это уже мое название).

То, о чем мечтал и писал Ницше. Я думаю, что это ошибка и что трансгуманизм не ведет ни к чему хорошему. Но вопрос: хотим ли мы действительно создать нового человека?

Посмотрите на то, что мы разрушили, что разрушила наша цивилизация. Она разрушила очень много важных вещей. Мы не имеем сегодня никаких определенных принципов, касающихся половой морали, сексуальности, после появления контрацепции. А с другой стороны, такая вещь, как работа, она как будто творила человека. А сейчас за нас могут работать роботы. За многих людей, к счастью, будут работать роботы. Посмотрите, на автострадах сейчас почти всегда автоматы. А раньше сидели бедные люди, дышали грязным воздухом и целый день говорили: «Счастливого пути!» От этого можно с ума сойти.

А что человеку делать, если разорвалась связь между сексуальным актом, рождением детей и любовью? Эти три вещи сейчас разделены. А на работе… В тех странах, которые уже проводят эксперименты, с тем

** Трансгуманизм — международное движение, поддерживающее использование достижений науки и технологий для улучшения умственных и физических возможностей человека. До недавнего времени дискуссии носили теоретический характер, но с развитием нанотехнологий вопросы перешли в область практики. — Прим. ред.*

чтобы все получали пенсию с момента рождения, возникает вопрос: а что вы будете делать? Холодильник полный, дом оплачен — зачем подниматься с кровати утром? Кто-то мне рассказал в Америке, что первые, кто может потерять работу (а в этой категории миллионы людей), — водители грузовиков. Потому что грузовики уже давно могли бы ездить на автострадах в Америке автоматически, и это было бы более безопасно. Но вопрос: а что будет делать водитель грузовика, когда проснется? У него на счете есть деньги, но он идет в какое-то место в городе, садится там перед экраном и «ведет машину», да еще за это платит.

Если вы поставите равенство выше свободы, вы потеряете и то и другое

Значит, мы не имеем такой программы, чтобы добровольцы стали нормой, что нормальный человек — это доброволец. Или человек, у которого есть работа, для которой нужны сильная страсть и желания. А остальные — это просто люди, которые не знают, что с собой делать. Это тоже вариант, что может произойти. И мы должны определить, чего мы хотим. Какого мира? Каких взаимоотношений? О чем нам мечтать? Чего мы еще не достигли? Я думаю, что все здесь будет по-английски — я приготовил для этого цитату, которая мне кажется интересной. Это важно, Милтон Фридман где-то недавно сказал, что если вы поставите равенство выше свободы, вы потеряете и то и другое.

А другая цитата тоже очень интересная. Ее автор — довольно еще молодой экономист (тоже американский) Джеффри Сакс, который помогал в реформах и нашей экономики в Польше, и в России. А сейчас он как будто пережил перемену и говорит абсолютно не то, во что он верил раньше. Прочитаю вам кусок из его выступления. А если хотите посмотреть больше, то мы с одним из фондов в Польше, в котором я работаю, сделали конференцию о будущем мира — ее можно увидеть на портале *onet.pl* на английском с переводом на польский. Сакс пишет: «Рыночная система сама по себе не обеспечит такого рода интеграцию, справедливое распределение доходов и, конечно же, экологическую устойчивость, для этого нам нужна ясность целей, и мы должны рассматривать наш государственный сектор как выражение нашей коллективной воли, политики для общего блага».

Значит, он уже не верит в «невидимую руку рынка» и считает, что нам надо более разумно организовать наше будущее и определить то, чего мы хотим. И об этом нам сто́ит думать, даже если у нас есть элементарные желания. Конечно, хотелось бы, чтобы было лучше здравоохранение, чтобы мы были чуть-чуть богаче и чтобы было больше справедливости. Но уже редко кто ставит вопрос: «Что такое социальная справедливость?» А как вы думаете: если на заводе есть директор и есть уборщица, то насколько больше директор должен зарабатывать — в 3 раза, в 30 раз, в 300 раз? А может быть, в 3000 раз? Мы об этом не говорим и не думаем. А это бы надо проверить: как построен наш современный мир и почему

Кадр из фильма Кшиштофа Занусси «Год спокойного солнца. 1985

есть люди, которые зарабатывают невероятно много, а другие — нет. В истории происходят революции, и они всегда делают коррекцию. Ну а если доброволец — это герой будущего, тогда, видимо, не имеет значения, сколько он зарабатывает. Может быть, то, что было «двигателем» человека за последнюю тысячу лет, — это было желание богатеть. Бывший президент Соединенных Штатов об этом много говорил. *Greed* — желание быть богаче. Ну а если человек имеет достаточно? Это не то, что необходимо — иметь миллион или десять миллионов, никакой разницы в жизни. Так что, может быть, и здесь произойдет реформа и начнем мы какую-то новую эпоху, где духовные ценности будут более желательными, чем счет в банке.

Заключительное слово на семинаре*

Эрнест Выцишкевич, директор Центра польско-российского диалога и согласия

Огромное спасибо за возможность для нашего центра сказать несколько слов для участников нашей встречи, а также быть частью этой встречи. Мы очень рады, что вместе с польским МИД можем оказать поддержку и Школе, и этому мероприятию. Уже несколько раз мои коллеги из центра принимали участие в ваших семинарах, еще когда они проходили в России, а потом — вне России. Они всегда возвращались в восторге, и я рад, что могу лично быть здесь с вами.

Несколько слов о Центре польско-российского диалога и согласия. Такой «зверь», как польско-российский диалог, существует, не вымер пока, не является зомби, вопреки мнению многих комментаторов. Мы стараемся, насколько возможно (условия сегодня очень сложные), поддерживать польско-российский разговор. Потому что тем для разговора много. Но проблема в том, что мероприятие от нашего имени открывал Лукаш Адамский, мой заместитель, который, по мнению российских властей, является «непосредственной угрозой для национальной безопасности Российской Федерации». Я же являюсь «генетическим русофобом, ведущим враждебный России монолог» — так пишет обо мне «Спутник». И то, что официально Россия нас очень не любит, для меня это сегодня не проблема. Тому есть много причин. Это не смешно для нас, конечно. Мы бы хотели немного по-другому разговаривать, но таковы обстоятельства. Существует стратегический политический конфликт с Российской Федерацией из-за событий в Украине. Но не только из-за этого, конечно, проблема глубже. В Польше широко распространено мнение и убеждение, что агрессия и аннексия, которая произошла семь лет назад, бьет по основам международного права и порядка и соответствующих институтов — по системным ограничениям имперских аппетитов держав. Честно говоря, сегодня я не вижу перспектив

** Выступление на семинаре в Варшаве 10 ноября 2021 г.*

для реального политического польско-российского диалога, пока такого рода мышление преобладает в Кремле. Официальной России не нравится, что мы признаем, что Россия — это не Путин. Это очевидная и банальная правда, но она вызывает гнев. Потому что опровергает созданный кремлевской пропагандой миф об отсутствии альтернативы: «Если не Путин, то кто?»

Но, по-моему, сила демократии именно в непредсказуемости. В английском языке есть выражение «rule of thumb», то есть подход для оценки ситуации, исходя из жизненного опыта. И для меня лично, если перед выборами неизвестно, кто победит, и ситуация непредсказуемая — это первый шаг для подтверждения демократичности строя. Это значит, что идет честная борьба. И первый признак того, где мы находимся. Ситуация неопределенности, что, конечно, делает демократию одновременно сильной и хрупкой. И мы об этом знаем. Существуют внутренние проблемы во многих демократических странах. Но, будучи директором Центра польско-российского диалога, я просто не могу быть пессимистом.

Чем мы занимаемся. Очень часто я встречаюсь с мнением, что почти ничего не происходит в польско-российских отношениях на уровне обществ. Но это неправда, и я бы хотел, чтобы вы познакомились с тем, что мы делаем, и знали, что мы открыты для сотрудничества, для кооперации, для разных идей. Мы хорошо знаем, что происходит в России и почему большинство из вас оказались вне России.

Расскажу коротко о том, что мы делаем. Сначала о научных исследованиях — классических, серьезных, архивных — с участием польских и российских ученых. Это тоже становится все более сложно. Хотя мы не являемся пока нежелательной организацией, к счастью. Но у наших российских партнеров, ученых, есть большие риски, когда они с нами сотрудничают. Еженедельно мы получаем вопросы об их и нашем ближайшем будущем.

Мы ведем издательскую деятельность. В основном на польском языке и о польско-российских отношениях. С 2019 года издаем онлайн-журнал «Новая Польша». Прежде он издавался в печатном виде, но после вмешательства Роскомнадзора это уже стало невозможно, и мы перешли в Сеть. Что оказалось для нас лучше — сейчас у нас аудитория намного больше. Если у вас есть интерес к Польше — польской культуре, обществу, политике и экономике, — там можно найти интересные материалы разных экспертов и интеллектуалов. В том числе и об организации конференций, семинаров, встреч, таких как наша, закрытых и открытых, зимних и летних школ, уже не только для поляков и россиян. Мы начинали нашу работу в двустороннем формате. Но после 2014 года поняли, что польско-российский разговор вне контекста малоплодотворен. Чисто двусторонние переговоры имеют все меньше смысла

сегодня. Поэтому на наши мероприятия мы приглашаем теперь украинцев, белорусов, литовцев, чтобы вместе разговаривать, высказывать разные точки зрения.

В Польше сейчас идет дискуссия, насколько нужен польско-российский диалог, что это вообще такое. Глядя на ситуацию в России, которая от месяца к месяцу не улучшается, появляется вопрос: зачем вообще разговаривать? На мой взгляд, это как раз период, когда разговор очень нужен. И хотя с государственными институтами (мы тоже государственный институт), российскими институтами для нас этот разговор сейчас очень сложен или вообще невозможен, мы открыты, как я уже сказал, для вас. Для тех, кто сейчас, к сожалению, должен был уехать из России. Но нам пока удается организовывать мероприятия и с теми россиянами, которые в России. Например, несколько дней назад мы организовали вместе с МИД и Фондом WOT, с Анастасией Сергеевой и Аленой Бабаковой Польско-российский форум о проблемах местного самоуправления. Его участниками были люди из разных регионов России.

Я так долго говорю, чтобы показать вам, что есть в Польше, в Варшаве, такое место, как Центр польско-российского диалога и согласия, есть люди, открытые для разговора, диалога, разных мероприятий и идей. Вы можете легко найти наш сайт, получить адрес. Если у вас появятся какие-нибудь идеи и вопросы, у нас есть грантовая программа, есть стипендии для тех, кто заинтересован в польско-российских проектах. Все это можно легко найти на сайте на русском, английском и польском языках. Если у вас есть дополнительные вопросы, пишите мне или моим коллегам.

Говоря о цифровизации и ее влиянии на информационное поле человека, нельзя не затронуть тему намеренного вмешательства в личное информационное пространство. Мы все видим, насколько быстро и масштабно вспыхивают и распространяются конфликты, связанные с появлением «новой этики». Это и Black Lives Matter, и скандал вокруг высказываний писательницы Роулинг, и многое другое. При этом некоторые аспекты «новой этики» проникают в весьма неожиданные области. Например, в ИТ традиционно существовала терминология, связанная с Black/White lists (списки запретов и разрешений), Master-Slave архитектура (когда один сервис является ведущим, управляющим, а второй — подчиненным, вторичным). Сейчас внезапно оказалось, что их надо срочно заменить в связи с их новым прочтением со стороны адептов «новой этики». И если раньше каждый из людей/сообществ мог самостоятельно определить для себя, какие из новомодных тенденций принимать, а какие игнорировать, то в связи с трансфером общения и коммуникаций в единые цифровые среды (соцсети и проч.) появилась возможность масштабной цензуры. По решению десятка крупнейших компаний допустимо «отправить в бан» (жестко цензурировать) любые нежелательные идеи и темы для обсуждений. То есть пространство, в котором мы можем договариваться и находить общий язык (а это почти всегда именно текстовое пространство), оказывается кастрировано и отформатировано под видение узкой группы лиц, принимающих решения в отношении остальных людей. Нежелательные по тем или иным причинам темы «стираются» полностью из цифрового пространства, иногда вместе с самими цифровыми субъектами (удаление аккаунтов). Причем нужно понимать, что подобной цензуре могут подвергаться не только текстовые публичные высказывания, но и любые изображения (например, в Facebook регулярно под запретом оказываются произведения искусства, касающиеся эротики и смерти), аудио- и видеоматериалы (не только публичные, но и в рамках частной переписки). О подобных инструментах контроля за идеями могли только мечтать авторитарные правители прошлого.

https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2020vol1-3/

*Новая этика: информационные технологии и верховенство права**

Анна Кулешова, *кандидат социологических наук:*

Часто об информационных технологиях (ИТ) и о том, что происходит в сфере искусственного интеллекта (ИИ), рассказывают айтишники. Они помогают нам понять, что происходит, а социологи отвечают на вопрос: «Почему?» Почему мир становится именно таким, а не другим и почему мы идем именно в эту сторону?

Когда мы говорим об искусственном интеллекте, мы говорим об алгоритмах машинного обучения и реализованных на их базе технологиях. Технологии эти достаточно распространены, для

** Выступление на семинаре в Стокгольме 30 ноября 2021 г.*

многих они стали уже незаметными и привычными. Сталкиваясь с просьбой отметить, например, мосты, светофоры, чтобы доказать, что вы не робот, большинство даже не задумывается: с чего вдруг я доказываю роботу, что я человек? Мы уже считаем это чем-то нормальным, мы к этому привыкли.

При этом у нас есть сотни незнакомых людей в соцсетях, тех, кого никогда не видели лично, но мы предполагаем каждый раз, что это действительно люди. Мы их не просим доказать, что они не роботы. Мы верим той картинке, той визуализации и тому текстовому контенту, который есть на странице, что он принадлежит человеку (хотя это далеко уже не факт, тест Тьюринга пройден, и пройден достаточно успешно).

Есть умные решения, в которых работает искусственный интеллект. И задачи создания этих решений достаточно позитивны, они должны бы были значительно улучшить нашу жизнь. Но при всем этом мы понимаем, что мы управляем ИИ, мы управляем алгоритмами, чтобы решались важные для человека задачи, и оставляем за собой право принятия решений. А ИИ одновременно с нами учится помогать принимать решения и учится эффективно влиять на человека.

Этот момент влияния на человека — это то, что называется *искусственной социальностью*. И когда говорят об обществе — какие у нас будут демократические, автократические, еще какие-то особенности, — мне хочется сказать, что вообще-то у нас уже общество искусственной социальности. Уже участие ИИ в социальных взаимодействиях колоссально, и оно определяет нашу повседневность, наше взаимодействие на самых разных уровнях. То есть мы имеем сегодня среду развития, которая проникает во все сферы жизни — от экономики до личной жизни, от науки до политики — и задает некоторые новые правила. У этой искусственной социальности есть как минимум *три эффекта*, которые влияют на каждого из нас:

1. Целевой: для чего ИИ разрабатывался, для чего разрабатывалась та или иная технология.
2. Побочный — то, что появилось как следствие особенностей технологии ИИ.
3. Злоупотребления, которые мы уже видим в полный рост, то есть намеренное использование существующих решений в целях, не предусмотренных разработчиком. Остановимся на этом немножко подробнее.

В чем особенности искусственной социальности?

Во-первых, среда накапливает данные обо всех взаимодействиях и событиях, которые связаны с человеком, и обеспечивает перманентное слежение. Если сейчас я, например, в *DarkNet* дам свою фотографию и попрошу рассказать о своем маршруте в течение последнего месяца — и если при этом посторонние люди не заказывали мне такси, я передвигалась на метро и на своем автомобиле, оплачивала поездки своей картой, — то все мои маршруты и контакты будут доступны для тех, кто ими заинтересуется.

Во-вторых, мгновенная передача информации. Мы можем общаться в соцсетях и в мессенджерах моментально.

В-третьих, постоянно растущий объем данных.

Эта среда всегда работает с человеком через посредника, то есть через

смартфоны и компьютеры, и это некоторая киборгизация. Мы уже плохо себе представляем жизнь без смартфона в руках. Мы частично стали киборгами.

При этом мы видим высокую степень индивидуализации среды под конкретного человека. Если мы говорим о соцсетях, они создают информационные пузыри специально под нас, чтобы нам было в них комфортно.

Искусственный интеллект в ходе цифровой революции получил наибольшее распространение, но при его разработке никогда не принимались во внимание вопросы, связанные с правами человека

Появились трудности в идентификации человека как человека. Мы прошли тест Тьюринга, сегодня машина имеет возможность генерировать лица людей: вы никогда не отличите человека, которого придумала машина, от реального человека, у вас нет такой возможности.

И, пожалуй, самое важное для нас — появились новые возможности цензурирования информации. Но поговорим об этом чуть позже.

Искусственный интеллект — это несомненный рывок человечества вперед в своем развитии. Нам даются миллионы возможностей, в том числе даются возможности невероятных открытий. И нам действительно нужна какая-то система, которая бы за нас решала новые задачи, решала бы в условиях высокой изменчивости, чтобы она сама подстраивалась. Это то идеальное, к чему человечество стремится. И при этом пока мы видим, что у искусственного интеллекта и у человека есть некоторые общие проблемы: например, ограниченная память у тех и у других. Если искусственному интеллекту наращивается память, то он потом будет очень медленно искать нужное, вытягивать его с большим трудом. В принципе, с человеком то же самое. Вот такие естественные ограничения.

А теперь о правах человека. Мне понравилось, что 10 июня 2021 года комиссар Совета Европы по правам человека сказала приблизительно то же самое, что мы на наших социологических секциях говорим уже четыре года. Что искусственный интеллект в ходе цифровой революции получил наибольшее распространение, но при его разработке никогда не принимались во внимание вопросы, связанные с правами человека.

Искусственная социальность формируется вроде как сама по себе, в некоем вакууме, формируется архитекторами искусственного интеллекта, а не теми людьми, которые могли бы от имени общества иметь право влиять на принимаемые решения.

Теперь о *вызовах*, с которыми мы сегодня столкнулись объективно, то есть с теми, которые касаются каждого из нас.

Во-первых, колоссальная манипуляция общественным мнением. И главным образом эта манипуляция идет через социальные сети. Тут используются и боты, и фейковые аккаунты. Изменить мнения людей, перенаправить их достаточно просто.

Идет запрос на выявление психологического статуса, политических взглядов через соцсети — того, что человек хотел бы скрыть от некоторых людей. То есть выявление в том числе мыслепреступлений, создание новых ресурсов

для подавления инакомыслия. Включая недавний запрос от правительства на то, чтобы в соцсетях можно было бы находить людей оппозиционных взглядов, даже если они «не машут флагом» и не пишут «Я/Мы...», обнаруживать их. В связи с чем встает этическая дилемма: с точки зрения развития технологий обретать лучшее понимание людей — это хорошо. Но айтишники на правительственном совещании (а там были ведущие ИТ-компании, которые с этой реально сложной задачей могли бы справиться) отвечали одним образом, по кругу, они сказали: «Мы не будем собирать дрова для костра, на котором вы потом станете сжигать ведьм». Это, безусловно, удивило заказчика, и у него наверняка осталась надежда, что найдутся другие, более сговорчивые. Но сейчас пока некоторое преимущество заключается в том, что сильные ИТ-компании заявляют свою гражданскую позицию, они отказываются от такого рода проектов. А компании послабее, которые, возможно, и не в состоянии что-то подобное сделать, соглашаются на сотрудничество. Чего же хочет заказчик, и не он один? Они пытаются подойти к тому, чтобы вся ненамеренная информация, которую бы мы не хотели о себе разглашать, была бы доступна для тех, кто готов за нее платить. То есть это очевидный шаг в сторону колоссальной дискриминации.

Мы видим ограничение свободы слова. С одной стороны, те же соцсети (тот же *Facebook*) цензурируют свое пространство, например, не позволяют публиковать сцены насилия, обнаженные фотографии и так далее. Но вместе с тем в ситуации ковида мы увидели, что и журналисты, например, не имеют возможности задать какие-то вопросы, потому что они могут быть рассмотрены в дальнейшем как фейк-ньюз, то есть даже в рамках пресс-конференций не задаются важные вопросы. Если они будут заданы, то эти СМИ могут быть потом заблокированы извне. Поскольку поиск этих фейк-ньюз осуществляется не ручным способом, это алгоритм, который просто «прочесывает». Так Роскомнадзор ищет тех, кто не поставил (метку) «иноагента». Так работают алгоритмы, которые есть у не такого большого количества организаций, которые способны на это влиять.

Во-вторых, неограниченный сбор данных о человеке.

Моя вторая ипостась — Совет по этике научных публикаций. Нам 2020 год запомнился тем, что впервые появились обращения по текстам, сгенерированным машинами. Не просто человек у человека украл, а за человека текст написала машина (понятно, что в интересах и по заказу человека). При этом машина, чтобы текст выглядел как научный, добавила научные обороты. И редактору сложно было сразу понять, что это: симуляция или действительно текст. Но при этом машина (это к вопросу о том, как вообще поняли, что перед нами симуляция), чтобы текст выглядел еще более убедительно, расставила ссылки на научные журналы. Название научных журналов нейросетка тоже придумала. И уже на этапе проверки публикаций, на которые шла ссылка, выяснилось, что вообще-то это симуляция от А до Я. Выдуманные журналы, выдуманные авторы, выдуманное все... Следующим шагом машина научится, как еще более удачно симулировать эту действительность, чтобы человек не распознал подобный тотальный фейк.

Третий вызов — симуляция человека. Чат-бот может быть очень похожим на какого-то другого человека.

Поэтому появились новые практики цифровой гигиены. Я думаю, многие из вас сталкивались с событиями

В новой искусственной социальности важны новые практики гигиены

и в Белоруссии, и в России, когда после несанкционированных митингов были выявлены люди, посещавшие их. И у многих было ощущение, что сработали камеры распознавания лиц и благодаря этому распознаванию люди оказались потом под арестом. Отдельный вопрос: насколько технологию, созданную для поиска преступников и предотвращения террористических актов, уместно было использовать для поиска безоружных мирных граждан? Но по факту (если так глобально посмотреть на ситуацию) выяснилось, что есть некоторое смещение, связанное с низкой цифровой грамотностью. На самом деле по лицам система не искала, потому что на данный момент это неподъемная задача ни для какого искусственного интеллекта: по многомиллионной базе найти нужного человека невозможно. Люди приходили со своими телефонами, а сотовые операторы сдавали геолокации властям, и, соответственно, тех, о ком было известно, что именно этот человек был именно здесь, их прицельно искали по фотографиям с камер и находили. К тому же люди постили в соцсетях свои фотографии или просто фотографировали толпу — и уже через это можно было распознавать людей.

В новой искусственной социальности важны новые практики гигиены.

Еще один вызов — новые возможности цензуры и модерации контента, то есть тотальный цифровой надзор и формирование так называемого цифрового тоталитаризма. При этом алгоритмы, очевидно, играют на струнах души, то есть они нацелены на то, чтобы идеальным образом попасть в человека. А чтобы идеальным образом попасть, надо уметь хорошо отфильтровывать данные.

Для алгоритмов характерно иметь целевую метрику для определения эффективности работы и отсутствие «прослеживаемости» (сегодня человек не всегда может понять логику принятия решений алгоритмами, а поэтому не всегда возможно полноценно их корректировать).

Это дало неожиданные эффекты. Яркий пример: разработчики создали чат-бот (этот кейс взят у *Microsoft*), задали параметры — надо как можно дольше общаться с человеком, симулируя как можно более убедительно человеческую коммуникацию. Нейросетка с этим справляется так: она подкачивает данные из соцсетей (так она собирает информацию о людях). И в итоге первый такой эксперимент остановили буквально через 2–3 часа. Потому что, чтобы долго общаться с человеком, надо с ним ругаться, хамить, оскорблять. То есть эта нейросетка стала сексистом, расистом, «говорила» обидные слова. И человек ей в ответ долго доказывал, что он не такой... Задача как можно дольше общаться с человеком была выполнена.

Мы далеко не каждый раз знаем об алгоритмах, о тех установках, которые айтишники ставят своим нейросеткам. Если задача — удержание внимания, то появляется, например, такая

штуковина, как *Facebook*, которая эффективно работает на гордыне, на желании некоторой игры, позитивных эмоций и прочем.

Пытались искусственный интеллект использовать в правосудии. Казалось, он может стать подспорьем в нашем лучшем будущем. В США такой эксперимент был проведен. Нейросетка учится на тех данных, которые есть у нее в доступе. А статистические данные показывали, что все-таки афроамериканцы чаще становятся преступниками. В итоге в каждом спорном случае, если была дилемма между белокожим и афроамериканцем, ИИ подсказывал: «Конечно, афроамериканец, это же статистика подтверждает».

Также появляются разного рода примеры, которые можно обозначить как бытовой расизм. Наиболее яркий — сушилка для рук в аэропортах (подносишь руки, дует воздух). Сушилка реагирует только на белые руки. Потому что айтишники тестировали на своих руках. Из серии «ничего личного, просто так получилось».

О *социальных последствиях*, на которые мы обычно не обращаем внимание. Потому что мы общаемся в разных социальных пузырях, и нам активно помогают в этом алгоритмы искусственного интеллекта: подтягивают к нам тех, кто обладает схожими взглядами, чтобы мы не расстраивались из-за того, что на мир можно смотреть по-разному, чтобы мы не уходили из этих соцсетей, чтобы подольше проводили там времени… так и происходит атомизация групп. Мы очень плохо понимаем, как обстоят дела в соседних «лагерях». Даже если мы захотим, нам сложно туда попасть. Хотя кажется, что интернет и соцсети — это такое пространство, которое объединяет, но по факту оно на самом деле разъединяет и поощряет такие штуки, как движение последователей плоской Земли. Мы привыкли, говорят по этому поводу сами участники соцсетей, что в сети есть свой загончик для ценителей порнографии, для фанатов разного вида оружия и других субкультур по интересам, но «у нас нет цифрового загончика для идиотов и городских сумасшедших». И они захватывают все больше пространства. Появляются эхо-камеры — максимально комфортная и непротиворечивая информационная среда для каждого пользователя. И вам сложно понять оппонента, сложно понять его логику, потому что она по большому счету для вас недостижима, если вы формируете представление о мире через соцсети. Ведь большая часть людей сегодня газеты не читает и ориентируется на ту повестку, которую подкидывает им искусственный интеллект.

Хотя кажется, что интернет и соцсети — это такое пространство, которое объединяет, но по факту оно на самом деле разъединяет

Таким же последствием является и система с положительной обратной связью, то есть оценка «перспективности» темы на основе аналогов. И — как результат — неожиданные проявления автоцензуры: темы могут быть ограничены в распространении или, наоборот, «подсвечены», если разработчики определили их как желательные или нежелательные (или указали их алгоритмы как желательные или нежелательные). А вот какая тема взлетит, о

чем будет говорить общество, вокруг чего будет формироваться некоторая общественная консолидация, по большому счету уже не в наших руках.

Для социологов сегодня важный момент заключается в том, что если раньше люди были всего лишь представителями каких-то групп, более или менее устойчивых сообществ вроде социальных классов, то сейчас понятие группы или сообщества переформулируется. Человек оказывается частью разных сетей (а не своей большой группы), которые не раскладываются на составляющие. Поэтому важно, что мы двигаемся сейчас в сторону создания сильного искусственного интеллекта. У него будет такая возможность, как креативность, он будет универсален, автономен, обучаем. И будет уметь действовать в условиях неопределенности. И, соответственно, будет генерировать гипотезы, замыслы и будет достигать цели. Будет декомпозиция сложных задач на более простые. Будет способность оценивать результаты своей деятельности и, как следствие, корректировка и планов, и действий.

Возвращаясь к тому, с чего я начала: мы станем более управляемыми. Чем больше искусственный интеллект будет о нас понимать, влиять на нас, тем лучше он сможет с нами управляться.

Передаю слово Олегу, разработчику и архитектору искусственного интеллекта.

Олег Грешнев, *инженер-исследователь:*

Моя проблема в том, что это моя любимая тема. Я могу говорить о ней много и долго, поэтому в какой-то момент либо я сам себя, либо кто-то меня должен будет ограничить.

Лет пять назад мы начали организовывать кросс-дисциплинарные конференции с социологами. Это было необходимо, так как получилось, что эта технология (она, кстати, не новая, ее идея, концепция существует с 1960-х годов, но только сейчас мы доросли до того, чтобы технология стала «зрелой» и пошла в мир) не сработала. У этого есть две причины.

Одна из них вполне техническая: развитие техники сделало производительность достаточной, чтобы это все работало.

Вторую было сложно предсказать. Как известно, писатели-фантасты 1960-х годов видели искусственный интеллект скорее как робота в оболочке, похожего на человека. Потому что никому не могло прийти в голову, что появятся информационные пространства типа социальных сетей, где миллиарды людей будут специально, направленно «оставлять следы» своей жизни, что-то писать, а на самом деле (с точки зрения разработчиков искусственного интеллекта) формировать совершенно уникальную базу для обучения, без которой никакой самый эффективный алгоритм ничего бы не сделал.

И это дало резкое ускорение технологиям ИИ. Технологии, которые разрабатываются, я полагаю, будут иметь революционный эффект, сопоставимый с тем, который в начале XX века дало внедрение электричества, а позже атомной энергии. Насколько к этому общество готово, это интересный вопрос. По крайней мере, это тема, которая заслуживает широкой дискуссии.

С моей точки зрения как разработчика, искусственный интеллект — это в

первую очередь область информатики. Область научных изысканий и исследовательская задача, которая лежит в их основе: научиться воспроизводить, не обязательно повторять, достаточно просто достоверно *имитировать* те области деятельности, которые исконно присущи человеку. Это общение и распознавание образов, способность планировать, способность генерировать новое знание и двигать цивилизацию вперед. Для ученых и инженеров это хорошая алгоритмическая, математическая задача. Мой интерес к теме ИИ начался еще в вузе, почти 20 лет назад, потом на протяжении всей карьеры тема меня очень интересовала. Я вижу, что за последние пять-семь лет в этой области произошло продвижение вперед примерно такое же, как за все предыдущие десятилетия. Идет постоянно ускоряющийся процесс, в том числе и средствами самого́ искусственного интеллекта. И каждый новый успех поднимает новые вопросы и проблематику. У специалистов это вызывает азарт. У неспециалистов, видимо, опасение. При этом если говорить не об узкой задаче (когда мы говорим о слабом ИИ, это узкая задача: уметь поддержать беседу, распознать номер автомобиля), а о более глобальных и стратегических задачах, то возникает один из ключевых вопросов: а какая вообще иерархия планирования у ИИ? Какая иерархия приоритетов и целей должна стоять, чтобы это эффективно работало? Это нас возвращает к вопросу о том, какая иерархия у человека, когда он решает эти задачи? Есть желание сказать: «Ну хорошо, мы не можем выработать иерархии, но мы создавали эти системы не для того, чтобы за них думать. Давайте мы озадачим их самих построением такой иерархии!» Но на в настоящий момент действительно непонятно, что является критерием того, что ИИ начал успешно справляться с этой задачей.

Но давайте вернемся в сегодняшний день. Почему вообще начали много говорить о больших данных? Дело в том, что если рост объемов информации еще поддается степенно́му закону, то рост данных — экспоненциальный, постоянно ускоряющийся. Объем накопленных данных уже давно превысил пределы возможности восприятия и анализа одного человека (и даже группы людей). Поэтому мы в любом случае вынуждены опираться на алгоритмы.

Если вы введете в *Google* какую-то информацию, то вы, ваш коллега и кто-нибудь из «другого лагеря» получите абсолютно разные результаты выдачи. Алгоритм отработает всю многолетнюю историю ваших запросов, чтобы предположить, что именно вы имели в виду, когда вводили эту информацию. Если бы этого не делалось, вы бы пролистывали по 10–20 страниц в поисках релевантной ссылки по тому или иному запросу.

При этом в последние годы ожидаемо очень сильно увеличилось то, что можно называть конвергенцией мира реального и виртуального. Виртуальный мир долгое время развивался как параллельный мир. Но сейчас он сливается с реальным. Смартфоны, с которыми мы ходим, автомобильные навигаторы, QR-коды, платежные системы — все это наш виртуальный мир, который пришел к нам.

При этом встречаются интересные и неожиданные кейсы. Во время очередного обсуждения точечной застройки один из аргументов жителей

звучал так: «Ребята, тут и так пробки, куда вы еще хотите воткнуть здание?» Ответ властей: «Мы поняли, что это действительно проблема». И через некоторое время власти нашли решение.

Виртуальный мир долгое время развивался как параллельный мир. Но сейчас он сливается с реальным

На соседних трассах была сложная дорожная ситуация, и «Яндекс» указывал объездную дорогу вокруг микрорайона как альтернативный маршрут. Поговорили с «Яндексом», он увеличил «вес» этой дороги, и маршруты у водителей перестали строиться через микрорайон в объезд пробок. И это на самом деле помогло с точки зрения загрузки внутренних дорог.

То есть проникновение мира виртуального в реальный таково́, что достаточно в виртуальном мире чуть-чуть «подкрутить», чтобы в реальном мире изменилась ситуация.

И эти эффекты будут, очевидно, нарастать. И конечно, государство (не только наше, но наше в том числе) активно старается объединить виртуальный и реальный миры как минимум через более жесткое регулирование, через вполне реальное наказание за виртуальные поступки (проступки, с точки зрения властей).

Анна Кулешова:

Если можно, небольшой комментарий. Не все знают, как работают сейчас в российских судах гуманитарные экспертизы, когда за репосты сажают людей.

С одной стороны, это нарушение объективно произошло (если его рассматривать как нарушение в виртуальном пространстве). При этом в судах есть такая процедура, как гуманитарная экспертиза. Запрашиваются сотрудники университетов, чтобы они сказали, было ли какое-то нарушение, был ли экстремизм или не было. При этом требований к гуманитарной экспертизе особых нет. Достаточно того, что это кандидат или доктор наук и сотрудник университета. Но если смотреть статистически на работу, которая ведется в том числе совместно с «Диссернетом», Комиссией РАН по противодействию фальсификации научных исследований, то мы видим, что большая часть этих людей — они со сплагиаченными диссертациями, с украденными статьями. То есть это фейковые ученые, которые принимают решения в отношении людей за их виртуальные нарушения. И там бывают совершенно дикие формулировки. Например, «выдавливай из себя по капле раба» — это призыв к свержению конституционного строя. И здесь порядка девяти таких случаев за год и явная «отработка» со стороны государства того, сколько всего можно сделать в области ограничения прав и свобод в этой виртуальной реальности (которая уже не виртуальная, а вполне себе реальная).

Олег Грешнев:

С моей точки зрения, самое важное, что мы можем сделать, что могут сделать все граждане, чтобы противостоять злоупотреблениям в этой области, — это повышать свой собственный уровень понимания того, как это все работает. Это как с автомобильным транспортом: машины пришли в нашу жизнь, с ними стало лучше, но вместе с тем даже пешеходы теперь обязаны знать правила дорожного движения.

Здесь ситуация повторяется: чем лучше мы будем понимать, как работает искусственная социальность и ИИ, где возможно, а где невозможно злоупотребление, тем эффективнее будет диалог не только с государством, но и с корпорациями. Важно понимать, например, что государство само в этой области практически ничего не создает, но ищет выгодные для себя способы применения того, что создано. Государства и корпорации ведут себя по-разному, они по-разному мотивированы, и в некоторых случаях мотивация корпораций вызывает даже больше симпатий просто потому, что у них более проработанная связь с потребителями, им бывает больнее от скандалов, связанных с утечками или нарушениями этики в их деятельности.

Что такое искусственный интеллект с точки зрения его разработчика?

Во-первых, это алгоритмы. Алгоритмы, которые постоянно совершенствуются, инженеры все время придумывают новые и новые. Но в основе лежат принципы, которые были известны достаточно давно. Они открыты, доступны всем.

Во-вторых, это данные. И вот это очень важный пункт, потому что алгоритмы ИИ сделаны так, что сами по себе они не содержат логики принятия решения, их работу определяют данные, которые используются для их обучения. Откуда эти данные берутся, чьи это данные — это один из краеугольных вопросов как в правовом поле, так и в политическом, и во многих других.

И в-третьих, конечно, целеполагание. С какой целью мы учим алгоритмы и что мы хотим получить в результате?

По графе «этической чувствительности», как мне кажется, алгоритмы — самое безобидное, что только может существовать, они абсолютно нейтральны. А целеполагание — самый важный аспект, но, к сожалению, он же зачастую скрыт даже от разработчиков. Кейс, о котором рассказала Анна (о том, что разработчики могут отказываться от неэтичных задач), он как раз о том, что задачу можно сформулировать так, что ее недобросовестное применение будет сразу или не сразу видно. Когда дело доходит до обучения на реальных данных и настройке алгоритма, даже скрытые цели начинают «проявляться».

Чем лучше мы будем понимать, как работает искусственная социальность и ИИ, где возможно, а где невозможно злоупотребление, тем эффективнее будет диалог не только с государством, но и с корпорациями

Вопрос о данных и праве на их использование поднимался не раз — это тема персональных данных, GDPR в Европе, № 152-ФЗ [Федеральный закон о персональных данных] в России. Есть класс законов, направленных на их защиту, но по факту они ничего не защищают. Не потому даже, что кто-то этим злоупотребляет, а потому, что они постоянно устаревают и отстают от того, как реально используются данные. Например, крупным операторам больших данных не так нужны персональные данные в виде ФИО и телефона. По собранным данным и некоторому цифровому следу для них уже сейчас

не слишком сложно идентифицировать узкую группу пользователей (вплоть до конечной персоны).

Но интересно даже не это, а то, что противиться сбору данных о себе и их использованию — это все равно что строить на пути наводнения небольшую плотину. Прогресс будет идти в эту сторону, и этот процесс будет продолжаться. Вопрос: как мы можем это регулировать и что можем, а что не можем ограничить?

Один из интересных вопросов, который до сих пор не решен: кто является собственником данных, производимых человеком? Я не только о персональных данных, а вообще. Сейчас де-факто устроено так, что собственник данных тот, кто их собрал. Компании изо всех сил сопротивляются тому, чтобы эти данные кому-то еще отдать, стремятся к монополии на них. В том числе под эгидой защиты персональных данных происходит дальнейшая монополизация. В последнюю очередь собственником этих данных является человек, который их произвел (хотя это пытаются сейчас законодательно как-то регламентировать, тем не менее это очень плохо работает). Даже если говорить о том, что «запрещать мы это не можем, так хотя бы давайте выгоду с этого получать», вот эту выгоду собирает не тот, кто эти данные производит, а тот, кто их собирает. И отсюда — большие перекосы.

Анна Кулешова:

Когда мы, социологи, проводим исследования в социальных сетях, например, анализируем посты в Фейсбуке, то затем, чтобы состоялась этичная публикация, не нарушающая ничьи права, мы спрашиваем разрешения не у людей, чьи материалы использованы при подготовке публикации, а у *Фейсбука* на использование их данных. Потому что все наши тексты и фотографии принадлежат Фейсбуку.

Олег Грешнев:

Причем это происходит псевдодобровольно.

Лицензионное соглашение, которое мы подписываем, ставя галочку или заводя аккаунт, оно ровно о том же: мы отдаем все свои данные. И вроде как подписываем мы его добровольно, а с другой стороны, есть ряд сервисов, которые становятся уже системообразующими, и без них уже невозможно работать, а чтобы ими пользоваться, необходимо согласиться на передачу и использование данных.

Если говорить об *основных векторах угроз*, которые возникают для цифровой личности (а как мы говорили, цифровое и нецифровое сливается, и граница между ними все более размыта), то это:

- государство,
- корпорации,
- киберпреступники (которых исторически принято было обвинять во всем плохом, что происходит в информационном пространстве).

На самом деле у них всех разное целеполагание, разное поведение, и поэтому нужны самые разные варианты цифровой гигиены, чтобы увернуться от их слишком пристального внимания.

Под «государствами» чаще всего мы понимаем исполнительную власть — это важное уточнение. Из него следует, что там, где есть дисбаланс в сторону исполнительной власти, возникают основные нарушения. А там, где поддерживается баланс между судебной, законотворческой

и исполнительной властью, больше возможностей для того, чтобы хоть как-то управлять этим процессом.

У государства, наверное, самый большой интерес к персонифицированным данным, которые оно собирает. Потому что в конечном итоге есть данные, которые могут иметь ценность, что называется, en masse: по трафику в общественном транспорте, по трафику передвижения машин в городах, например. Но все чаще и чаще государство интересует, чтобы за этой «массой» стояли конкретные фамилии.

И у этого есть печальные последствия — перегибы, возможно, не всегда намеренные, но приносящие много вреда. Это попытки не слишком этичными, но очень современными методами «отловить» своих граждан за мыслепреступление, за что угодно еще. К сожалению, чиновников не интересует, что почти все эти методы статистические. Обычно они не указывают лично на человека, а указывают на какую-либо группу, указание же на конкретного человека может быть только с той или иной долей вероятности.

И вот что, продолжая уже упомянутый кейс, мы наблюдали, когда сильные компании говорят «нет». Почему? Часто не только потому, что они такие честные и хорошие, а потому, что в ситуации уже почти десятилетнего кадрового голода айтишники — это «внутренняя валюта бизнеса» и их готовы покупать за любые деньги. Сами же айтишники руководствуются при выборе работодателя не столько деньгами, сколько некоторыми нематериальными факторами. Один из них — репутация.

Так вот, когда сильные компании отказываются, за дело берутся слабые, они делают не очень надежную, массового поражения «гранату» и дают ее в руки не очень компетентному заказчику. Мы уже знаем — алгоритм выявляет «нечто с вероятностью не выше 70–80%», а дальше это попадает в руки исполнителей, которые говорят: «О! Алгоритм указал на тебя! Пройдемте!..»

И это, конечно, ситуацию усугубляет еще больше, чем если бы работали точные алгоритмы. Довольно часто, когда говорят о текущей ситуации в стране, упоминают, что одна из ее особенностей — непредсказуемость. Вот 10 человек писали одно и то же, а схватили только двоих. Почему именно их? Почему не всех? И это, я предполагаю, в том числе следствие того, что при принятии решений полагаются на такие ненадежные методы.

Сошлюсь на примеры из недавней новостной ленты: власти решили использовать искусственный интеллект для психологической диагностики чиновников, которых принимают на работу. Замечательно, только известно, что это не работает. Но тем не менее как минимум одна задача будет сделана: проект будет выполнен, бюджет будет выделен и освоен. Хуже, если потом все же случаются попытки использовать созданную систему…

Анализ соцсетей — это некая синекура. Очень много всего пытается сделать здесь не только государство, но и корпорации. Давайте об этом немного поговорим.

Совсем печальные примеры. Пока, к счастью, не из России. У нас есть хороший «тестовый образец» того, что может быть в России, — это Китай. И попытка почти тотального генного сканирования в Уйгурском районе показала, насколько это может быть эффективно.

Расскажу об этом кейсе. В этом регионе Китая, который все время «досаждает властям», сделали следующее. Они решили, что надо жестче проконтролировать, что там происходит. Была объявлена бесплатная, но практически обязательная диспансеризация, в рамках которой в том числе был сделан забор генетического материала. Эту диспансеризацию прошло 15–20 процентов населения. Какой эффект: любое ДНК, оставленное на месте преступления, выводит либо на человека, который прошел этот скрининг, либо на его родственника — этого достаточно. И в этом смысле для тотального мониторинга не нужно стопроцентного покрытия. Достаточно 15–20%, и все: кто-нибудь из ваших родственников «засветится». А поймав родственника, дальше сводим все к 15–30 человекам, среди которых мы уже гарантированно найдем того, кого ищем. Почему я об этом говорю — это невозможно без искусственного интеллекта. Это, с одной стороны, генетика, а с другой стороны, такого рода поиски — задача для искусственного интеллекта.

Анализ соцсетей – это некая синекура. Очень много всего пытается сделать здесь не только государство, но и корпорации

Второй пример — социальный рейтинг. Это чуть меньше об искусственном интеллекте и чуть больше о сборе данных. Это попытка собрать максимум информации, а дальше решить, кто хороший гражданин, а кто — плохой. Попытка очень опасная именно тем, что может оказаться весьма эффективной с точки зрения целей государства. Потому что у государства уже есть много возможностей, чтобы информацию собирать.

Анна Кулешова:

В России, вероятно, тоже будет попытка введения социального рейтинга через позитивные параметры.

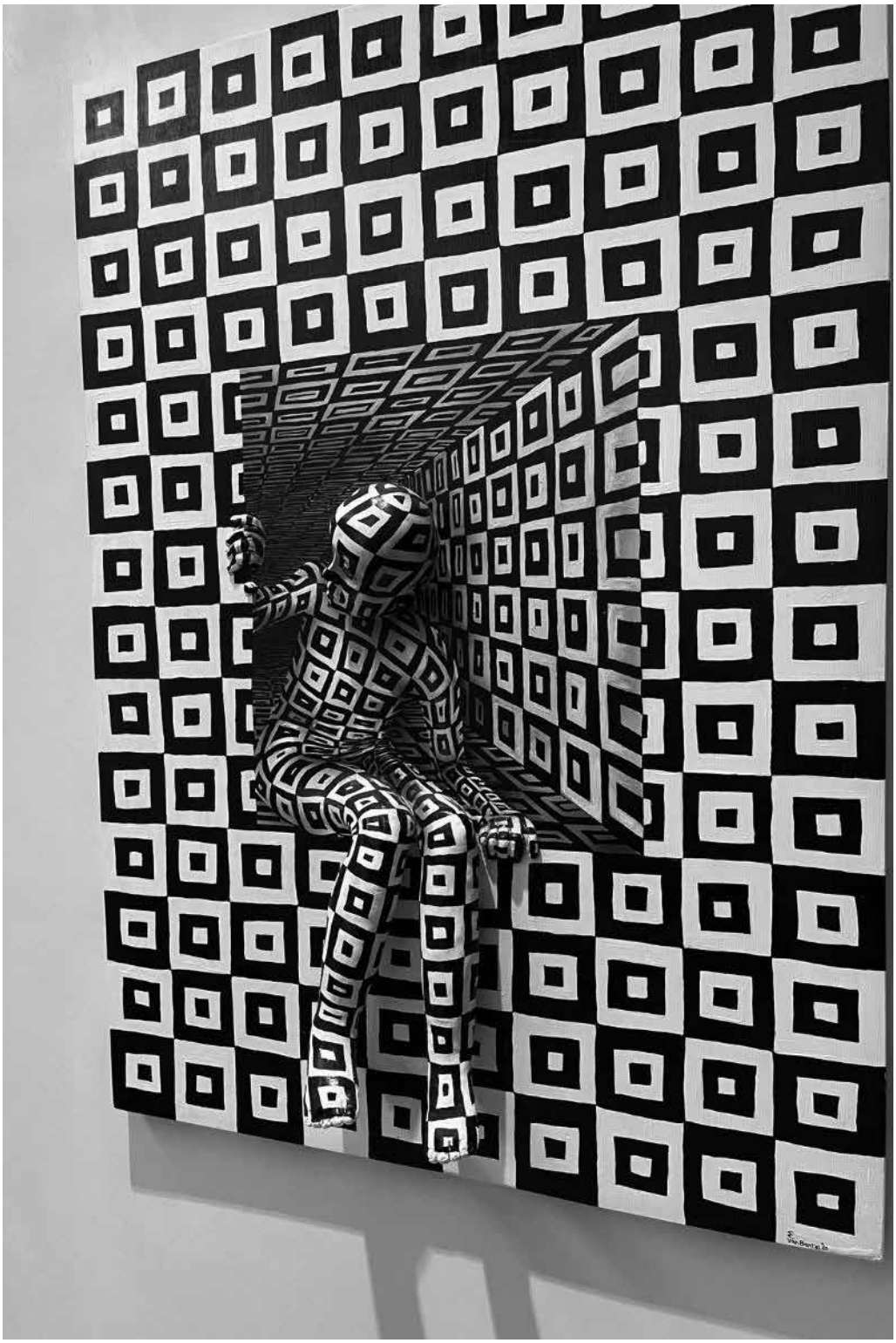
Олег Грешнев:

QR-коды — это такой «туз в рукаве». Это не новые технологии. Все было готово давно, но не было повода апробировать и применить. Мы сейчас живем во время эксперимента. Цели, которые анонсируются, и цели, которые достигаются, сильно разнятся. Что мне не очень нравится в истории с QR-кодами, что даже если QR-коды будут отменены, это будет уже неважно. Я прихожу куда угодно со своим телефоном — и обо мне уже известно, что я сюда пришел. Особенно если на телефоне по умолчанию не отключен *Wi-Fi* и не отключен *Bluetooth,* тогда никакой QR-код больше не нужен.

Даже был проект, чтобы в общественном транспорте платить телефоном: просто не выключайте *Bluetooth* и заходите. Распознавание лиц не нужно: вы и телефон — единый кибернетический механизм.

Если отработать технологию такого слежения, то QR-коды будут лишними.

О корпорациях. С ними все понятнее и честнее. Эти «ребята» всегда хотят денег — прямо или косвенно. И в этом смысле они более предсказуемы и более квалифицированны, как ни странно. При этом у них еще нет такой жажды получить персональные данные. Им обычно интереснее знать вообще о своей целевой аудитории, чем о Васе или Пете. Доходить до таких частностей



Венди Ван Бокстел (Wendy van Boxtel). 7: Oops Series. 2021
Оптическая живопись на частично скульптурной поверхности. Если смотреть с разных точек зрения, кажется, что фигура проваливается в глубину.

дорого и неэффективно. Но зато у них много возможностей «выкрутить нам руки», заставить нас дать разрешение на использование своей информации: не хотите *iPhone* — не соглашайтесь на лицензионное соглашение с *Apple*. Не хотите *Windows* — не соглашайтесь с *Microsoft*. Не нужен *Facebook* — не соглашайтесь с *Facebook*. Это однозначно принудительная история.

Корпорации сильно монополизируют данные и бьют по рукам тех, кто эти данные пытается вытащить за их пределы. (Кстати, государство это заботит в меньшей степени, государству все равно или почти все равно, куда еще уйдут данные. И мы это наблюдаем по постоянным утечкам и отсутствию серьезной ответственности за утечку данных.)

У корпораций есть один положительный момент, если мы говорим о демократии: они в большей степени, чем государство, страдают от всяких скандалов. И в итоге, как ни парадоксально, они оказываются своеобразными «адвокатами» и «медиаторами» граждан перед лицом государств. Просто потому что у корпорации есть больше рычагов воздействия на ситуацию. Когда они видят, что начинает расти недовольство пользователей, что начинают терять рынок страны, они иногда делают внезапно какие-то полезные для граждан вещи. Такая вот странная «демократия».

Понятно, что их не надо идеализировать, неэтичных экспериментов у корпораций очень много. Например, частый запрос — кредитный скоринг. Банки всегда хотят знать, кому давать, а кому не давать кредиты: «А посмотрите их соцсети! Что вы нам можете о них сказать?»

Из личного опыта могу сказать, что не любая подобная задача может быть решена в принципе. Например, в задаче скоринга клиентов есть интересная асимметрия: по соцсетям почти невозможно выявить хороших заемщиков. Намного четче видны те, кому в принципе нельзя давать кредиты.

Из недавней истории. По-моему, Google как раз отказался от подобного запроса по этическим соображениям. Их просили сделать скоринг для очень крупной финансовой структуры. И выяснилась одна вещь: не получается эффективно делать скоринг, не принимая во внимание гендер, расовую принадлежность, национальность и еще некоторые довольно чувствительные факторы. А принимать их во внимание — еще менее этично. И руководство сдало назад. Они просто отказались от этого проекта. ИТ-компании, к слову, сейчас активно организуют у себя этические комитеты. Как в медицине не все можно, так и не все можно при разработках в области искусственного интеллекта. Специальные, относительно независимые подразделения анализируют и дают заключения, сто́ит или не сто́ит идти этим путем, использовать те или иные решения.

Интересный момент — попытка использовать эмоции. Причем абсолютно коммерчески очевидная вещь, не для спецслужб. Нам очень важно понимать, что человек думает, когда смотрит на телеэкран с рекламным роликом, — камеру-то поставить нетрудно. Нам важно понимать, что чувствует человек, когда смотрит на упаковку с товаром, — камеру опять-таки поставить нетрудно. Но здесь всплывает целый класс проблем, начиная с этичности распознавания эмоций и заканчивая

тем, что у разных рас, разных культур эти эмоции выражаются по-разному. И алгоритмы откровенно дискриминируют одних перед другими просто потому, что неправильно читают эти эмоции.

Киберпреступники. Это самая понятная категория. Они преследуют свои собственные цели, чаще всего коммерческие (хотя бывает и пиар). Они регулярно «паразитируют» на тех данных, которые уже накоплены другими. И здесь основной бич заключается в том, что очень часто корпорации (а уж тем более государства) копят данные, и экономят на защите, и даже, может, не преследуют никаких сомнительных целей, но «все плохое» проявляется, когда эти данные утекают.

Обычно к пользователям интерес киберпреступников деперсонифицированный (хорошо, конечно, похитить банковские карточки, но денег там не очень много). Чаще всего атакуют людей, чтобы получить доступ к целевому объекту. Могут атаковать сотрудников не только самих компаний-объектов, но и, например, сотрудников подрядчиков компаний-объектов и так далее, с тем чтобы получить доступ к целевой структуре. Современные средства защиты информации, если их грамотно применять, весьма эффективны. Что это значит? Их взлом был бы неэффективным экономически. Но мы говорим о кибернетическом механизме: намного проще стало «взламывать людей». И здесь ИИ абсолютно незаменим.

А что, если мы не просто получим какой-то побочный эффект от хорошего искусственного интеллекта, а будем специально учить его творить зло? Во-первых, мы получаем неограниченные возможности для фишинга. Хороший чат-бот может не просто вещать как служба безопасности Сбербанка: «Здравствуйте, у вас с карты только что совершена операция, не хотите ли сообщить номер карты, с которой вы ее совершили?», но и куда более

ИТ-компании сейчас активно организуют у себя этические комитеты. Как в медицине не все можно, так и не все можно при разработках в области искусственного интеллекта

персонифицированно подстраиваться под возможности конкретных людей, ведя с ними длинный и персонифицированный диалог, чтобы добиться своей цели.

Что вызывает восторг у меня как у технаря, но не вызывает восторга как у человека — эти алгоритмы способны учиться вечно. То есть каждый раз они будут делать это все лучше и лучше.

И вторая очень интересная тема — фейки. О фейк-ньюз все давно проговорено, но способность алгоритмов генерировать фейки растет с каждым днем. Прежде чем об этом поговорим, я хотел бы сказать еще одну интересную вещь.

Одна из эффективных сфер применения искусственного интеллекта — медицина. Там ИИ способен увидеть то, что не видно человеческому глазу. Здесь есть очень интересные нюансы. Все-таки чаще всего ИИ не работает в замкнутой среде — там есть и человек, и искусственный интеллект. Например, мы можем задаться целью: обмануть нейросеть. Обмануть систему распознавания образов. Что делают инженеры? Берут вторую нейросеть и

ставят перед ней задачу сгенерировать не очень понятную на первый взгляд рандомную (случайную) картинку, которая, будучи наложена на исходную, обманет систему распознавания. Вот, например, мы видим, что на исходной картинке изображена панда, и ИИ понимает ее как панду. Далее берем совершенно непонятную для человека картинку, причем при наложении за счет ее произвольности картинка для человеческого глаза практически не меняется, она остается той же. Но нейросеть, которая обучена была распознавать изображение, увидит на ней нечто совершенно иное. То есть такое намеренное «толкание нейросети под локоть». И если мы говорим о медицине, то это открывает пространство для злоупотреблений.

Современные средства защиты информации, если их грамотно применять, весьма эффективны

Анна Кулешова:

Хочу уточнить, почему это колоссальное злоупотребление. С одной стороны, взламывается человек как система и сдает свои данные. С другой стороны, если все электронные медицинские карты заработают вроде как на наше благо, то подлог в такой электронной медицинской карте делается очень легко и невидим для человека. Это важно понимать. Если, допустим, перед операцией или при постановке диагноза такие смещения в принципе возможны, они становятся фатальны для человека. И на данный момент эта «история» никак не защищена.

Олег Грешнев:

Из забавного и, может быть, полезного. Системы распознавания лиц тоже можно обмануть.

Проводились интересные эксперименты. Можно напечатать себе оправу очков, специальным образом подобрать цвета так, чтобы система начала сбиваться и распознавать тебя как совершенно другого человека. Не обязательно как конкретного, но поменять пол, возраст и т.д.

Анна чуть-чуть затрагивала *deepfake* с лицами, и причем не только со статичными фотографиями, но и с видеоизображением. Дело в том, что сеть вполне в состоянии сгенерировать действительность, которой никогда не было, так, что человеческий глаз никогда не поймет, что это подделка. А мы все-таки привыкли верить тому, что один раз увидели, если не тексту, то фото уж точно доверяем. Такая вот «хорошая новость» — больше не сто́ит доверять фото и видеоизображениям. И использование таких алгоритмов вместе с системами, эффективно генерирующими тексты, позволяет создавать сколько угодно альтернативных поддельных реальностей. Вот ссылка: https://newsyoucantuse.com/. Это потрясающий новостной портал, где нет ни одной новости, имеющей отношение к действительности. Все новости сгенерированы сетями. Попробуйте по нему походить, и почитать, и понять, что вы попали в Зазеркалье.

Но есть и детекторы таких подделок. Меня удивляет, что эти детекторы до сих пор не внедряются активно в виде каких-нибудь браузерных расширений, позволяющих сразу, листая страницу, выделять те фрагменты, которые с большой вероятностью не были написаны человеком.

Мы проводили эксперимент с детьми — диалог между неким «Михаилом» и «Розой». Идея в том, что на самом деле «говорят» два чат-бота. Интересная вещь: они учатся не просто воспроизводить текст — текста мало. Чтобы чат-бот был более реалистичным, ему надо дать личность, то есть дать какие-то воспоминания, что-то, на что он сможет ссылаться из предыдущего опыта. Это первый аспект, который стал очевиден. Второй — еще более интересный: даже когда мы знаем, что мы общаемся с чат-ботом, то чат-боты способны вызывать эмпатию. Это очень странное явление. Я бы предложил социологам, психологам изучить его. Человек, зная, что он общается с чат-ботом, способен испытывать к нему сочувствие, способен поддаться на какие-то его уговоры (что уж говорить о ситуации, когда человек не знает, что говорит с чат-ботом!).

Анна Кулешова:

Поясню, как это было доказано экспериментально. В аудиторию, где есть только монитор, заходят люди. И, соответственно, чат-бот с образом человека говорит с экрана: «Мне тяжело, мне нужно выпить стакан воды. Пожалуйста, принеси! Я тебя очень прошу!» И отмечали, как часто люди откликались на просьбу, выходили и приносили воду, не зная, как поступить, что делать. По большому счету понятно, что симуляция человека на экране никак не может выпить воду. Но люди тем не менее воду приносили.

Олег Грешнев:

Или еще пример. Два чат-бота рассуждают между собой о чувствах: правильно или неправильно иметь и выражать чувства.

У нас «этика» до последнего времени ассоциировалась с человеком как некоторым актором, который имеет свободу воли. Но чем дальше, тем острее встает вопрос о том, что при таком развитии технологий и таком уровне делегирования мелких и не очень мелких решений компьютеру вопрос этичности внезапно встает и для компьютера тоже.

В позапрошлом году я был участником обсуждения вопроса использования роботов в армии. Это вообще даже не вопрос — понятно, что в армии роботы используются и будут использоваться, — а конкретный вопрос: можно или нельзя (и при каких условиях можно) отдавать роботу право спускать курок? В какой момент мы разрешаем роботу принять решение убить человека? И здесь есть две диаметрально противоположные позиции. Первый ответ — никогда. Второй ответ заключается в следующем: не всегда можно обеспечить удаленную связь, тем более если есть перехваты и помехи, так что решение должно быть за роботом.

А теперь представим себе ситуацию, что в не очень мирную деревушку входит небольшой военный отряд. И в другой ситуации — отряд роботов.

Вопрос: в какой ситуации будет меньше жертв среди мирного населения?

Ответ: скорее всего, живой человек, опасаясь за свою жизнь, будет чаще применять оружие там, где этого делать не нужно, просто на всякий случай. А роботу все равно, он может всегда дождаться первого выстрела и только тогда в ответ начать стрелять.

Дилемма вагонетки. Эта дилемма показывает, что даже в мирных бытовых ситуациях могут складываться обстоятельства, когда роботу придется выбирать не между «убивать — не убивать», а выбирать, кого убивать. Это и

self-driving cars (самоуправляемые машины), и ситуации на производстве. Кстати, производства очень хорошо автоматизированные — химические и так далее. И что делать в случае возникновения непредвиденной ситуации?

Например, город, химический завод, произошла утечка, сейчас облаком накроет город, если не закрыть шлюзы. А закрыть шлюзы — значит убить сотрудников, которые остались внутри. Где здесь граница принятия решений и на что нужно опираться, сложный вопрос.

В концерне *Mitsubishi* в рамках проработки темы автопилотируемых машин провели интересное исследование: спросили людей, как они считают, кого в случае неизбежности автокатастрофы можно давить? И дали несколько вариантов ответов:

- как можно меньше жертв;
- как можно больше продолжительность жизни (итоговое ожидаемое среди выживших);
- виноват/не виноват в том, что случилось (степень вины того, кто к этому привел);
- богатый/бедный;
- мужчина/женщина

и так далее.

После этого исследователи разделили страны примерно на три класса: западные, восточные и южные. Там действительно люди очень по-разному относятся к тому, какой критерий «кого давить». Машина сбила, кто виноват? Был первый такой случай, и ответ был: «Никто». Реально суд в итоге разбора дорожного происшествия с беспилотником принял решение: несмотря на то что второй (человек)-водитель должен был следить и страховать машину, а он этого не делал, сидел в телефоне, но все-таки и он тоже не виноват.

Хотя, замечу, что, в общем, эта проблематика не так нова, как может показаться. Неисправность рулевого управления, неисправность тормозной системы и так далее — это тоже ситуации, когда не то чтобы сильно виноват водитель. Виноват производитель. Но «производитель» — это «никто». То есть его можно оштрафовать, но его нельзя посадить, ведь в этой ситуации не дойти до конкретного человека.

И последнее, на что хотел обратить внимание. Как мы говорили, основное, чем на самом деле будет определяться (и определяется) поведение алгоритма, — это не сам алгоритм, а данные, на которых он научился, и цели, которые перед ним поставлены. И тот факт, что он учится на данных, которые были накоплены за предыдущее время, делают его консерватором. Причем делают консерватором иногда больше, чем любого человека. Алгоритм обучается видеть некоторые закономерности и зависимости, которые происходили в течение последних нескольких лет. Он и будет пытаться их воспроизводить дальше, просто потому что он их увидел. И он, скажем так, «намеренно» (если это слово вообще применимо) не будет источником изменений. Он может «доучиться». Если по факту изменения произойдут, то он на новых данных доучится что-то делать.

Истории с «шовинизмом» и «расизмом» ИИ связаны как раз с тем, что он всего-навсего впитал в себя те данные, которые уже ранее были накоплены. Он обучился не только хорошему, но и плохому из истории человечества.

Парадокс заключается в том, что сами по себе технологии ИИ являются

Рефик Анадол (Refik Anadol). Тающие воспоминания. 2018
Сигнал памяти интерпретирован искусственным интеллектом, представляющим формирование воспоминаний.

очень прорывными. Я бы даже сказал, что они создают некоторую точку бифуркации в развитии человечества.

Не хватит времени сегодняшнего доклада говорить о том, как вообще поменяется наш мир, экономика и все остальное в течение ближайших 15–20 лет именно под воздействием ИИ. Но нет сомнения, что он становится все менее предсказуемым. И это, как ни странно, снижает эффективность ИИ. Он хуже работает в нестабильной ситуации, чем в стабильной и постоянной.

Но увидим… Мне как исследователю это интересно, а как человеку — и интересно, и тревожно на это смотреть.

Анна Кулешова:

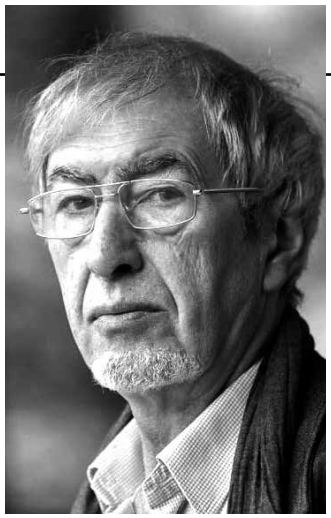
Олег не закончил рассказ об автопилотируемых машинах… Действительно, провели исследование, и в азиатских странах сказали, что не надо давить богатых и пожилых людей ни в коем случае. В европейских — женщин и детей надо пожалеть… А автопилотируемые машины, которые сейчас выехали и в Москве, и по всему миру, — у них одно основание работы: машины «бросают кости» в случае ДТП. Оказалось, что «этично только то, что случайно». Вот такая этика у ИИ…

Олег Грешнев:

… но при этом надо понимать, что здесь, помимо этического вопроса, есть вопрос бизнеса. Вы какую машину купите: которая будет спасать вас как пассажира в любой ситуации или которая будет «вести себя этично»?

Вот на этом давайте пока закончим.

Где обрести надежду



Алексей Левинсон, социолог

Уважаемые читатели, перед вами текст, в основе которого — мое выступление перед слушателями Школы в самом начале 2022 года. При подготовке текста к печати мне захотелось некоторые места изложить подробнее, уточнить некоторые формулировки. Поэтому текст получился и устный, и письменный. Извините за эту смесь.

Я работаю в «Левада-центре». Работа наша такая: мы проводим опросы, групповые дискуссии, берем интервью — все это для того, чтобы узнать, что люди думают (или говорят, что думают), затем понять это и рассказать всем, кому это важно или интересно.

Я начну с того, как это дело опросов начиналось в мире и в нашей стране.

В странах, переходивших от традиционного малоподвижного существования к городскому, где массы людей перемещаются в географическом и социальном пространстве, включаются в общественную жизнь в качестве работников, но также потребителей услуг, покупателей товаров, и избирателей, появились науки об этих процессах — демография, социальная психология, социология. Ученые наблюдали за происходящим и строили свои объяснения тому, что происходит. Наряду с методами наблюдения появилась группа методов, основанных на возможности спросить у людей об их чувствах, желаниях, намерениях. Поскольку социальные процессы затронули большие массы людей, фактически все население, искали и нашли методы, которые позволяли опросами сравнительно малого числа людей узнавать о мнениях, намерениях больших масс, всего населения. Это так называемые общенациональные опросы по репрезентативным выборкам. Их стали использовать, чтобы узнавать и даже предсказывать поведение людей в качестве покупателей и избирателей. Электоральная

демократия, общенациональные опросы и свободная пресса, как и маркетинговые исследования, стали атрибутом массового общества индустриальной эпохи. Такие технологии были разработаны и отлажены в первые десятилетия XX века в США.

Наибольший вклад в это внес Джордж Гэллап. Далее эти технологии пошли распространяться по миру. Россия в эти годы по-своему проводила индустриализацию и активно заимствовала у Америки технологии в области промышленного производства, но технологии опросов, будь то политических или маркетинговых, заимствовать никто тогда не пытался. И на то были веские причины. Советский строй, называвшийся диктатурой пролетариата, на деле был диктатурой определенных политических сил, взявших себе имя коммунистов, большевиков. Захватившие власть в результате вооруженного переворота, а затем победы в Гражданской войне, они обосновывали свое господство утверждением, что правят народом по его воле. Они ее знают, они ее выражают, им, и только им народ доверяет. Поэтому никому, кроме них, не могло быть дозволено эту волю народа узнавать и выражать.

Сталинский режим почти одновременно начал политику массовых репрессий и массовых же перформансов — имитаций свободных всеобщих выборов. Ни массовые опросы, ни свободная пресса для этих целей не требовались.

Осуществлявшие диктатуру власти проявляли определенный интерес к настроениям масс. Эти настроения скрытым образом должна была выяснять агентура тайной политической полиции и как секретную информацию передавать в управляющий центр.

У любой тирании и диктатуры большие трудности с воспроизводством, она сперва слабеет, потом изживает себя. В условиях слабеющей диктатуры попытки изучения общественного мнения путем опросов начал предпринимать профессор Борис Андреевич Грушин, ознакомившийся с соответствующими американскими методами. При всех его усилиях ему не дали ни разу провести общенациональный опрос, который позволил бы заявлять мнения от имени «всего народа». Однако команду людей, которые в принципе могли бы это сделать, он подготовил.

Ощущавшие эрозию системы М. Горбачев и его союзники в руководстве КПСС, предпринимая различные реформы, задумали ввести упомянутую выше триаду — свободные выборы, свободную прессу и полноценные общенациональные опросы. Сопротивление по всем этим направлениям они встречали очень сильное. Но постепенно стали проводиться все более свободные выборы, началась эра гласности со свободой печати, и было создано первое в СССР агентство по изучению мнений общества посредством опросов.

С согласия Горбачева после открытой и глухой политической борьбы где-то там «под коврами» его создала в 1987 году группа людей, которую возглавляли академик Татьяна Ивановна Заславская и профессор

Борис Грушин. (Заславская, имевшая большой политический авторитет, обладала также опытом полевых социологических исследований.) Ими и их коллегами была проделана огромная работа по подготовке сети региональных агентств со штатами интервьюеров, которым предстояло, собственно, опрашивать людей, отобранных по особым правилам, основанным на законах математической статистики.

Через некоторое время в новосозданный центр пришел Юрий Левада с группой своих коллег, начинавших еще в 1960-е занятия теоретической социологией. Левада ранее не занимался опросами. Опыт теоретика в сочетании со свободой новичка-маргинала помог ему увидеть в соцопросах, которые был готов проводить центр, инструмент для решения не частных задач (сбор мнений о политиках или брендах), а задач большого социологического масштаба. Общество в этот момент находилось в стадии стремительных лавинообразных трансформаций. Левада говорил, что для таких процессов была бы нужна и особая социология, как он выражался, социология аваланша, лавины. Но на разработку особых методических средств не хватало ни времени, ни кадров.

Динамическая часть общества жадно требовала свидетельств идущих перемен, регистрации достигнутого в этом стремительном движении. Результаты опросов немедленно сообщались публике по ТВ и были важнейшим моментом новостей или горячих политических программ. Центр, начинавший с размеренного ритма ежемесячных опросов, наращивал и наращивал темп. (Стоит напомнить, что дело начиналось в доинтернетовскую и почти что докомпьютерную эпоху, основная технология называлась *paper-and-pencil*. Пачки анкет, заполненных во всех концах страны, отсылались в Москву поездами. Далее для ускорения их стали отправлять самолетами, затем — диктовать результаты по телефону.)

Очень интересно сложились наши отношения с Михаилом Горбачевым. Центр был создан с его благословения, и была, видимо, немалая вероятность того, что мы окажемся таким «горбачевским центром изучения общественного мнения». Благо у нас вроде бы как совпадали политические векторы. Но они не очень совпадали, и довольно быстро — во время Съезда народных депутатов — мы принесли Горбачеву сведения о том, что его позицию, которую поддерживало консервативное большинство депутатов (Юрий Афанасьев назвал его «агрессивно-послушным большинством»), разделяет меньшинство населения СССР. А, напротив, то, что провозглашает меньшинство в этом депутатском корпусе, избранном еще по советским канонам, вот это мнение большинства жителей СССР. Динамика эволюции, запущенной Горбачевым, в это время уже обгоняла динамику его собственной эволюции. И наш опрос это показал.

Михаил Горбачев явно обиделся на «свой» центр. Но он поступил, на мой взгляд, очень благородно: он взял и отвернулся от нас. Никаких

репрессий, укоризн, просто перестал к нам обращаться. И это было великое счастье. Мы не стали «придворным» социологическим агентством при Горбачеве.

Когда Горбачева сменил, а по сути, сместил Ельцин, то мы как «оппозиционное» Горбачеву агентство должны были оказаться в фаворе у новой власти. И Юрий Левада был приглашен к Ельцину в президентский совет. Но мы обидели и Ельцина где-то на третьей неделе. Эффект был такой же. То есть и при нем тоже не стали «придворным» агентством.

Мы исправно регистрировали и сообщали всем сначала триумфальные рейтинги Ельцина (Горбачев тоже с них начинал), потом их драматическое падение, новый взлет и новое падение. Я думаю, что решение ельцинской команды о том, что Ельцин должен уйти до истечения срока его президентских полномочий, в значительной мере родилось из наблюдения за тем, как его рейтинг, измеряемый нами, падает все ниже.

С приходом Путина мы сообщили миру, что у этого еще никому не известного политика (собственно, еще даже не политика) с самого начала рейтинг такой, как у самых популярных президентов в демократических странах. Его «деятельность на посту президента РФ» (каковой деятельности еще и не было) на первых порах одобрило две трети населения. (Люди в такой форме приветствовали саму смену фигур.) Этот непотопляемый рейтинг мы исправно отслеживаем с тех пор и до сегодняшнего дня. Мы-то знаем, что да, это во многом удивительный социальный феномен, но это не артефакт, не наша выдумка или ошибка наблюдения. Более того, это не результат пропаганды, работы телевидения, а именно так думают многие. Наше объяснение: таково состояние общества, которое, пережив распад советской жизни в «реале», нуждается в чем-то объединяющем в сфере символической. Но в окружении Путина явно были люди, считавшие, что этот рейтинг зависит не от состояния общества, а от тех, кто его изучает и измеряет (есть же люди, которые винят метеорологов за предсказанную ими и наступившую плохую погоду).

Накануне первых выборов, которые Путину предстояло пройти, эти люди завели разговор о том, что Левада может «уронить рейтинг». В то, что рейтинг — это объективная реальность, а не выдумка социологов, веры у них не было. И представить, что Левада — человек чести и ничто его не может заставить подкрутить результаты хоть в ту, хоть в другую сторону, такие люди не могли, потому что сами они такими не были.

И тогда (в 2003 году) к Леваде пришли и сказали, что ему хотят дать орден, но просят уйти на пенсию. Но он ответил «нет». Потом к нему пришли с более жесткими предложениями: пусть он — большой ученый! — занимается наукой, а «текучкой» будет заниматься его заместитель, которого они пришлют. Левада и на это не согласился.

Тогда решили от него избавиться с помощью некоторой юридической уловки. Наш центр еще с советских времен числился государственным

учреждением. В неразберихе переходного времени как-то никто не обращал внимания на этот наш статус. Мы перестали получать государственное финансирование, мы жили на то, что зарабатывали сами, но продолжали считаться государственным унитарным предприятием.

Вот тут по их команде была запущена процедура приватизации центра, поскольку она предполагала в качестве первого шага увольнение директора предприятия. И они решили, что «вот сейчас мы Леваду скинем, поставим другого директора, и будет все окей».

Левада вынужден был уйти. С собой он никого не брал и не звал. Но тут случилось некое социальное чудо. На тот момент штат этого Всероссийского центра изучения общественного мнения составлял 82 человека. Остальные 81 человек, не сговариваясь ни с ним, ни друг с другом, подали заявления об уходе и ушли. А потом также все вместе подали заявления в ту маленькую некоммерческую организацию, куда ушел Левада.

Понятно, что так поступили мы — его ближайшее окружение, люди, которые с ним давно работали. Но с нами перешли бухгалтеры, многочисленные технические работники (потому что это фабрика опросов, там очень много всяких технических операций).

Оказалось, что лояльны Леваде все. Эти все ушли почти в никуда, образовали некоторое новое агентство с другой формой собственности: автономная некоммерческая организация. Пришлось многое начинать с нуля. (Оставшуюся пустой оболочку ВЦИОМ стали постепенно заполнять совсем другие люди с совсем другими политическими и моральными установками.)

Нам не разрешили сохранить бренд, поэтому мы пробовали разные названия, и все они были, в общем-то, неуклюжие. И через некоторое время коллеги и партнеры нам сказали: «Чего вы ищете, все равно вас все называют “Левада”». И тогда при некотором сопротивлении самого Юрия Левады организация получила название «Левада-центр», а эмблему нарисовал Юрий Александрович Левада сам. Это рисунок с большой символической нагрузкой.

На нем изображен советский-постсоветский человек, для изучения которого был запущен при Леваде большой социолого-антропологический проект. Этот человек, пока пребывает где-то во тьме, он — светлый, но при белом дне он может оказаться и весьма темным. Вот о чем говорит нам этот рисунок. Важен и придуманный Левадой девиз: «От мнений — к пониманию». Изучение общественного мнения, сбор мнений людей — обычная задача агентств, которые занимаются опросами, поллингом. Левада

строил работу так, чтобы не ограничиваться этой задачей, от нее перейти к интерпретации собранного материала, перейти к собственно социологии, которая дает научные средства для понимания процессов, происходящих в обществе и как-то проявляющихся в ответах, во мнениях людей. В мире опросы очень редко числят по разряду социологии, это в основном у нас так повелось считать опросы социологией, а социологию сводить к опросам. Левада же предлагал считать опросы средством добывать материал для социологического анализа.

Это было, так сказать, вступление.

Теперь о сегодняшнем состоянии общества. Оно совсем не похоже на упомянутые эпохи Горбачева, Ельцина и раннего Путина (разве что рейтинг его так и стоит, как одинокий столб).

Сведения, которые я буду сообщать о мнениях россиян, думаю, большинство будет воспринимать с удручением, тоской и, наверное, недоверием: неужели так плохо? Действительно так плохо? Но тогда вы задавайте вопросы, а я буду отвечать, действительно или нет.

Источник данных

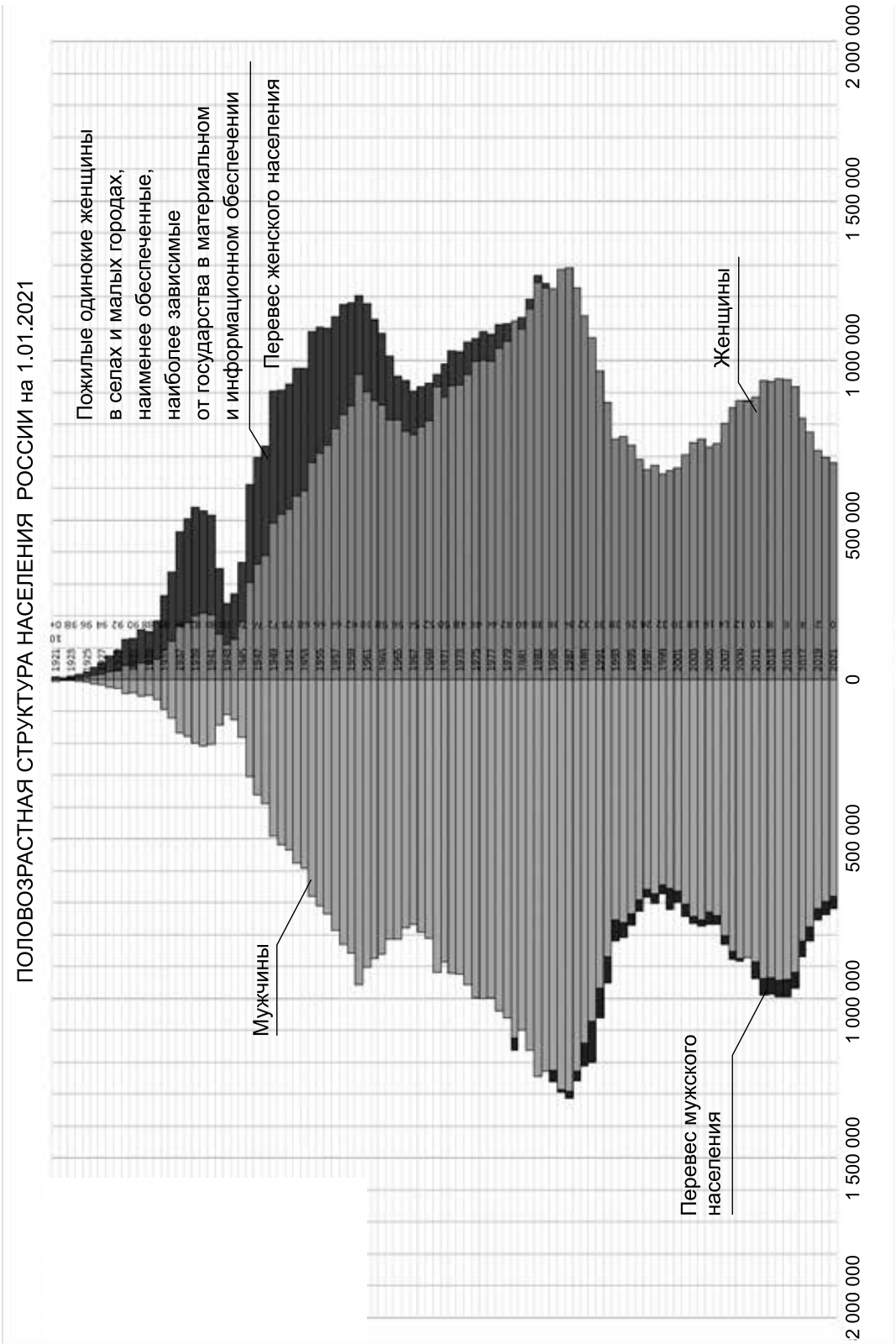
- Регулярные опросы Аналитического центра Юрия Левады.
- Выборка — 1600 человек, репрезентативная в отношении взрослого (18+) населения Российской Федерации.
- Метод: личные (off-line) интервью по месту жительства респондентов по всей территории Российской Федерации.
- Показаны доли (%) выбравших данный вариант ответа из общего числа опрошенных (иное оговаривается).

«Левада-центр» занесен Минюстом РФ в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента. «Левада-центр» оспаривает это решение в судебном порядке.

Вот здесь техническая информация, чтобы было ясно: это опрос по репрезентативной выборке. По тому, что нам сообщают респонденты, которых несколько больше полутора тысяч, мы судим о мнениях приблизительно 100 миллионов человек.

Полторы тысячи от 100 миллионов берут не потому, что это какой-то определенный процент. Брать в выборку такое количество — это обычная практика репрезентативных опросов, отработанная десятилетиями. Собственно, уже век, как Джордж Гэллап эту схему отработал на населении Соединенных Штатов, которое было примерно такого размера, как в нашей стране сейчас. Это вполне надежно. И если вместо 1600 сделать 2600 или 16 000, то надежность не повышается. Надежность обеспечивается не большим числом опрошенных, а тем, как расположены точки опроса. По территории Российской Федерации мы собираем мнения в 50 точках по всей обитаемой части страны. Это очень много и

График 1


ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ на 1.01.2021
Пожилые одинокие женщины в селах и малых городах, наименее обеспеченные, наиболее зависимые от государства в материальном и информационном обеспечении
Перевес женского населения
Мужчины
Женщины
Перевес мужского населения
2 000 000
1 500 000
1 000 000
500 000
0
500 000
1 000 000
1 500 000
2 000 000

очень дорого. И то, что я буду рассказывать, — это результат большого труда большого количества людей. Только в центре работает несколько десятков человек. А еще по домам ходит тысяча с чем-то человек, чтобы примерно полторы тысячи опросить.

Теперь то, что очень важно знать перед началом рассказа.

Вот довольно печальная картина. Эта «елочка» — диаграмма, изображающая половозрастную структуру нашего населения (наша выборка ее в миниатюре повторяет). В России (как и во многих странах Европы, где в семьях в основном по одному ребенку) молодежи мало, а пожилых много. Россия в демографическом отношении демонстрирует такую же картину, как многие европейские страны*.

Это во-первых. По этой причине в опросах мнения пожилых преобладают над мнениями молодых. Во-вторых, в старшей возрастной категории у нас значительный перевес женского населения над мужским. Такая асимметрия существует во многих обществах, но в России она особенно сильная, потому что здесь мужская смертность уже в среднем возрасте существенно выше естественной. У нас все еще очень большая доля мужской смертности от так называемых неестественных причин. Это дорожно-транспортные происшествия, несчастные случаи на производстве, самоубийства, убийства в состоянии алкогольного опьянения, которые уносят жизни именно мужчин. И также букет заболеваний, связанных с алкоголизацией. У нас «мужская культура» до сих пор включает регулярное и значительное потребление алкоголя высокой концентрации. Водка и ее заменители продолжают косить мужчин.

Каков результат? В верхней части этой «елочки» мы видим преобладание пожилых одиноких женщин. Они доминируют на этом участке возрастной пирамиды. И в этом смысле можно сказать, что это *female-dominated* часть нашего общества. Но подумаем, как жили эти женщины? Их судьбе мы можем только посочувствовать. Эти женщины с детства выросли в обществе, которое было *male-dominated*. Когда они завели семьи, там главой считался мужчина (даже если реально всем заправляла женщина). И так прошла основная часть их жизни. В конце ее мужья уходили и умирали, оставались вдовы, выросшие, социализированные в ситуации, когда они были социально подчиненной долей населения, адаптированной именно к такому существованию. И вот получается, что на Западе в массовых группах населения чем люди старше, тем больше у них накопленных сбережений.

Старые богаче молодых. У нас эта пирамида перевернута. Молодые все-таки могут заработать, старые живут только на пенсию, не дающую возможность накапливать. Поэтому на Западе многие пенсионеры в состоянии себе позволить разъезжать в автобусах по Италии и другим

** Но, наверное, все-таки вашего собственного опыта достаточно, чтобы понимать, что такое пенсионер в Норвегии и что такое пенсионер в Карелии, которая от этой Норвегии совсем недалеко.*

прекрасным местам. А у нас многие пенсионеры живут в тех местах, куда автобус ходит один раз в день, а машина с хлебом может приехать, а может и не приехать.

В старшем возрасте численно преобладают женщины, выросшие в условиях мужского социального преобладания. Но эти женщины, которые остались без мужчин, доминировавших над ними, сами социально доминировать не могут. Их роли этого не предполагают. Если они не одиноки, то в семьях они на ролях бабушек (и это считается счастливой судьбой). Но, наверное, вы по собственному опыту понимаете, что авторитетность стариков вообще и бабушек в особенности в современной семье достаточно условная. А вне семьи ее просто нет, вне семьи удел старушки — сидеть на скамеечке у своего подъезда или в доме престарелых.

Но тут в дело вмешивается политика. После переворота 1990-х власти (сперва демократические, потом не очень) понимали, что именно этот контингент стариков тяжелее всего пострадал от реформ и недореформ. Это они потеряли более других, утратили многое ценное для них — сбережения, статус, идеалы, привычные формы жизни.

А то, что принесла новая жизнь, — свободы, права, доступ к информации, возможности открыть свое дело, заработать, поехать по миру — это все уже не для них. Но они, несмотря на свою обиду на власти, сохранили смирение и привычку их почитать, делать, что скажут.

На выборах это самый верный электорат властей, любых властей.

Возможно, будет правильным сказать, что власти «кинули» этих людей. Но не будет правильным говорить, что они их бросили. Напротив, в отношении именно этого контингента Российское государство выступило в некотором смысле даже более патерналистским, чем советское. При всех урезаниях, задержках и невыплатах зарплат пенсии платились исправно. Пенсии были и остаются для многих мизерными, но их платят. Надо вспомнить годы, когда во многих семьях бабушкина пенсия была единственным доходом в монетарной форме. (Остальное — картошка и капуста с участка, за которым ухаживала тоже бабушка.) Пенсия — сильнейшая форма привязки стариков к государству. Вот эти люди зависимы от государства уже в этом.

А кроме того, они тотально зависимы от направленной на них информации и пропаганды. Система пропаганды — это вторая «скрепа». Конечно, ее главный инструмент — ТВ.

ГЛАВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

Возраст	Всего	18–24	25–39	40–54	55+
ТВ	46	25	30	46	64
ИНТЕРНЕТ	23	47	35	21	9

В % от числа опрошенных

В России много местных и федеральных каналов, но покрытие одним и тем же содержанием от 82 до 95% аудитории — это первые три кнопки телевидения, которые с точки зрения политической ориентации не различаются практически ни в чем. И вы видите, что среди людей старше 55 лет 2/3 считают главным источником информации телевидение.

Надо оговориться, что хотя молодые мало смотрят или почти не смотрят телевизор, то, что передается от власти в общество по телевидению как каналу, продолжает быть для них достаточно важным. В политически существенных вопросах точка зрения власти (а телевидение транслирует именно ее), безусловно, известна и этой молодой части общества, которая на 47% вроде бы переключена на интернет. Но, как мы узнали, то, «что надо», они ловят из телевидения. Этому есть простое и сильное объяснение. Тоталитарный (хотя бы в интенции) режим может терпеть отсутствие лояльности и даже нелояльность. Но он не может допустить игнорирования себя. Такова непременная установка властей. Они понимают, что над теми, кто их игнорирует, у них власти нет, поэтому они делают все, чтобы все были в поле их влияния. Но одних усилий власти не было бы достаточно. И тоталитарные режимы — это не те, которые установила власть и обеспечивает тотальным насилием и пропагандой. То тирания или диктатура. Тоталитарный режим, строй — это состояние общества. Власть его оформляет, инструментально оборудует (в том числе всем нам известными жестокими методами). Но в основе такого строя неготовность людей быть самостоятельными и, наоборот, стремление каждого делать других зависимыми от себя и самому зависеть от других, словом, всем зависеть от всех. Это может называться хорошими словами: «сплоченность», «один за всех и все за одного», «все как один...», и эмоционально переживаться весьма положительно, пока на тебя не навалилась сила этих «всех»*. В этом и есть тотальность. (Повторим: бороться с властью или смеяться над ней все равно означает быть от нее зависимым.) Конечно, «полный тоталитаризм» — это тоже утопия. Но нам и неполного хватает.

** Разумеется, этот контроль всех над всеми реализуется прежде всего в первичных коллективах, начиная с коллективов семейных, дружеских, где все знакомы друг с другом и все на виду друг у друга. В условиях этой социальной близости или тесноты действуют социальные силы самых разных типов, они включают как самые «высокие» интеллектуальные и моральные переживания солидарности, так и «низкие» на уровне телесных ощущений, элементарных эмоций типа восторга и страха, влечения и ненависти. Технологии тоталитарных режимов социологически можно представить как транспонирование этих связей с первичных уровней на более высокие, на предельно высокий — общенациональный, общегосударственный. Обратим внимание на то, что риторика тоталитарных режимов изобилует переносами с первичного — семейного и дружеского — уровня на государственный: союз — это «дружная семья народов», отношения союзников — «братские», лидер — «отец» или «батька», он же «друг», родина — «мать» или «отечество».*

Разумеется, те, кто кроме телевидения имеет другие источники информации, кто знаком с другими точками и углами зрения, живут иной жизнью.

Интернет как альтернатива телевизору — великое дело. И надо сказать, что люди среднего возраста в сегодняшней России интернет имеют в виду. Они в нем не сидят, не живут, но они интернетом поверяют официоз, который идет по телевидению. В этом смысле информационная ситуация довольно интересная в этой части общества.

Но всех тех, кому больше 55 лет, сказанное не касается, они знают только то, что говорится по телевидению. ТВ смотрят главным образом старые люди, и оно показывает прежде всего то, что они хотят смотреть. Наиболее ясный и простой пример — советские фильмы. Для них ежевечерне включают машину времени, переносящую их в советское прошлое, притом доброе и хорошее.

Ясно, что ТВ подстроено под этого зрителя — с его, как принято говорить, «нелегкой судьбой русской женщины». Притом такой, у которой, как тоже принято говорить, «все в прошлом». Это все легко наблюдаемые феномены. Давайте всмотримся поглубже.

Давайте посмотрим на то, каково «мужское» в нашей пропаганде. Вот наш главный праздник — День Победы. Это «праздник со слезами на глазах». На чьих глазах? Со слезами горя на глазах женщин, не дождавшихся своих мужей и сыновей с войны. Со слезами радости на глазах дождавшихся. Этот праздник ныне всенародный, но он продолжает хранить в себе эту прежде всего женскую скорбь. Повторю: праздник всенародный, он главное символическое событие, которое объединяет всех россиян (и немало других братских народов). Но в его основе эмоция женщины; можно назвать ее Родина-мать. Россия переживает свою историю по-женски. Это социокультурный факт, в этой констатации никакой оценки — хорошо это или плохо — нет. Но, на мой взгляд, совсем нехорошо, что эту коллективную эмоцию, эту скорбь эксплуатируют в интересах правящих группировок. А их состав совсем иной — это еще совсем не старые, более чем благополучные и зажиточные мужчины, реально доминирующие, правящие страной и этими бедными женщинами в том числе.

Впрочем, взаимоотношения их маскулинности с женским началом заслуживают внимания. Военное ухарство последнего времени, все эти послекрымские лихие и рискованные военные игры, превращение Победы в «можем повторить», конечно, не женской природы. Но и не по-настоящему мужской. Это проявляет себя натура пацанов, выросших без отцов, в семьях матерей-одиночек, части обсуждаемого контингента пожилых одиноких женщин. Разумеется, матери их такими не воспитывали. Они их растили добрыми, честными и хорошими, пока те были детьми. Но они стали подростками, и их ресоциализацией, маскулинизацией занялась компания-стая, армия или зона. Мамы и бабушки

как бы уже ни при чем. Но, заметим, именно этот пожилой женский контингент активнее всех прочих групп, активнее самих пацанов — с их призывным возрастом — поддерживает идею сохранения призывной армии и тезис, что «только армия делает из юноши мужчину» и т.п. В российском массовом милитаризме, черте, казалось бы, сугубо мужской, мы, вглядевшись, находим это женское начало*.

Влияние пожилых (женщин) сказалось в еще одном аспекте. При всем мачизме нашего высшего руководства в провозглашенном им в качестве официальной идеологии консерватизме более всего сходства с жизненными установками все тех же пожилых одиноких женщин. Власть, повторим сказанное выше, расплачивается с ними пенсией, символическое значение которой много выше экономического, и собственно символическими активами, в числе каковых не только телевидение, но по инерции уже и идеология (точнее, то, что выдают за нее).

И еще одно уточнение. То, что нам и миру предлагают под претендующим на респектабельность названием «консерватизм», совсем не похоже на идеологию британских и других европейских консерваторов. По сути, это фундаментализм (а он как раз схож с фундаментализмами иными, например, мусульманским). Но в нашем варианте он имеет прототипом, повторим, дискурс псевдодоминантного пожилого женского большинства**.

Нынешняя семья всячески отгораживает ребенка от внешних социальных контактов, но она же его отдает в детский сад, потом в школу на расправу детскому коллективу. Подросток убегает из-под мягкого семейного крова в жесткий мир стаи-банды, но, пройдя сквозь него, он выберет себе жену, похожую на мать, и будет с нею создавать свой мягкий семейный мир.

Руководство провозгласило ориентацию на «традиционные ценности»***.

** Эти начала — мягкое материнское/домашнее и жесткое пацанское/уличное — комплементарны.*

*** Чтобы не возникло неправильного понимания, оговоримся, что мы отнюдь не причисляем само нынешнее руководство к сонму «пожилых». В ролевом отношении оно претендует на тот статус, который у нас называется «мужчина среднего возраста». Это тот возраст, при котором мужская карьера, а с ней и мужское доминирование достигают пика. С вершин этого пика можно покровительственно и по-доброму разговаривать и с «молодежью», и с «нашими уважаемыми ветеранами».*

**** В Министерстве культуры был подготовлен проект Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» https://strategy24.ru/rf/culture/projects/osnovy-gosudarstvennoy-politiki-po-sokhraneniyu-i-ukrepleniyu-traditsionnykh-rossiyskikh-dukhovnonravstvennykh-tsennostey. Проект вызвал волну критики и был отправлен на доработку. Но и ранее того был издан Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором имеется специальный раздел «Защита традиционных*

Установки на традиционные ценности сами по себе правомерны. В обществе всегда есть (и должны быть для его нормального развития) как новаторы, так и традиционалисты. Но и традиционализм надо отличать от фундаментализма. Фундаментализм (российский и американский, светский и религиозный, христианский и мусульманский, все равно), начиная с провозглашения ценностей, против которых никто не станет возражать (моральная чистота, честность, верность, защита близких и своих и т.д.), как правило, переходит от ценностей к нормам (это делай, это не делай), а далее к отделению «своих», кто этих норм придерживается, от «чужих», кто делает «не так». А дальше дело за тем, сколь сильно сообщество, которое контролируют фундаменталисты. Если оно малое, слабое, они уводят его в подполье и там вовсю разворачивают свою власть над ним. А если оно большое, они начинают экспансию, начинают действия по подчинению себе всех, кто «не такие». Повторю: здесь светские фундаменталисты действуют так же, как религиозные, и наоборот. Недаром чекистов так часто сравнивали с инквизиторами.

ВЫ В ЦЕЛОМ ОДОБРЯЕТЕ ИЛИ НЕ ОДОБРЯЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРА ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ?

	Всего	Предприниматель	Руководитель	Специалист	Служащий	Рабочий	Учащийся	Пенсионер	Домохозяйка	Не работаю
Одобряю	**67**	50	60	64	67	61	72	**77**	68	65
Не одобряю	**33**	47	40	35	33	38	28	22	32	35

В % от числа опрошенных

И если теперь посмотреть на то, как разные группы населения выражают одобрение деятельности Путина, то видно, что пенсионеры, о состоянии которых говорилось выше, одобряют на уровне, на котором

российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». В разделе сказано, что судьба традиционных ценностей под угрозой, и указан один из ее источников: «Традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций». (Другие источники угрозы — внутренние. Перечислены практически все институты культуры и образования.)

О природе обсуждаемого традиционализма красноречиво свидетельствует то, что он обсуждается в контексте вопросов государственной безопасности. В названном выше проекте Указа подразумевалось, что Совет безопасности будет иметь «традиционные ценности» предметом своей компетенции и своего контроля. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/11f9b19337c1414c493bfd768cedffe7ff2cae88/

его одобряли «все» в его звездные часы — в 2008 году после отсечения двух регионов от Грузии, а потом в 2014-м при аннексии Крыма. Тогда рейтинг Путина был на невообразимой высоте, и для этих пенсионеров он почти там и остался.

Я это рассказываю не только для того, чтобы описать ситуацию в стране, но и для восприятия информации, которая будет показана дальше. Оценивая результаты, которые рассчитаны по всему населению в целом, важно помнить, что внутри этого населения молодые — это меньшинство. А люди пожилого и старческого возраста — большинство.

Вернусь к тому, что все средние цифры, которые мы увидим, все показатели по населению в целом отражают в основном точку зрения этого статистического большинства. Большинства, составленного из самых бедных, из наименее грамотных и наименее информированных, из тех, кто в наибольшей степени зависит от государства. Их дискурс доминирует статистически, но он доминирует и идеологически. И когда Путин заявляет, что «мы консерваторы, мы за традиционные ценности», и пытается представить это как идеологию, и у него есть люди, которые это какой-то философией подкрепляют, на самом деле это, с одной стороны, несерьезно, потому что реально идеологии у правящей группировки нет, но с другой — это серьезно, потому что ее установка действительно совпадает с установками консервативной, пожилой и зависимой от государства крупной части населения. Вот если я эту мысль, 15 раз ее повторив, донес, то дальше будет легче отвечать на вопрос: «Неужели Россия такая?!»

О какой России повествуют эти цифры?

УРОВНИ ДОВЕРИЯ

Армия	**61**
Президент	**53**
ФСБ и другие спецслужбы	**45**
Церковь и религиозные организации	40
СМИ	36
Правительство	33
Власти вашего региона	31
Полиция	29
Местные власти	29
Прокуратура	28
Госдума	25
Совет Федерации	25
Политические партии	17

Вот как россияне видят мир вокруг себя. Перед вами замечательный список наших (я от имени России говорю) недругов. Понятно, что *on the top* Соединенные Штаты Америки. Это очень важное обстоятельство.

Лев Гудков сделал такое наблюдение: антиамериканские и пропутинские установки идут рука об руку — чем хуже отношение к Америке, тем лучше отношение к Путину, и чем лучше отношение к Америке, тем слабее восторг от Путина*. (Я думаю, понятно, как это ориентирует тем самым власть?)

А что такое Америка для россиян? Из ста миллионов взрослого российского населения живых американцев видел, может быть, один миллион. Какое-то количество их видели в кино в американских боевиках. А так это же совершенно нереальный виртуальный (в старом смысле слова) объект. И ненавидеть его — это примерно то же, что ненавидеть дьявола: он, безусловно, есть зло, но это не такое зло, которое может быть досягаемо. Оно может быть названо причиной всех наших бед, но отомстить ему за них мы не можем. Можем ненавидеть, но этот объект нашей ненависти находится где-то в запредельном далеке. Уж во всяком случае, своей ненавистью в его адрес мы ему повредить не можем. В этом смысле получается, что его и нет. А тогда это очень интересный вопрос: что такое эта ненависть к тому, чего нет? Это очень особенная установка массового сознания.

И я рискну сказать, что это перевернутые, обращенные на несуществующий объект негативные чувства по отношению к тем, кто реально есть, но кого ненавидеть нельзя, потому что это опасно или потому что это подрывает тогда твою собственную основательность в этой жизни. Людей, которые плохо говорят о Путине, довольно много, но на самом деле людей, которые решаются думать о нем плохо, их немного. Они понимают, что для них это опасно не с полицейской точки зрения, а опасно потерять место в этой реальности, в нынешней России. Потому что у них (у нас) имеет место мысленная идентификация страны и правителя. Первое лицо — это не обязательно царь, вождь. Неважно, кто он, но он — символическое замещение страны. А если ты всерьез против него, тогда ты как бы оказываешься в конфликте со своей собственной страной или со своей собственной жизнью. Понимаете, какая это невротогенная ситуация?

Естественно, что массовое сознание всячески стремится ее избежать. Поэтому ненавидеть некоторый удаленный и несуществующий объект — это гораздо более здоровое отношение, оно не порождает внутри общества этого надрыва.

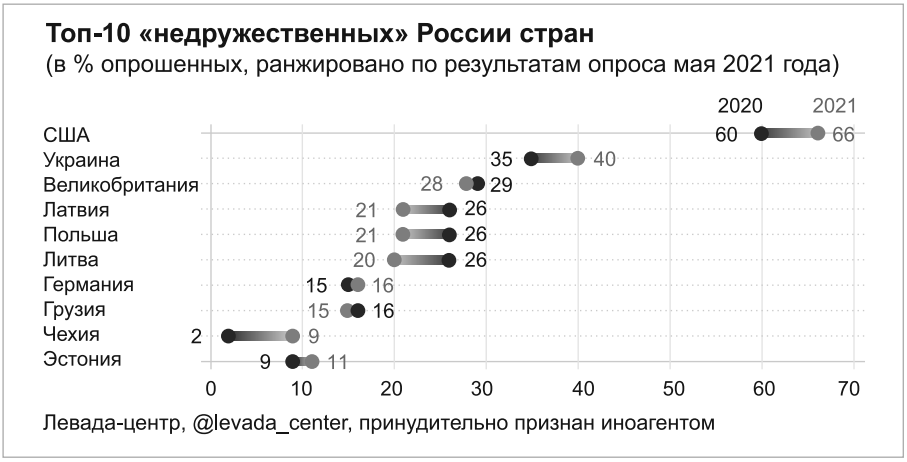
Конечно, оно порождает, в частности, невозможность жить там, где вы жили (я имею в виду тех, кто был вынужден уехать из России).

Вернемся к картине, изображающей иерархию недругов России. Вот Америка, а вот такие «тени от Америки», которым как бы даже не уделяют много внимания, на которые не тратят много негативных эмоций.

** Хотя мы говорим слова «чем… тем…», это не отношения причинности. Это отношения сбалансированной антонимии и одновременно эквивалентности (при разных знаках: плюс и минус).*

«Ну что такое Украина? Это же марионетка США. О чем говорить! Ну где-то они там что-то такое против нас замышляют, но это же несерьезно*. Ну Грузия... Ну что Грузия! Вот мы с Грузией воевали — разве мы с Грузией воевали? Да нет, грузины — хорошие ребята, это мы с Америкой воевали, которая их вооружала и учила. И у кого мы Крым забрали, у Украины, что ли? Да нет же. Это мы НАТО не дали сделать там свою базу! Мир серьезно устроен. Мы к этим вот странам ничего особенного не имеем, у нас есть серьезный противник — вот мы с ним и общаемся, он нас уважает, мы его уважаем».

Теперь посмотрим на то, кому и в какой мере доверяют россияне.



Когда-то, года три назад и в более раннее время, эту пирамиду венчал президент. И вот в 2018 году он уступил это первое место армии.

Причин для этого мы видим две. Одна — снижение авторитета президента, другая — рост авторитета армии.

В 2018 году президент имел несчастье подписать закон об увеличении пенсионного возраста. Я не путиновед, но у меня сложилось впечатление, что ему очень не хотелось этого делать. Он чуял, что это будет плохо принято публикой. Он пытался объяснить народу, что он лично не за этот закон, но по каким-то причинам вынужден его подписать. Сразу после подписания, когда взметнулась волна разного рода протестов и выражений негодования — прежде всего со стороны людей предпенсионного (по-старому) возраста, — президент стал предпринимать разные шаги и шажки к отступлению, что для него в высшей степени не характерно. Как говорят некоторые специалисты, суммарный эффект различных послаблений, исключений и т.п., принятых по настоянию

** Мое выступление состоялось до беспрецедентно острого противостояния России и Украины, России и НАТО в январе-феврале 2022 года. Данные январского опроса «Левада-центра» показали подъем страха мировой войны (т.е. войны с США, когда США перестают быть воображаемым врагом, становятся настоящим), но серьезного всплеска антиукраинских настроений мы не отметили.*

президента, фактически свел на нет тот экономический (сиюминутный) выигрыш, который давала эта мера. Президент отступил, а публика — нет. Вернее, сразу не отступила. Рейтинг упал так резко, как не падал никогда. Новым было то, что на рейтинг — едва ли не впервые за все президентство Путина — повлияли его действия на внутриполитическом поле. До того все его достижения были на поле внешнеполитическом, события внутри страны не влияли на этот рейтинг почти никак или влияли медленно, не резко.

Второй фактор — рост авторитета армии, обогнавший авторитет президента, в общем, тоже связан с политикой президента. На протяжении всего своего пребывания на вершине власти Путин стремился сделать Россию сильной. В его понимании, это значит такой, которая могла бы подчинять себе волю других государств. Он пробовал добиться этого сугубо мирными средствами, сделав Россию мировым или хотя бы общеевропейским монополистом в поставках нефти и газа. По разным причинам это не получилось. Тогда был взят курс на наращивание военного потенциала страны. В этом движении решались задачи не только внешнеполитические (геополитические, как их понимал он и его окружение). Правителю, принято считать в России, следует иметь сильное и верное ему войско. На всякий случай. Все правители России, убеждавшие себя, свое окружение и публику, что «народ меня любит», на случай, если с этой любовью что-то пойдет не так, старались иметь вооруженную силу, которая любить не перестанет и от народа защитит. Можно назвать и еще два-три довода в пользу милитаризации. Развитие военно-промышленного комплекса создавало рабочие места, слегка выправляло сильнейший перекос всего народного хозяйства в сторону добывающей промышленности.

Да и экспорт России становился не исключительно сырьевым. Милитаризация сознания в отечественной традиции хорошо сопрягается с воспитанием верности правителю и с патриотизмом, как его понимает власть. Итак, курс был выбран, беспрецедентно большие средства были направлены на военные цели. Министр финансов Кудрин, попытавшийся возражать и предложить другой путь к процветанию России, а для этого направить деньги на здравоохранение и образование, лишился своего поста и с тех пор в опале*. Кроме средств финансовых были отмобилизованы и средства пропагандистские.

** Формально эти меры проводил в жизнь Дмитрий Медведев, занимавший тогда пост президента. Путин в должности премьер-министра был как бы «не при делах». Он воспользовался этой ситуацией, чтобы провести войну с Грузией, увеличить срок президентства с 4 до 6 лет и т.д. Медведев послушно реализовывал все эти меры «не для себя», а для себя играл в либеральные слова вроде «свобода лучше, чем несвобода». Поэтому его правление и вспоминают двойственно — с легкой иронией и легкой грустью: «Эх, а все-таки если б он остался на второй срок...»*

Нет такого дня, чтобы на экранах телевизоров в миллионах домов не присутствовало бы что-то военное и всегда со знаком — если «наше», то плюс, если не наше — минус.

Как говорят специалисты, реформы, проведенные наконец в армии, хоть и не доведенные до конца, сделали российские вооруженные силы современными, повысили их боеспособность. Добавим, что армия и другие военизированные структуры стали привлекательным местом для социального продвижения. Но сильнее всего выросло символическое значение армии. Это хорошо видно из того обстоятельства, о котором уже говорилось, — те наши респонденты, кому, может быть, придется идти на действительную службу, а то и идти воевать, тоже стали относиться к армии лучше. Но гораздо сильнее улучшилось отношение их бабушек и дедушек. Тех, о которых мы говорили в самом начале.

Армия — такой же символический объект, как Америка, который они тоже видят по телевизору. Но только это наша армия. Ею можно гордиться, и ей можно доверять точно так же, как ненавидеть Америку или одобрять деятельность президента, — это отношение не к объектам как таковым, а к тому главному, что они положительным или отрицательным образом символизируют. Это наше коллективное мы — мы как государство Россия. Это все иносказания лояльности.

Примерно такова же природа высокого доверия и к спецслужбам, к ФСБ. Хотя вероятность их увидеть еще меньше, чем американцев. Те, кого люди видят, кто действительно должен надзирать за порядком, — это полиция. Но полиция имеет вдвое меньший авторитет, чем люди из этой невидимой, буквально тайной полиции. Однако они как стражи, защищающие нас от врагов, внешних и внутренних, тоже часть того целого, которым россияне дорожат как самой главной ценностью.

Конечно, для авторитета ФСБ важно, что президент — выходец из КГБ и не раз говорил, что этим гордится. А как на это смотрит публика? На наш вопрос: «Чьи интересы выражает Путин?» — с первого дня его пребывания на посту и до самого последнего нашего опроса главный ответ: «Он выражает интересы силовиков и спецслужб, олигархов и крупных чиновников». А такие варианты, что он выражает интересы «всего народа», «таких людей, как я», «простых людей», выбирает меньшинство. То есть в этом смысле россияне принимают эту власть такой, какая она есть. У них нет розовых очков, и когда они говорят, что ФСБ и армия обладают наибольшим доверием, то они в общем понимают, о чем говорят.

Церковь. Что касается церкви, то она как бы украшает этот триумвират чем-то духовным, окормляет, как говорится.

А СМИ — по старой памяти они здесь высоко. «По старой памяти» — дело в том, что в перестроечные времена именно СМИ возглавляли эту пирамиду. Это то, чему люди верили: тем тогдашним газетам, тогдашнему НТВ и так далее. Вот, опять же, поскольку люди старые, то у

них еще остался такой вот респект к массмедиа. Но надо сказать, что эти старые люди дружно поддерживают идею цензуры в массмедиа. Только они думают, что «цензура — это когда голых баб и всякое непотребство не разрешается показывать по телевизору, и для этого, конечно, нужна цензура».

Я обращаю внимание на то, что если не считать президента, то все остальные выборные органы находятся в нижней части списка, пользуются малым доверием и имеют немалое недоверие. А наверху институты, которые никто не выбирает, которыми командуют лица, коих тоже не выбирают, а назначают.

Теперь о таком событии, как выборы. В сентябре 2021 года в России состоялись выборы в Государственную думу. Наверняка все слыхали о фальсификациях, о вбросах и прочее, что делает эти выборы чем-то совершенно не имеющими отношения к демократии. И в общем, у россиян мало иллюзий насчет того, как они проходят.

Мы давно, еще в 2013 году, задали вопрос: «Выборы, которые предстоят, они будут чистыми или грязными?» (там давалось разъяснение, что «грязные» значит с махинациями). И 57% респондентов тогда сказали, что ожидаемые выборы будут грязными.

В 2021 году перед выборами, которые состоялись в сентябре, мы снова задали вопрос: «Они будут чистыми или грязными?» — и на этот раз почти такое же большинство (55%) сказало, что выборы будут грязными. А потом после выборов спрашивали: «Ну так как, они были чистыми или грязными?» Доля говорящих, что они были грязными, несколько понижается, но она все равно остается не менее 1/3. Не менее трети сказали, что то, в чем они участвовали, — это было грязное дело.

Но далее мы спрашивали: «Вас устраивают результаты этих выборов?» — и большинство отвечало «да». Понятно, что для тех, кто слушает или читает эти слова, это не так. Но для организаторов выборов и для публики, для которой это не акт выбора, а акт подтверждения сложившегося порядка вещей, в том числе порядка правления, важен формально свершившийся факт.

И это не только в России. Любой диктатор знает, что если удастся как-нибудь провести выборы и объявить, что народ его выбрал, на народ это подействует, даже если все знают, что результат фальшивка. Пример с выборами в Беларуси, казалось, до поры это опровергал. Но в конечном счете оказалось, что если к фальсификации добавить еще и насилие, то можно добиться интересующего диктатора результата.

На упомянутых выборах в Госдуму в сентябре 2021 года власти хотели добиться такого же результата, превратить выборы в дружное голосование за них или в картинку такого голосования. Но неожиданно проявились в достаточно массовом масштабе люди и организации, которые решили: нет, это будут настоящие выборы. В силу разных причин, о которых нет возможности сейчас говорить, такие люди в основном связали себя с КПРФ.

Давайте посмотрим, как в итоге прошли эти выборы.

А. ЗА КАКУЮ ПАРТИЮ **ВЫ ПРОГОЛОСОВАЛИ** НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИИ (в % от голосовавших)?

Б. ЕСЛИ БЫ ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ СОСТОЯЛИСЬ В БЛИЖАЙШЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ, ЗА КАКУЮ ИЗ ЭТИХ ПАРТИЙ **ВЫ БЫ ГОЛОСОВАЛИ** (в % от тех, кто проголосовал бы)?

		А %	**Б %**
1.	Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)	**20**	**18**
2.	Российская экологическая партия «Зеленые»	**1**	**1**
3.	Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	**10**	**11**
4.	Политическая партия «Новые люди»	**5**	**7**
5.	Всероссийская политическая партия «Единая Россия» (ЕР)	**39**	**37**
6.	Политическая партия «Справедливая Россия — Патриоты — За правду»	**9**	**7**
7.	Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»	**2**	**2**
8.	Всероссийская политическая партия «Партия роста»	**0**	**0**
9.	Российская партия свободы и справедливости	**1**	**1**
10.	Коммунистическая партия «Коммунисты России»	**1**	**0**
11.	Политическая партия «Гражданская платформа»	**0**	**0**
12.	Экологическая партия «Зеленая альтернатива»	**0**	**0**
13.	Всероссийская политическая партия «Родина»	**1**	**0**
14.	«Российская партия пенсионеров за социальную справедливость»	**2**	**1**

Вот люди сообщают (левая колонка), как они проголосовали (не будем сейчас сравнивать эти данные с тем, что объявил ВЦИК). Они говорят: «Мы проголосовали вот так: “Единая Россия” получила больше всех; Компартия на 2-м месте; ЛДПР на 3-м. Для проверки в этом же опросе (он был проведен вскоре после выборов) мы спросили: «А как вы бы проголосовали, если бы выборы были проведены в ближайшее воскресенье?» И вы видите, они говорят, что они проголосовали бы так же. То есть они не хотят подвергать ревизии ту картинку, которую они сформировали, как они говорят, своими собственными голосами. В январе 2022 года мы снова спросили людей, как они голосовали тогда в сентябре. Ответы показали точно такую же картину.

Среди одобряющих курс, которым идет страна, голосовавших за ЕР в два раза больше, чем среди тех, кто не одобряет. Среди одобряющих/не одобряющих деятельность Путина различие почти четырехкратное. Ясно, что это лоялисты. Вспомним пирамиду возрастов, о которой шла речь в самом начале, и по достоинству оценим тот факт, что между самыми молодыми и самыми пожилыми различие в поддержке ЕР троекратное.

Наблюдается существенный перевес голосовавших за ЕР женщин над мужчинами, жителей села над горожанами, бедных над не бедными, низкообразованных над высокообразованными.

Понятно, что голосовавшие за ЕР — это те, кто хочет, чтобы ничего не менялось, полагая, что перемены могут быть только к худшему. И понятно, что сами эти люди не способны ни к какому солидарному социальному действию, в том числе и в защиту существующего строя. Они не так воспитанны, они не так живут, у них не то здоровье и не то мировоззрение. Они могут только проголосовать «как надо». Это говорит о незыблемости той структуры представлений, которая является в известном смысле властью. Это не та власть, которая осуществляется в результате принуждения, это та власть, которая осуществляется в результате внутренних установок. Это то, чего и добивается любая властвующая сила от своих подчиненных.

Кто эти люди, голосовавшие за КПРФ, присоединившиеся к КПРФ? Они в равной или близкой мере представлены в разных возрастных и прочих социально-демографических группах. Раньше так не было, КПРФ поддерживали как раз те слои, которые теперь составляют описанную часть электората ЕР. Это означает, что нынче под знамена КПРФ собрались люди не определенных статусов, а определенных взглядов.

В отличие от голосовавших за ЕР, это люди, которые хотели бы перемен.

Считающих, что Россия идет неверным путем, среди них в два раза больше, чем согласных с курсом; не одобряющих деятельность президента — втрое больше, чем одобряющих. Они не хотят идти в то никуда, в которое согласны сторонники ЕР. Но чего они хотят?

Посмотрим, чего вообще хотят россияне.

ПРЕДПОЧИТАЮТ

Политическую систему	**%**
Советскую, какая была до 1990-х	49
Такую, как сейчас	18
Демократическую, как в странах Запада	16
Иное	6
Затрудняются ответить	11
Экономическую систему	
Основанную на госпланировании и распределении	62
Основанную на рыночных принципах	24
Затрудняются ответить	14

В % от числа опрошенных

В ответах на вопрос «Какую политическую систему вы бы хотели?» динамика очень заметная со времен перестройки. Когда-то была очень высокая доля тех, кто хотел бы сохранить советскую — вот примерно

так, как сейчас. «Такую, как сейчас» не хотели совершенно, ельцинское правление прошло при минимальной поддержке. А хотели вот такую, как в странах Запада, демократическую, ведь Россия собиралась войти в европейскую семью народов. Не знаю, кто из вас вспомнит это. Я-то помню, и есть здесь люди, которые это помнят. Это была такая установка и правительства, и части народа: «Мы европейская страна, мы должны войти в европейскую семью народов. 70 лет коммунистического эксперимента — это ужас, это патология, это страшный сон, который надо забыть. А вот сейчас начинается (или возобновляется) история России». Считалось, что Россия до 1917 года была в европейской семье народов. Это, надо прямо сказать, большое преувеличение, но считалось, что это так. И вот постепенно эта доля испарялась, испарялась, испарялась... Эта прозападная ориентация еще какое-то время назад составляла 27%, потом 20%, а сейчас съежилась до 16%. Но это вот люди, которые «хотели бы жить как на Западе». Может быть, они хотели бы жить в той же потребительской среде и в том же комфорте, как на Западе, считая это демократией. Но часть из них хотели бы иметь демократию в том смысле, в каком ее понимают и присутствующие в этом зале.

Конечно, есть люди, которые хотят сами что-то делать, предпринимать, имеют рыночные или прорыночные взгляды и установки. И если даже они по нынешней моде критически относятся к Западу, им, несомненно, нужны те институты и формы правления, которые сложились и выработаны именно на Западе. Но те, кто хотел бы просто «жить и работать, зарабатывать и обеспечивать семью», сейчас думают, что такое лучше всего получалось в СССР. Их политические взгляды очень малоразвитые. Они не любят размышлять на эти темы. В целом их идеал — не собственно советский, а, скажем так, раннеперестроечный.

Они об этом не думают, но мечтают о чем-то между ГДР, как ее видели из СССР, и начинающейся Пражской весной. То есть это стабильный политический режим, который сохраняет под государственным контролем крупную промышленность и основные земельные угодья, но разрешает мелкое частное предпринимательство и владение небольшими участками земли. Они не считают себя борцами за права человека и политические свободы, но они за то, чтобы суды были справедливыми, законы были писаны для всех, полиция была бы эффективной и не коррумпированной. Еще они очень хотели бы, чтобы вернулось бесплатное здравоохранение и образование. Это их важный социальный идеал.

И последняя часть моего рассказа касается вопроса о будущем. Она основана на материале не массовых опросов, а фокус-групп. Моя работа в «Левада-центре» — проведение групповых дискуссий, фокус-групп.

Довольно давно мы начали задавать участникам таких групп вопрос: «Как вы себе представляете будущее страны?» С теми или иными уточнениями: через 15 лет, 20 лет, 50 лет. Выяснилось, что никакой картины будущего нет. Лев Гудков сказал жесткие слова: аборт будущего. А я

взял термин из английской грамматики *future indefinite* («неопределенное будущее»).

Так вот, в сознании россиян то, что, опять же, по-английски называется *future tenses* (будущее время, грамматическое будущее время), отсутствует. Причем оно как бы отсутствует безболезненно, они не чувствуют того, что его нет. Я говорю о публичном дискурсе. В приватном, в бытовой жизни у людей есть представление о будущем, и оно такое, которое не заслуживает специального комментария: «Вот вырастет, пойдет в школу. Окончит школу, пойдет работать или пойдет в институт. Взяли ипотеку, через 20 лет заплатим». В этом смысле ничего необычного не замечается.

Но если спрашивать: «Какой будет Россия через 20 лет?», то люди с образованием выше среднего говорят: «Как можно задавать такой вопрос?! Откуда мы можем знать?» — и начинают возмущаться. А если их спросить: «Какой была Россия 20 лет назад?» — будут пространно отвечать. А какой она будет — нет ответа. Почему? Мы долго думали над этим, и получается, что это след двух гигантских фрустраций.

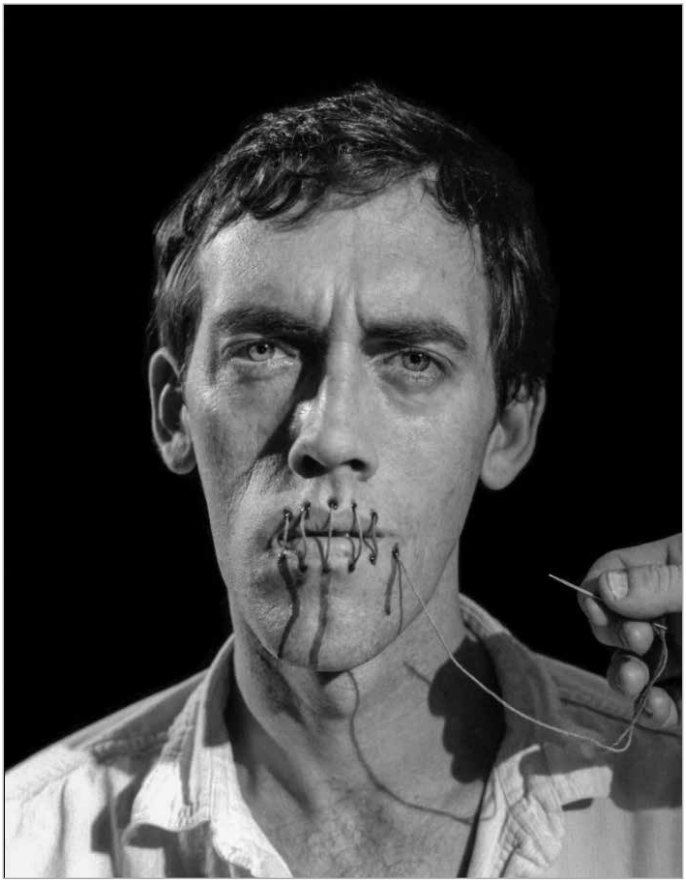
Первая — это крах коммунистической утопии. Коммунизм — это было что-то находящееся впереди во времени. В него можно было не верить. Не обязательно было быть преданным коммунистической идее, но остается вера, что там что-то есть, что большевики что-то такое заготовили — может быть, очень плохое, может я антикоммунист, но оно там есть. И вторая — распад Советского Союза. С коллапсом КПСС выяснилось, что, мать честная, не только коммунизма нет и не будет, но и как бы и будущего-то нет, там ничего не будет вообще.

Но тут подоспели демократы, которые сказали: «Ребята, вот оно, будущее! Мы сейчас в Европу войдем! Будем жить как люди, как все!» — «А, хорошо!» И эта идея была очень сильно поддержана, у Горбачева был рейтинг такой, как у Путина на какое-то время. Затем Горбачева сменил Ельцин, а Ельцина Путин, и как-то тихо-тихо-тихо, но стало понятно, что мы ни в какую Европу не идем. Наш паровоз стоит. И никакой «этой демократической России», оказывается, не будет. А что будет? А будет то, что есть.

Вот он, «аборт будущего». И никаких утопий: ни технологических, ни религиозных, ни поэтических — никаких. Или если они есть, то моим респондентам они неизвестны.

Правда, если спросить о худшем будущем, тут сознание работает гораздо живее. Рисуют в разных вариантах войну. Сначала не решались говорить о мировой термоядерной войне, потому что когда-то достаточно внятно было сказано, что в этой войне не будет победителей, ну а раз не будет, то о ней говорить не интересно.

Или что мы все погибнем. Но если все погибнем, конец света — тоже тогда нечего об этом говорить. Но теперь появились те, кто считает, что в ядерной войне мы победим.



Андреас Штерзинг (Andreas Sterzing). Молчание = Смерть. 1989

Останемся одни на земном шаре. Но пока это маргинальные мнения.

И еще один вариант: будет гражданская война.

Кого с кем? Ну уж найдется!..

А худшее, что может произойти, — это распад России.

На самом деле распад России для россиян — это и есть «конец света». Сказать, что будет после этого, они не могут. Как что? Распад! Ну вам же сказали: распад России. И всё! А что при этом остаются другие страны, этого в сознании нет. После этого «гаснет свет и театр закрывается».

Мне пришлось в последний год довольно много заниматься темой климатических изменений, реакцией российского населения и специализированных групп на вызовы «зеленой революции», «зеленой экономики». Я не имел доступа к экспертам высшей лиги. Но люди уровня зав. кафедры региональных университетов или советников при министерстве — что люди такого уровня думают о «зеленой революции»? Они сами думают или они говорят, что наши нефтяные короли так думают: «Ладно, все эти разговоры, зеленые революции, энергопереход — это все, конечно, хорошо, но мир без российской нефти еще 50 лет не сможет обходиться. Потому что у всех автомобили. Электромобили — это

баловство. А вон там Китай, представляете, сколько Китаю нужно нефти!» (То, что Китай идет в первых рядах по замещению углеводородного топлива, этого в России не знают или не хотят знать.)

Есть и другая интересная версия у этих российских, более чем консервативных «хозяев мира», какими они себя чувствуют, — тех, кто управляет миром или хотя бы Европой через нефтяную и газовую трубу. Эти люди услышали от химиков, что можно в виде горючего использовать водород и это более перспективно, более достижимо, чем переход всего транспорта на электричество. А водород можно добывать прямо хоть из чего; есть семь или восемь видов водорода: голубой, серый, зеленый. И его можно пускать по тем же трубам, которые уже проложены, в смеси с природным газом, и газ пойдет туда, куда и сейчас идет, а водород уже будет новым видом топлива. И Россия все равно останется мировым поставщиком топлива! То есть Россия слезет с одной иглы и сядет на другую.

Чем бы ни кончилось дело, ясно, что роль России в мировом разделении функций как-то изменится. Это повлияет на экономику России самым решительным образом, что в свою очередь вызовет некие социальные перемены.

Процессы «переселения народов», миграции масс населения из нынешних бедных стран в более богатые имеют все перспективы на расширение, которое может в самом скором времени принять драматические формы. Состав и социальная композиция населения всех стран Европы, включая и Россию, изменятся. Изменения климата затронут территорию России, в том числе и регионы, где добывают полезные ископаемые, и регионы, где в основном производится сельхозпродукция. Эти воздействия опять-таки неким образом скажутся на социальном состоянии россиян. Все названные процессы имеют глобальный, объективный, природный характер, и все ведут к изменениям социального характера. Жизнь в России изменится, и очень сильно. И чтобы быть хоть в какой-то мере готовыми к этим изменениям, о них надо говорить, спорить, думать.

Этим разговором о будущем я и хотел бы закончить. Как видим, в этом вопросе определенности очень мало. У нас нет идей, какой будет и какой должна быть страна. Надо, чтобы как можно больше людей задались этим вопросом и предложили свои ответы. Какой-то из них будет верным.

Русская беда

Умрешь — начнешь опять сначала.
И повторится все, как встарь…
Александр Блок

Александр Абалов, Владислав Иноземцев. Бесконечная империя: Россия в поисках себя. М.: Альпина Паблишер, 2021. 426 с.

Главную идею этой книги можно выразить в нескольких коротких тезисах. Во-первых, Россия в силу своего положения на карте мира складывалась как имперское политическое пространство, расширяясь за счет соседствующих с ней этнических общностей. Во-вторых, модель империи со всеми ее атрибутами для русских была безальтернативной, поскольку их государство не хотело и не могло развиваться как-то иначе. В-третьих, отсутствие других вариантов развития обусловило для России удивительные формы административной регенерации, выражавшейся в восстановлении имперской конструкции после каждого ее краха. В-четвертых, именно приверженность имперской модели послужила основой глубочайшей преемственности между Московским царством, Российской империей, Союзом Советских Социалистических Республик и Российской Федерацией. Наконец, в-пятых, поскольку Россия остается империей и в наши дни и просто не может существовать по-другому, ей следует ждать крупных неприятностей в будущем, если, разумеется, она не одумается и не переосмыслит свое поведение, адаптировав его к требованиям XXI столетия.

Толково и обстоятельно разворачивая свою аргументацию перед читателем, авторы демонстрируют прекрасное знание исторического материала и современных политических реалий, как российских, так и прочих. Под одной обложкой собрана богатейшая историко-политическая фактура, которая подкрепляется первоклассным научным аппаратом: в книге более тысячи сносок, занимающих шестьдесят страниц. В красиво выстроенном повествовании предлагается масштабный эволюционный очерк, включающий анализ зарождения (глава первая: «“Окраинный” центр»), взросления (глава вторая: «Имперская экспансия»), зрелости (глава третья: «Высокая империя») и кризиса (глава четвертая: «Куда мы пришли?») бесконечной русской империи. Кроме того, работу можно считать удачным примером синтетического генерирования гуманитарного знания: экспертиза историка и педагога, в роли которого выступает Александр Абалов, преподаватель одного из московских лицеев, весьма гармонично комбинируется с наблюдениями экономиста, политолога и просветителя Владислава Иноземцева. Завершившему чтение читателю придется признать, что возражать авторам непросто.

Особенно ярко, на мой взгляд, в книге обрисована нынешняя диспозиция, в которой оказалось Российское государство. Четвертая глава стала своеобразной мини-энциклопедией неисчислимых политических язв и социальных зол, обозначившихся в отечественной жизни за последние двадцать лет. Прогнозы, которые делают авторы, порой повергают в трепет — «федерация, в которой сохранены как историческая метрополия, так и все виды ее колоний, внутренне непрочна, дальнейшая дезинтеграция части бывшего имперского организма остается вполне реальной» (с. 286), — но, к несчастью, их приходится признать небезосновательными. Убеждая читателя в том, что имперские притязания нынешнего кремлевского режима — это, используя лексикон Козьмы Пруткова, «амбиции без амуниции», авторы пишут: «Россия, которая на протяжении всей своей истории стремилась преодолеть периферийный статус (по отношению к Византии, Монгольской империи или Европе), сегодня быстро возвращается именно к нему, причем почти по всем географическим направлениям… К концу второго десятилетия XXI века Россия *de facto* вернулась к статусу как минимум двух периферий* Эта мысль, которая кому-то может показаться кощунственно дерзкой, подкрепляется упоминанием о том, что в 2019 году экономика нашей страны, по рыночным оценкам, составляла всего 10,2% от экономики Европейского союза и менее 12% от экономики Китайской Народной Республики (с. 298). — европейской и китайской*… Можно сказать, что современная Россия, несмотря на ее имперскую структуру и потуги, все более выглядит пигмеем на фоне соседних национальных государств или их союзов» (с. 296–300). Все сказанное столь же точно, сколь и грустно: хочется цитировать, цитировать и цитировать, но надо остановиться, иначе что это будет за рецензия?

Порассуждаю лучше немного о другом, взяв за основу личный опыт знакомства с этим насыщенным текстом. Закрыв последнюю страницу, я поймал себя на удивительном ощущении: соглашаясь с авторами буквально во всем, мне трудно тем не менее избавиться от мощного «но», имеющего отнюдь не «идеологическую», но элементарно «логическую» природу. Если руководствоваться выстраиваемой в повествовании конструкцией, то естественным порядком обнаруживается следующее: имперский путь России порочен, неэффективен и несовременен, ей следовало бы, пока не поздно, встать на другие рельсы и начать жить как прочие «нормальные» страны — но она не делает этого, причем не потому, что не хочет (хотя среди ее так называемых элит и такое умонастроение присутствует), а потому, что не может: из-за хронического

** Эта мысль, которая кому-то может показаться кощунственно дерзкой, подкрепляется упоминанием о том, что в 2019 году экономика нашей страны, по рыночным оценкам, составляла всего 10,2% от экономики Европейского союза и менее 12% от экономики Китайской Народной Республики (с. 298).*

отставания, непреодоленной периферийности, неудачной географии, больной памяти, вечного комплекса обиженного и много чего еще. Иначе говоря, гипотетически страна вроде бы способна воодушевиться идеей тотального преображения, разбивающего оковы имперского бытия и перелицовывающего, говоря словами Виссариона Белинского, всю «гнусную российскую действительность» сверху донизу, но это, увы, едва ли поможет, ибо любой больший или меньший успех подобного начинания вновь, как не раз было, завершится откатом — и возвращением в исходный пункт. Это похоже на что-то вроде кантианской антиномии: утверждения о том, что «Россия обязательно должна быть империей» и «Россия ни в коем случае не должна быть империей», оказываются в равной степени истинными — или в равной степени ложными, кому как нравится. Иначе говоря, система базовых аргументов, выдвигаемых авторами, в данном случае никуда не выводит: это не стрела, устремленная от совокупности обобщаемых посылок к синтезирующему выводу, а типичный круг, без конца воспроизводящий себя.

Получается, что диагноз поставили, причем довольно убедительно и точно — но никакого лечения не прописали. Как можно существовать иначе, если иначе существовать нельзя? Впрочем, авторы сами понимают, что их провидческие возможности на этом и заканчиваются. На последних страницах они признают, что после всех рассуждений и выкладок без ответа остается главный вопрос, ради которого, собственно, и затевалось их интеллектуальное предприятие: «Что может случиться с этой империей дальше, на что может оказаться похожим ее исторический путь, если становится все более очевидно, что переродиться в подлинно современное национальное государство постимперского типа Россия не имеет ни желания, ни, вероятно, даже возможности?» (с. 351). Разумеется, читатель как минимум слегка разочарован, и это неудивительно: его словно бросили на полпути. Впрочем, в утешение ему можно напомнить, что способность давать прогнозы вообще-то не относится к сильным сторонам гуманитарных наук. Эти науки особенно хороши в посмертном вскрытии реальности — обобщенно мы называем это «историей». С будущим же дело обстоит гораздо хуже, поскольку ему присущ фундаментальный дефект: его еще нет. И поэтому, приписывая будущему те или иные характеристики, не стоит забывать об элементарной осмотрительности: воспринимать картины «еще не ставшего» за чистую монету никак нельзя, а раз так, то и увлекаться творением подобных изображений довольно бессмысленно. Будущее на то и будущее, что в нем может случиться все что угодно.

И уж совсем в разнос гуманитарное знание идет в тех случаях, когда оно всерьез пытается соединить препарированное и истолкованное прошлое с образами чаемого будущего — то есть перекинуть мостик от одного к другому, показать, как выстроить лучший мир завтрашнего дня из тех стройматериалов, которые оставил день вчерашний. Подобное

© Cartography Associates. David Rumsey Collection

Уильям Харви. Карта России (Россия — медведь, который тесно связан с попом). 1868

волхование, пусть даже самое изощренное, почти всегда завершается провалом. И если специалисты-гуманитарии, подобно авторам этой книги, не вступают на эту скользкую тропинку, то за это их надо не критиковать, а, напротив, хвалить, что я, собственно, с удовольствием и делаю. Читатели же, по всей видимости, от знакомства с будущим — по крайней мере, близким — все равно никуда не денутся.

Андрей Захаров

Контрапункт

Дмитрий Травин, научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге

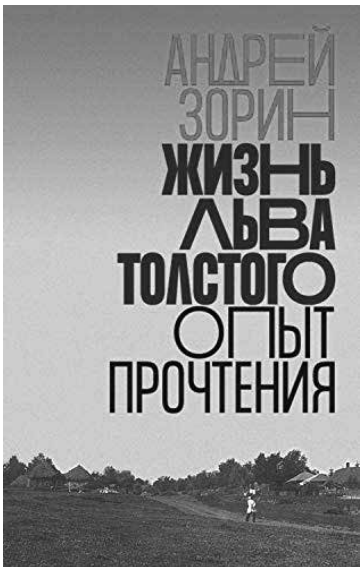
Поиски духовные, интеллектуальные и сексуальные

За что мы любим Льва Толстого?

За что мы любим Льва Толстого? Дурацкий вопрос, не так ли? За «Войну и мир», за Наташу и Андрея, за Анну… и даже за паровоз, который ее переехал, поскольку без толстовского трагизма не было бы толстовской возвышенной любви. Это все верно. Но также верно и то, что миллионам людей Лев Николаевич безразличен и знают они его лишь благодаря школьной программе. Если говорить о Толстом как явлении социальном, как о глыбе, матером человечище, зеркале русской революции или, коли по-современному, как о скрепе народной, то возникает вопрос: что его сделало таким? Были ли времена, когда народные массы над вымыслом о Наташе и Андрее слезами обливались? Или же механизм попадания в классики выглядит иначе?

Признаюсь, давно меня этот вопрос интересовал, и вот наконец, изучив книгу **Андрея Зорина «Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения»** (М.: НЛО, 2020. 246 с.), я, кажется, нащупал ту почву, где следует искать правильный ответ. Книга вообще-то замечательная в целом ряде смыслов. В ней, например, уделяется много внимания не только духовным, но и сексуальным поискам матерого человечища, и это отнюдь не «клубничка», а строго научный подход, поскольку серьезная работа с текстами Толстого демонстрирует, насколько важен для него был половой вопрос. В ней хорошо показано, насколько трагичными были как духовные, так и сексуальные поиски Льва Николаевича, поскольку ни те ни другие не дали ему удовлетворения. В ней драма отношений писателя с женой развивается как увлекательный триллер.

В общем, каждый читатель найдет здесь свое, причем важно, что большой объем увлекательного материала вписан в сравнительно малый объем книги: прочесть ее можно за один уикенд. Но меня поразило в первую очередь вот что.



Толстой времен «Войны и мира» и «Анны Карениной» был, конечно, известным писателем, но феноменальный взлет его популярности пришелся на то время, когда он перестал всерьез относиться к литературе и стал духовным вождем широких масс. «Он хотел создать новую религию, которая основывалась бы на духе Евангелия» (с. 133). На рубеже 1870–1880-х гг. Толстой начал писать религиозную публицистику, самыми известными произведениями которой стали «Исповедь» и «В чем моя вера?». «Едва ли какому-нибудь религиозному пророку когда-либо удавалось собрать такую паству менее чем за десять лет после того, как он начал проповедовать», — отмечает Зорин (с. 164–165).

Конечно, в последние тридцать лет своей жизни, когда проповедь стала важнейшим для него делом, Лев Николаевич не перестал писать романы и повести. «Воскресение» появилось именно тогда. Много ли найдется сегодня людей, которые скажут, что оно на порядок лучше «Войны и мира» и «Анны Карениной»? Но «третий роман Толстого за год приобрел больше читателей, чем предыдущие два за тридцать лет» (с. 182), поскольку в нем Толстой больше проповедовал, чем формировал художественные образы. Читатели рубежа веков хотели не столько обливаться слезами над вымыслом, сколько приобретать твердую уверенность в том, как правильно следует жить. И именно это старался им дать поздний Толстой. Именно мировоззрение, а не художественную литературу.

Такая же история была и с «Крейцеровой сонатой», где говорится о том, как жить не надо. Публикация этой повести отдельным изданием была запрещена цензурой, но разрешена в собрании сочинений. И в результате «тринадцатый том собрания, включавший “Крейцерову сонату”, выдержал три издания, причем второе из них вышло тиражом в двадцать тысяч экземпляров» (с. 160). «Соната», конечно, вещь мощная. Но настолько ли она сильнее в художественном смысле всего остального, что было написано Толстым? Скорее, она воспринималась читателем как прямой учебник жизни, а не как повесть, в которой мы читаем жизнь через образы.

Лев Николаевич создавал то, чего требовала эпоха духовных поисков. Нынче, когда сменился уже ряд поколений и жизнь человечества стала совершенно иной, нам трудно представить себе, насколько важно было для людей проповедничество Толстого. Нам кажется, что он, как и сегодня, был знаменит главным образом блестящими романами. Однако на самом деле его феноменальная слава, не сопоставимая со славой ни одного современника, в основном проистекала из Учения, а не из

Писаний. В наши дни толстовство привлекает лишь сравнительно узкий круг интеллектуалов, но слава осталась и отождествляется обычно с тем, что нам преподают в школе.

Я, конечно, сильно упрощаю картину, пытаясь вписать в небольшой объем текста все сложности жизни гения. Но, думается, тот, кто прочтет книгу Зорина, получит об этом много парадоксальной информации.

Мандельштам или свобода?

Немало парадоксов можно обнаружить и в книге **«Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории»** (М.: НЛО, 2020. 487 с.). Это тексты разных известных авторов XIX–XX веков (от Михаила Сперанского до Иосифа Бродского), собранные Н. Плотниковым и С. Киршбаум. В книге предпринимается попытка показать нам, что думали о свободе люди разных эпох и разных политических взглядов, причем комментарии составителей тома занимают в нем незначительное место.

Замечательно подобраны, например, тексты славянофила Константина Аксакова, западника Бориса Чичерина и анархиста Михаила Бакунина, отражающие эпоху Великих реформ. Мы привыкли со школьной скамьи противопоставлять западников и славянофилов. Но выясняется, что они в те годы желали примерно одной и той же свободы. Свободы беспрепятственного выражения своего мнения, а не политической свободы, ограничивающей самодержавие. Аксаков видел образцом старую Русь, тогда как Чичерин — Европу. Но при этом они фактически сходились в умеренности своих пожеланий, полагая, что защищать свободу должно государство. А вот Бакунин был неумерен, полагая, что бессмыслицей является посягательство на свободу под предлогом, будто ее вообще необходимо каким-то образом защищать. В этом расхождении взглядов — вся последующая история России. Интеллектуалы, расходящиеся порой в теоретических воззрениях, на деле требуют у государства не так уж много, понимая, что угроза свободе может быть не только сверху, но и снизу. А революционеры (вне зависимости от того, являются ли они анархистами или социалистами) угрозы снизу не признают и требуют радикального переустройства всей системы: хуже, мол, быть не может ни при каких обстоятельствах.

В другой части сборника прекрасно сошлись тексты Михаила Каткова, Владимира Соловьева и епископа Сергия (Страгородского) о свободе совести.

Для Преосвященного Сергия особых проблем здесь нет: «Если мы считаем себя представителями церкви, то не можем же мы смотреть

на распространение ложных учений иначе, как смотрят на свободную продажу опиума» (с. 311). Это, кстати, тот самый Сергий, который стал патриархом при Сталине и не рассматривал большевистский атеизм в качестве опиума для народа, а спокойно уживался с ним.

Для Каткова проблема есть. Он не стремится воевать с католичеством, но желает объехать его «на хромой козе». Плохо, с его точки зрения, не иное христианское учение, а то, что оно стало частью национально-освободительной борьбы поляков. Поэтому польских ксендзов-смутьянов надо убрать и заменить, скажем, мирными чехами, «импортируемыми» ради этой цели из-за границы. Комбинация вполне в духе Остапа Бендера, спасающего Адама Козлевича от охмурения.

И лишь истинный христианский мыслитель Владимир Соловьев рассуждает на эту тему по существу: «Ревнующие не по разуму об охранении “православия” представляют его себе в виде какой-то внешней вещи, для которой решительно все равно, как и чем ее охраняют, лишь бы ей быть целой. Если я везу порученный мне казенный сундук, то, конечно, на случай нападения разбойников я должен иметь в кармане заряженный револьвер. Но естественны ли подобные меры предосторожности, когда дело идет не о казенном сундуке, а о “чистейшем виде христианства”?» (с. 303). Соловьев всегда интересен: его можно читать бесконечно, поражаясь мудрости философско-религиозных текстов. Но на фоне бойцов видимого и невидимого фронта, открытого против «торговцев опиумом», он совсем хорош!

В общем, в «Дискурсах свободы» есть что почитать. Увы, при переходе от истории к современности составители сборника изменили принципу, согласно которому на его страницах «спорят между собой» ведущие мыслители эпохи, представляющие популярные общественные течения. Проблема борьбы за свободу последних десятилетий выглядит как-то странно. Формально, казалось бы, к составителям придраться трудно: есть текст академика Андрея Сахарова, есть и текст поэта Иосифа Бродского. Нобелиаты представлены, и вроде бы вместе с ними на страницы сборника проникает свободная русская мысль. Беда лишь в том, что передний край дискуссий нашей эпохи пролегал совсем в другом месте.

Миллионы людей у нас схлестнулись в спорах о реформах Егора Гайдара и о том, в частности, вели ли они нас к свободе или только к «колбасе». Так, может быть, следовало дать слово Гайдару на страницах «Дискурсов свободы», тем более что недавно завершено составление его 15-томного собрания сочинений (включающего все интервью), и подобрать необходимый текст было бы нетрудно? А заодно неплохо было бы дать слово и основному оппоненту Гайдара Григорию Явлинскому, отстаивавшему со своей партией альтернативный подход к борьбе за новую Россию.

Есть Конституция 1993 года, которая одной частью общества воспринимается как Конституция свободной России, а другой — как документ, заложивший основы перехода от демократии к автократии. Так, может быть, стоило включить споры о Конституции в «Дискурсы свободы»? Замечательный российский интеллектуал Виктор Шейнис, имевший самое непосредственное отношение к работе над Конституцией, написал об этом толстые тома. Да и оппоненты его не молчали.

А сколько копий у нас сломано при обсуждении позиции охранителей! Почему бы не опубликовать нашумевшую статью Валерия Зорькина со своеобразной апологией крепостного права? Автор ее не только юрист, но и глава Конституционного суда. Почему бы не дать выдержки из рассуждений Владимира Мединского, который по мнению многих историков, наступает сегодня на свободу научного творчества и препятствует формированию адекватных представлений о прошлом нашей страны? Мединский ведь сейчас фактически стал ключевым идеологом Кремля. Почему бы не вспомнить об изобретенной Владиславом Сурковым «суверенной демократии»? С этим тезисом даже Дмитрий Медведев в свое время спорил. Думается, то был важнейший спор о свободе за два с лишним десятилетия путинской эпохи.

Можно было бы долго перечислять, что следовало включить в сборник для того, чтобы он адекватно отразил современность. Понятно, что все включить невозможно (хотя в книге есть ряд текстов откровенно слабых, несмотря на звучные имена их авторов). Но следовало, наверное, хотя бы попытаться сделать книгу отражением реальной интеллектуальной жизни последних десятилетий, а не только мнений ее составителей. Создается впечатление, что при всей их несомненной компетентности в теоретических вопросах то, чем жила Россия с 1985 г. до наших дней, выпало из поля зрения Н. Плотникова и С. Киршбаум. Впрочем, этот упрек ни в коей мере не отрицает важности того, что они сделали. Судить следует по проделанной работе, которая принесла пользу, а не по тому, с чем составителям не удалось справиться.

Кстати, среди приведенных в сборнике текстов, имеющих непосредственное отношение к современности, есть как минимум два любопытных.

Во-первых, размышления (1991 г.) математика Ю. Левина под эпатажным названием «Почему я не буду делать доклад о Мандельштаме». Хотя всю жизнь в свободное от математики время Левин изучал Мандельштама, говорить о нем в эпоху рынка, демократии, национализма и массового насилия он отказался. «Мы как бы стали его недостойны», — заключил несостоявшийся докладчик и выразил надежду, что «жизнь в России войдет когда-нибудь в ее нормальную колею» (с. 390–391). Сегодня она в эту колею явно вошла. Общественной жизни нет, политической — тем более. Можно уходить в частную и штудировать Мандельштама, как при Брежневе, не унижаясь ни рынком, ни национализмом.

Сомневаюсь, правда, что самому Мандельштаму понравилось бы жить, «под собою не чуя страны». Но, несомненно, глядеть сегодня на наши «интеллектуальные проблемы» 30-летней давности забавно и поучительно.

Во-вторых, стоит обратить внимание на обличающее конформизм открытое письмо (1969 г.) знаменитого диссидента Андрея Амальрика (автора эпохального текста «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?») писателю-эмигранту Анатолию Кузнецову (автору столь же эпохального романа «Бабий Яр»). Замечательно пишет Амальрик о необходимости бескомпромиссного противостояния режиму и о том, как нехорошо сотрудничать с КГБ даже для того, чтобы, воспользовавшись моментом, попросить на Западе политического убежища. Все симпатии читателя, бесспорно, на стороне диссидента. И настолько его моральная правота нас убеждает, что, наверное, даже неинтересно было бы это открытое письмо читать, если бы не одно «но». При всем великом значении того морального примера, который нам дали диссиденты, Советский Союз реформировали такие конформисты, как Михаил Горбачев, Александр Яковлев, Борис Ельцин и др. Они до поры до времени играли по правилам системы, а прорвавшись к власти, начали великие реформы. Если бы не было этих конформистов, мы до сих пор, стоя в очереди за колбасой, славили бы верного ленинца, генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева.

Школа гражданского просвещения планирует провести в конце этого года конференцию, посвященную 100-летию издания в 1922 году второго тома труда Освальда Шпенглера «Der Untergang des Abendlandes» («Закат Европы»). Первый том вышел в 1918 г.

Публикуем статью Люсьена Февра (1878–1956), французского историка, автора трудов по истории XVI века, основателя (совместно с Марком Блоком) журнала «Анналы» (1929) и одноименной исторической школы.

*Освальд Шпенглер: величие и немощь пророка**

Люсьен Февр

В 1922 году в Германии появилась книга никому не известного автора, Шпенглера. Заглавие гласило: Der Untergang des Abendlandes [Закат Европы]. Помню прилавки рейнских книжных магазинов, заваленные внушительными кипами этих in-octavo: они таяли, как снег на солнце. В несколько недель имя Освальда Шпенглера стало знаменитым во всем германском мире, а книга его обрела такой успех, какого не имело в Германии ни одно историко-философское сочинение со времен Гиббона. Нет, успех не то слово: книга эта была встречена как некое откровение.

За границей ей был оказан менее горячий прием. Сдержанное любопытство в Англии; ироническое недоверие у нас; французский перевод вышел с двухлетним опозданием (1925 г.), а еще через год появилась небольшая книжка Фоконне, в которой разбирались основные шпенглеровские темы. Однако обширная литература — «Der Streit um Spengler», «O. Spengler und das Chris tentum» [Споры вокруг Шпенглера, О. Шпенглер и христианство] и т. д. — уже начала с терпеливым однообразием так и этак манипулировать идеями пророка, не постеснявшегося провозгласить себя «Коперником истории». Не будем его судить: историки не судьи; попытаемся его понять; иными словами, попробуем связать эту книгу и ее успех с актуальными нуждами тогдашней Германии, в которой назревало то, что вскоре должно было стать гитлеровским национал-социализмом.

Этот человек — он умер в 1936 году, в полном одиночестве, всеми оставленный, — родился в 1880 году в Восточной Пруссии. Протестант, выходец из скромной семьи, он получил в 1904 году степень доктора естественных наук за диссертацию о Гераклите.

Не мудрено, что каждая страница «Заката Европы» пропитана жгучей ненавистью к столь почитаемым в Германии естественным наукам и к либерализму их приверженцев, особенно к их понятиям о прогрессе.

** Люсьен Февр. Бои за историю. — М: Наука, 1991. С. 73–96.*

Либерализм и прогресс — вот два божества, служение которым было навязано юному Шпенглеру его домашними, его наставниками, его товарищами но учению. Отсюда бурный протест против этих божеств, а также против «исторического атомизма», против кропотливой «монографической» работы, делящей историю, словно пирог, на разрозненные ломти: историю дипломатическую, экономическую, литературную, историю искусств, наук, философских течений и т. д. На месте всех этих закутков он решил выстроить грандиозный и светлый дворец. Дворец всеобъемлющей истории. Народы и языки, боги и нации, войны, науки и философия, понятия о жизни и экономические формации — все это являлось в его глазах символами, которые нужно было истолковать, пользуясь методом аналогии, главнейшим историческим методом. Соответствия между интегральным исчислением и политикой Людовика XIV, между эвклидовой геометрией и греческим полисом, между телефонной связью и кредитными операциями нельзя считать поверхностными и надуманными. Они глубоки и существенны.

Все проявления человеческой деятельности в определенную эпоху сплавлены в понятие «культур». И эти культуры суть живые существа, подобные, скажем, растениям: они зарождаются, расцветают, увядают и отмирают. Их судьба определяется в тот момент, когда разрастание и умножение всего, что они в себе заключают, становится хаотичным и беспорядочным. И хотя все они должны проходить в одной и той же последовательности одни и те же этапы развития, каждая из них глубоко отлична от соседних вследствие присущего ей духа. Наша западная культура наделена фаустовской душой — для нее характерно вечное напряжение, тяга к недостижимому, сердечный и духовный динамизм. Душа античной культуры была «аполлоновской» — ей свойственна не динамика, а статика, спокойствие, неспешность, ясность; она породила не хронометр и научную историю, а дорическую колонну и евклидову геометрию. Подобным же образом можно подобрать символ, определяющий египетскую культуру: это резко очерченная дорога, узкая и загадочная, ведущая путника к таинственной гробнице фараона. Но все культуры, сколь бы различными они ни были, должны в свой черед миновать период восходящий (Kultur) и нисходящий (Civilization) — затем их ожидает смерть.

Стоит ли вглядываться в эти бойко раскрашенные картинки с таким же вниманием, с каким коллекционер вглядывается сквозь лупу в пробный оттиск гравюры? Какое отношение имеют к нам эти одноликие и всеобъемлющие культуры, включающие в себя без разбора всех живых людей данной эпохи независимо от их общественного положения — будь то Бергсон или Бэббит, приказчик за прилавком, ученый в лаборатории или крестьянин на ферме? Неужто все они наделены фаустовской душой и ее неистовым величием? А что означают эти красивые слова, эти цветистые метафоры, столь излюбленные виталистами: зарождение,

расцвет, гибель культур? Это всего лишь заново перелицованное старье. Оно возвращает французского читателя в ту прекрасную эпоху, когда Арсен Дармстеттер выпустил небольшую книгу под названием «Жизнь слов»*, тут же разобранную по косточкам Мишелем Бреалем: она опередила свое время.

Как же объяснить фантастический успех Шпенглера — и не только у широкой публики, не способной противостоять его чарам, но и у всех образованных людей Германии и Австрии, особенно молодых?

Дело в том, что Шпенглер предстал перед всеми в роли освободителя. Когда мы читаем его призывы и увещевания: «Довольно монографий, довольно общих сводок!» — мы едва сдерживаем улыбку. Конечно, и у нас есть близорукие ученые, слепые кроты**, но у нас нет недостатка в содержательных и ярких обобщающих трудах. Иное дело в Германии: там даже после войны история все еще продолжала испытывать гнет чрезмерной специализации. Монографии, написанные специалистами для специалистов на специальном жаргоне, не выходили за пределы университетских кругов; история, в чье основание они ложились, оставалась занятием профессоров, яростно противоречащих один другому: то была схватка Вадиуса с Триссотеном. То был замкнутый мирок специалистов и их дикарских основополагающих диссертаций. Туда не было доступа нормальному образованному человеку. Этот мирок был Fach [ремесло], и посягнувший на него посторонний считался святотатцем.

А Шпенглер как раз и проповедовал это святотатство — и всеобщий раздел награбленных историей сокровищ. Он вел свою проповедь не на жаргоне специалистов, а на языке ясном и живом, полном блеска и ритмической гармонии. Он предлагал духовно смятенной послевоенной буржуазии поистине лакомый кусок — историю, вырванную им у патентованных историков, историю, облеченную в формулы, каждая из которых покрывала целые века. Он обнаруживал поражавшие своей неожиданностью и ослеплявшие многообразием соответствия между фактами, дотоле раз и навсегда распределенными по различным отсекам с непроницаемыми перегородками: геометрия Евклида протягивала РУКУ дорической колонне — ну не потрясающее ли зрелище? Благодаря Шпенглеру вся немецкая публика познала наивную и чистую радость первооткрытия истории — по крайней мере истории, доступной ее пониманию, с начертанными именно для нее перспективами. И надо ли

---

* *«Языки суть живые организмы, чье существование, являясь чисто духовным, тем не менее вполне реально и сравнимо с существованием растительных и животных организмов» (Darmstetter A. La vie de la mot. P., 1887. P. 3). Ср.: «Действие одних и тех же законов распространяется к а к на органическую жизнь растений и животных, так и на жизнь слов» (Ibid. P. 175).*

** *Ср.: Espinas G. De l'horreur du général; une déviation de la méthode erudite // Annales d'histoire économique et sociale. T. 6. P. 365.*

говорить, с какой признательностью публика эта приняла предназначенное ей подношение.

Тем более что автор, встав в позу пророка, возвещал гибель всего, чем в самом деле дорожили его читатели, — то было для них еще одним источником радости и свободы. Ибо — спору нет — хорошо участвовать во взлете развивающейся цивилизации. Но куда лучше жить во времена упадка. И мужественно принимать гибель, стоя на ее пороге: «Что ж, пусть она поскорее наступит!» Великолепная романтическая позиция; приняв ее, не мудрено преисполниться гордости за самого себя. Профессиональные историки, разумеется, либо пожимали плечами, либо вопили о нарушении приличий, при этом украдкой подбирая под столом крохи от чужого пирога. Марксисты, разумеется, возмущались, обличая учение, равнодушное ко всем социальным аспектам истории и жизни. Но средний читатель чувствовал, что автор польстил его личному и сиюминутному самолюбию. Что и говорить, не было у этого прусского или саксонского обывателя никакой фаустовской души, но он был бы не прочь ее заиметь или по крайней мере сделать вид, что имеет. Фауст, символ всей европейской цивилизации, был славной и милой его сердцу фигурой. И что за важность, если та или иная теория Шпенглера показалась ему туманной или неудобоваримой? Смутные чувства охватывают нас сильнее всего; к тому же они менее утомительны, чем трезвое понимание. Отметим, наконец, вот что (кое-какие наивные приемы французской критики делают это замечание отнюдь не бесполезным): философия истории была всего лишь одной из сторон шпенглеровской мысли — и далеко не самой важной. История — это двуликий Янус: один его лик обращен к прошлому, другой — к будущему. Но к какому будущему? К закату Европы, прообразом которого, согласно законам аналогии, был закат Римской империи. К эпохе образования новых гигантских империй, к эпохе войн между ними: в первую очередь войн между империей Британской, цитаделью капитализма, и Германской — оплотом этатизма. Что такое будущее согласно Шпенглеру? Это горсточка великих людей, с одной стороны, и масса — с другой. Отсюда наставления молодежи: «Не тратьте времени на поэзию, философию, живопись. Все это — мертвое прошлое. Созидайте в самих себе первооснову, которая породит великих людей». Подобные темы, намеченные в «Закате Европы», были подхвачены в «Neubau des deutschen Reiches» [Новое издание Германской империи] и в «Politische Pflichten der deutschen Jugend [Политический долг немецкой молодежи] — политических программах, разработанных человеком, являвшимся, как утверждают, одним из первых приверженцев национал-социализма*.

** Шпенглер был действительно во многом близок к фашизму, но скорее в интеллектуальном, нежели в политическом, плане. — Прим. ред.*

Дело в том, что в то время у Шпенглера и его читателей, будущих ярых нацистов, были общие враги: демократия, буржуазный либерализм и марксизм. Тогда, в 20-е годы, Шпенглер держал лавочку, полную самых ходовых товаров — таких, скажем, как известного рода патетика, решительный антиинтеллектуализм, героическое понимание судьбы, антиэстетизм, убеждение в ничтожестве человека перед величием, непомерным величием истории. А также (см. его книгу 1920 года «Der Mensch: Die Technik») предвидение гибели, столь близкое обывателю-нацисту, столь сообразное с его автаркическими грезами: «Избыточное развитие техники погубит Европу; цветные расы научатся у белой ковать в своих мастерских оружие, которое они против нее же и обратят...». Всем этим и был обеспечен успех Шпенглера — не вдумчивого и последовательного в своих выводах историка, а пророка, волхва, ясновидца, пришедшегося как нельзя кстати в охваченной брожением Германии 1922—1929 годов. Дополнительное тому доказательство: в последние годы жизни он утратил всякое уважение со стороны нацистских кругов вовсе не от того, что его исторические теории были сочтены ложными. А от того, что и сентиментальная позиция Шпенглера, некогда обеспечившая ему успех, и навязчивые его пророчества уже не соответствовали идеологии нацистской партии, дорвавшейся до власти.

«Сегодня нам принадлежит Германия, завтра — весь мир!» — таким стал ее призыв после победы. «Umbruch» [Перелом], «Neubeginnen» [Новое начало], «Der neue Mensch» [Новый человек] — эти полные активного оптимизма выражения все чаще звучали изо всех уст, вытекали из-под всех перьев. Как было согласовать эту необходимость доверия к будущему, веры в него, эту фанатическую потребность в надежде, способной выявить силы и мужество для повседневного труда; как было согласовать это с мрачными предсказаниями человека, год за годом неустанно проповедовавшего, что судьба неотвратима, что настоящее определяется прошлым, что попытка поколебать иго истории, воодушевив издыхавшую цивилизацию иллюзорным порывом, заранее обречена на провал.

Шпенглер не понимал всего этого, и последняя его книга — «Jahre der Entscheidung» [Годы решений]* окончательно рассорила его с национал-социалистами. Книга эта полна перепевов; цветные расы несут погибель миру, идеология не играет никакой роли во внешней политике и международной экономике и т. д. Автор не скупится на резкие выражения по адресу нацистских светил, этих «взвинченных вечных юнцов» (scbwärmende ewige Jünglinge), этих молокососов, у которых нет ни опыта, ни воли, которые и не желают набираться опыта, — словом,

---

** Spengler O. Jahre der Entscheidung. München, 1933. Нацистскую критику Шпенглера см.: Zweininger A. Spengler und 3. Reich. B., 1933; Grandel G. Jahre der Uberwendung. B., 1934. — Прим. ред.*

этих романтиков, но романтиков не социального пошиба, какими являются коммунисты, а приверженцев политико-экономического романтизма, считающего положительными и убедительными такие факторы, как число голосов на выборах, зажигательные речи с высоких трибун и монетарные теории, высосанные из пальца ничего не мыслящими в финансовых вопросах деятелями. Он считает их не людьми, а стадом баранов, которые, чувствуя свою многочисленность, твердят о победе над индивидуализмом, охотно закрывая глаза на собственное бессилие.

То был явный разлад с новой Германией, лишний раз заставивший усомниться в достоинствах Шпенглера как историка в пророка. И, сверх того, комическая несообразность: человек, порвавший с народом, который некогда ему рукоплескал, продолжал предлагать свои услуги нацистам в качестве наилучшего советника*. Он пускался в высокопарные разъяснения. «Кто действует — тот не заглядывает вдаль. Он стремится вперед, подталкиваемый событиями, не видя перед собой ясной цели. Быть может, он двинулся бы против течения, если бы сумел ее рассмотреть — ведь логика Судьбы никогда не согласуется с человеческими желаниями, но чаще всего продолжает блуждать наугад, сбитый с толку призраками окружающих его вещей...» (S. 7). Что же остается ему делать, как не довериться истории, не уверовать в Шпенглера, державного обладателя волшебного ключа, открывающего врата прошлого и будущего?

«Пешка ты, Oberlehrer [старший преподаватель]!» — отвечали ему нацисты. И прибавляли, вспоминая шпенглеровские разглагольствования о человеке-хищнике и о мире, катящемся от войны к войне, от революции к революции в последнюю бездну: «Садист за письменным столом! Сочинитель мелодрам!» — ибо в Германии 1936 года полагалось верить, что средний человек добр и что установление мира во всем мире является главной задачей победившего национал-социализма...

Так при чем же тут история? Как быстро в охваченной брожением Германии 1922—1929 годов полиняла историческая этикетка на пузырьке с политической микстурой, состряпанной этим ловким и пленительным краснобаем...

** Люсьен Февр не вполне справедлив к О. Шпенглеру. Мыслитель консервативно-националистического толка, он все же отклонил сделанное ему Геббельсом 26 октября 1933 г. предложение о сотрудничестве (ответ датирован 3 ноября того же года). Книга «Годы решений», о которой Февр отзывается весьма иронически, содержит, кроме нападок на последователей фашизма, насмешки над политикой антисемитизма и пангерманистскими мечтаниями гитлеровцев. В 1935 г. Шпенглер порвал свои, до того весьма тесные, связи с архивом Ницше и хранительницей этого архива Э. Фестер-Ницше, сестрой философа. Этот разрыв был актом протеста против нацистской фальсификации творчества Ницше. — Прим. ред.*

TABLE OF CONTENTS

No. 1 (84) 2022

TO OUR READER

On the 30th Anniversary of the School of Civic Education
Yuri Senokosov, Lena Nemirovskaya 5

FEATURE ARTICLE

Declaring Our Solidarity with Ukraine 8

"Putin's Answer Was Straightforward: He Does Not Trust Anyone, Not Ever."
Alvaro Gil-Robles 11

The War in Ukraine — Cain and Abel
Renée Nyberg 15

Inventing the World
Andrei V. Kolesnikov 20

HISTORICAL EXPERIENCE

The Person in the World
Anatoli Mikhailov 24

"I Would Like to Talk More about Values"
Krzysztof Zanussi 33

Closing Remarks to the Seminar
Ernest Wyciszkiewicz 41

ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The New Ethics: Information Technologies and the Supremacy of Law
Anna Kuleshova, Oleg Greshnev . . . 44

SOCIOLOGY

Where to Find Hope
Alexei Levinson 64

BOOKS

The Russian Plight
Andrei Zakharov 89

The Counterpoint
Dmitry Travin 93

NOTA BENE

Oswald Spengler: the Prophet's Greatness and Weakness
Lucien Febvre 99

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ПОЛИТИКА И
ЭКОНОМИКА

Наши авторы:

Андреас Буммель

Валдис Биркавс

Андрей Захаров

Владислав Иноземцев

Андрей Колесников

Джон Ллойд

Елена Лукьянова

Александр Морозов

Михаил Минаков

Кирилл Рогов

Йеспер Роин

Петр Свитальский

Славомир Сераковский

Дмитрий Травин